С.Б. Орлов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В РОССИИ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА МИФА ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Монография

Барнаул
2002

Министерство образования Российской Федерации
Алтайский государственный технический университет

Бийский технологический институт

С.Б. Орлов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В РОССИИ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА МИФА ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Монография

Барнаул 2002

Орлов С.Б. Политическая мифология в России: опыт концептуального анализа мифа об интеллигенции: Монография.

Алт. гос. тех. ун-т, БТИ. – Бийск.
Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002г. – 216 с.

В монографии исследуется природа, происхождение и функционирование сложного социального феномена, именуемого "интеллигенцией". В отличие от традиционных парадигм, трактующих интеллигенцию как реально существующую социальную группу, автор рассматривает ее как политический миф. В связи с этим в работе определяется цель мифа, его признаки и функции в обществе.

Кроме того, на основе анализа теоретических концепций бюрократии и изучения генезиса российского государственного аппарата выявлен субъект мифотворчества – зарождающаяся в 30-40-е годы XIX в. политическая бюрократия, - и предложенные им критерии выделения интеллигенции в социальный слой.

Особое место уделено исследованию "концепций – предупреждений", рассматривавших интеллигенцию как новую разновидность бюрократии, преемственную по отношению к предыдущим ее разновидностям.

В работе рассмотрены также инварианты мифа об интеллигенции в зависимости от политического режима.

Для социологов, философов, историков и всех, кто интересуется данной проблемой.

Рассмотрена и одобрена
на заседании кафедры
истории и социологии факультета
социологии и политологии
УрГУ (г. Екатеринбург).
Протокол №1 от 26.09.2001г.

Рецензенты:

главный научный сотрудник Института философии и права
УрО РАН доктор философских наук, профессор **Куликов Б.В.**

ведущий научный сотрудник Института философии и права
УрО РАН доктор политических наук, профессор **Мошкин С.В.**

ISBN 5-9257-0019-8

©БТИ АлтГТУ, 2002
©Орлов С.Б., 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 4

Глава 1. Методология исследования интеллигенции как мифологического явления..... 8

§1. Принципы мифа и его функции в обществе..... 8

§2. Бюрократия как социальный феномен..... 44

Глава 2. Социально-исторические предпосылки возникновения политической мифологии в России..... 63

§1. Этапы и особенности развития бюрократической системы самодержавия..... 63

§2. Становление субъектов мифотворчества..... 100

Глава 3. Генезис и эволюция мифа об интеллигенции... 117

§1. Формирование и укоренение мифологической парадигмы взглядов на интеллигенцию в российском обществе второй половины XIX – начала XX в. 117

§2. Попытки демифологизации: концепции интеллигенции как разновидности бюрократии..... 151

§3. Особенности функционирования мифа об интеллигенции в Советской России..... 173

Заключение..... 195

ВВЕДЕНИЕ

Сложность и противоречивость процессов, происходящих в российском обществе, предполагает выработку новых подходов к их изучению, а также критическое переосмысление некоторых парадигм, укорененных как в массовом, так и в научном сознании, но не отражающих реалии современного бытия.

Это касается и теории социальной структуры, которая, по мнению ряда ученых, представляет собой умозрительную модель, состоящую из совокупности мифов, имеющих мало общего с действительностью.[1]

Данное обстоятельство обусловило выбор темы исследования, поскольку, по нашему мнению, интеллигенция представляет собой один из наиболее распространенных в обществе мифов.

Доказательство этого предполагает:

- во-первых, определение разновидностей мифа, а также его цели, признаков и функций в обществе;
- во-вторых, рассмотрение предпосылок возникновения данного мифа;
- в-третьих, раскрытие сути явления, искажаемого мифом;
- в-четвертых, выявление субъектов мифотворчества;
- в-пятых, анализ развертывания мифа в историческом пространстве.

[1] См.: Галкин А.А. Тенденции изменения социальной структуры.// Социол. исслед. – 1998. - №10. – С.85; Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания («Круглый стол»).// Социол. исслед. – 1998. – №12. – С.50

В основу методологии исследования легла разработанная с помощью анализа работ Р. Барта, Э. Кассирера, А. Кольева, К. Леви-Строса, К. Хюбнера, М. Элиаде и других ученых концепция мифа как реально присутствующего в обществе социального феномена, функционирующего по своим законам и обладающего набором признаков и особенностей. Кроме того, в качестве методологического базиса использовалась теоретическая модель бюрократии, созданная исходя из идей Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера, а также М. Крозье.

С помощью данной методологии в работе изучается специфика становления бюрократического аппарата Российской Империи, рассматриваются основные этапы ее развития и доказывается, что бюрократия была единственным реально правящим слоем, на каждом витке исторического процесса приобретающим все большую полноту власти.

Интеллигенция в данной концепции предстает как исторически обусловленная и закономерная форма бюрократии, возникшая в качестве альтернативы режиму самодержавия.

В связи с этим в монографии всесторонне анализируется происхождение термина «интеллигенция», имевшего расплывчатое значение качества личности или «лучшей части общества». В последнем значении он был использован субъектом мифотворчества – маргинальной разночинской средой, исповедующей радикальные политические взгляды, - для позитивной самоидентификации в обществе и в противовес термину «бюрократия», употреблявшемуся, как правило, с негативно-уничижительным оттенком.

Однако, по сути, понятием «интеллигенция» мифологизировалась развивающаяся *политическая контрбюрократия*, выдвигающая претензии на власть. В работе на основании анализа концепций интеллигенции, появившихся во второй половине XIX в. показан процесс превращения единичной мифологемы «интеллигенция» в целостный миф, обладающий набором признаков и долженствующий обозначать реально существующую социальную группу, выделяемую либо по социально-этическому, либо по социально-классовому критерию.

Данный миф внедряется в общественное сознание всеми без исключения политическими движениями, а также средствами массовой информации тех лет, и к 1917 году окончательно вписывается в мифологию социальной структуры.

Тем не менее существовали иные точки зрения относительно понятия «интеллигенция». В работе особое место уделяется «концепциям-предупреждениям», согласно которым интеллигенция есть не что иное, как исторически закономерная, преемственная разновидность российской бюрократии, с еще большим набором отрицательных качеств, нежели царский государственный аппарат. Такого мнения придерживались ученые и общественные деятели с разными политическими убеждениями – народник И.И. Каблиц, «легальный марксист» А.С. Изгоев, анархист Я. Махайский, участники сборника «Вехи» и т.д.

Однако эти идеи не получили широкого распространения и признания. «Интеллигенция» (то есть политическая контрбюрократия, исповедующая идеологию русифицированного марксизма) стала субъектом, движущей

силой революционного процесса и в 1917 году пришла к власти.

Революция, по словам Р. Барта, демифологизирует действительность. Однако миф об интеллигенции не исчез. В последней части монографии показано, что в первые годы существования Советского государства происходит редукция, приспособление данного мифа к требованиям правящего слоя, согласно которым интеллигент – это только добросовестный специалист, не имеющий собственных политических стремлений.

Позднее, по мере укрепления режима, создается единая унифицированная теория социальной структуры, где интеллигенция, по-прежнему оставаясь прослойкой, тем не менее вновь приобретает признаки «лучшей части общества» и обозначает высококвалифицированных специалистов, преданных идеям марксизма-ленинизма и воплощающих их в жизнь. Возникает, согласно термину А.Ф. Лосева, «абсолютная мифология», не встречающая в своем функционировании никаких препятствий и находящаяся под патронажем властей. Тем самым, по нашему мнению, завершается главный этап развития мифа об интеллигенции.

Ряд идей, содержащихся в данной монографии, был высказан нами в тезисах научных конференций, а также в теоретических статьях.

Осознавая некоторую спорность и неполноту проведенного нами анализа, мы вместе с тем надеемся, что данная работа станет одной из первых в целом ряду будущих исследований, посвященных проблемам социальной мифологии российского общества.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

§1. Признаки мифа и его функции в обществе

В современном урбанизированном и внешне рациональном обществе миф представляется наследием давно преодоленного прошлого. Это понятие эксплуатируется публицистикой и используется в массовом сознании для противопоставления науке, точному знанию, основанному на логике, доказательстве и объективности. По мнению А.М. Лобка, мы говорим «миф», подразумевая слабость той или иной интеллектуальной конструкции;[1] Е.М. Мелетинский категорично отмечает: «Мифология как форма общественного сознания, появление и господство которой было связано с определенным уровнем развития производства и духовной культуры, как ступень сознания, предшествующая научному мышлению, исторически изжила себя. Поэтому попытки апологетики и возрождения мифа как действующей системы в современном обществе несостоятельны».[2]

С другой стороны, начиная со второй половины XIX в. и по настоящее время интерес к мифу как определенной форме освоения действительности и инструменту преобразования этой действительности со стороны ученых постоянно возрастает. Это вызвано, во-первых, тем, что при анализе причин экономического и культурного отставания

[1] См.: Лобок А.М. Антропология мифа. - Екатеринбург, 1997. - С.11.
[2] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М.,1976.- С.16.

ряда стран обнаруживается не только отсутствие свободного капитала и квалифицированных кадров, а нечто способное к активному и гибкому сопротивлению инокультурным влияниям и подчинению их своим интересам – мифологический образ мысли. Как считает М.К. Петров, мифология - это универсальный тип мировоззрения для основанных на ремесле и земледелии обществ, где свои особые представления о способах записи и хранения знания как общественной ценности, а также о механизмах его пополнения и обновления.[3]

По мнению А. Дугина, традиционное общество руководствуется не логикой рационального, верифицированного, детерминистского, механистического подходов, но особым, целостным взглядом на взаимосвязь основных процессов, на системы ценностных приоритетов – логикой мифа, где духовные уровни важнее инструментально-материальной, узко рассудочной сферы.[4]

Немецкий исследователь мифов К. Хюбнер распространяет влияние мифологии на все общество: «многообразные формы мифического мышления продолжают жить в современном духовном мире».[5]

При этом миф не просто существует а, как отмечает С.В. Ольховикова, «переживает стадию модернизации. Он перестал восприниматься как предмет узкоисторического и этнографического материала, как исключительный атрибут

[3] Петров М.К. Научно-техническая революция и миф // Вопросы философии. – 1992. - № 6. – С.47.
[4] См.: Дугин А. Новый Вавилон// Завтра. – 2000. - № 43.
[5] Хюбнер К. Истина мифа. - М., 1996.- С.6.

архаического общества, как предисторическое сознание»[6]; он не только сохранился в истории, но и постоянно модифицируется в культуре и политике.

Во-вторых, многие ученые в последнее время сталкиваются с проблемой невозможности использования традиционной методологии исследования, поскольку целый ряд явлений не поддается продуктивному анализу в рамках формальной научной логики. Однако эта проблема разрешается при анализе их как явлений мифологических.

Это в свое время отмечал Н. Бердяев: «Тайны ... человеческого и мирского бытия ... поддаются разгадке лишь с помощью конкретной мифологии. Невозможно познать ... бытие средствами абстрактного философского мышления, основанного на принципах формальной или рациональной логики: это возможно лишь с помощью конкретного мифа, который ощущает божественное бытие как полную страстей судьбу конкретных и деятельных личностей»[7].

К. Керени указывал, что если миф понимать айтиологически, то есть как форму причинного объяснения в научном смысле, то должно казаться совершенно непонятным, как он вообще мог восприниматься убедительно и осмысленно. Если же переключиться на то измерение реальности, которое миф стремится отразить, то он становится понятным как совершенно иная по сравнению с наукой

[6] Ольховикова С.В. Современная мифология: проблемы инварианта и его вариативных воплощений. Дис.канд..фил.наук. - Екатеринбург, 1994. - С.17.

[7] Цит. по: Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология. - М., 1997. - С.257.

форма мышления и выражения, а именно такая, которую следует изучать так же, как незнакомый язык.[8]

Наконец, авторы учебника "Социология", рассматривая степень научности данной дисциплины, отмечают, что многие социологические понятия являются следствием осознанной мифологизации.[9]

По нашему мнению, одним из понятий, подлежащих осмыслению и рассмотрению как явлений мифологического характера, является «интеллигенция». Для плодотворного анализа необходимо всестороннее изучение мифа, его признаков, функций и задач, выполняемых в обществе.

В традиционном понимании миф – это возникающее на ранних этапах человеческой истории повествование, в котором явления природы или культуры предстают в одухотворенной или олицетворенной форме.[10] Такое понимание мифа было характерно уже для поздней античности и воспроизведено рационалистическим Просвещением XVIII в. В свете картезианской онтологии любое объяснение природы, отличающееся от физического, характеризовалось как способность отличить субъективное от объективного. Поэтому миф – это смешение субъекта и объекта с перенесением первого на второе.[11]

Таким образом, одним из главных признаков мифа называлась избыточная субъективность.

[8] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.71.

[9] См.: Волков Н.Г., Мостовая И.В. Социология. – М., 1998. – С.82.

[10] См.: Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. - 1992.- № 11. - С.43.

[11] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.42.

Параллельно развивалась другая точка зрения, трактующая миф как историческую форму миропостижения. В XVIII в. итальянский философ Дж. Вико интерпретировал миф историко-социологически. Он связывал развитие общества с особенностями эволюции мифа: «Мифология – это Гражданские истории Первых народов», которые при своем возникновении «были истинными и строгими рассказами».[12]

Во второй половине XIX в. появляется и развивается сразу несколько школ, изучающих миф.

В рамках лингвистической концепции М. Мюллер утверждал, что «мифология в высшем значении – это власть, которой язык обладает над мыслью во всех возможных сферах умственной деятельности».[13] Каждый предмет обозначался через множество атрибутов (полионимия), позднее из этого многообразия было выбрано одно имя (синонимия). Становление самостоятельности отдельных слов привело к тому, что они стали именами мистифицированных субъектов. Поэтому миф есть детская болезнь языка. При этом миф выступает не как опыт единичного, но в его формировании заложена всеобщность «необходимого и бессознательного», в нем выражено «единство знания и мышления». Кроме того, миф неразрывно связан с символом: «миф повествует о добром деянии…; символ наглядно выражает его смысл».[14]

[12] Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. - Л., 1940. - С.119.
[13] Цит. по: Бирлайн Дж.Ф. Указ.соч. - С.260.
[14] См.: Хюбнер К.Указ.соч. - С.43, 64.

Таким образом, миф есть искаженный язык; он обладает статусом всеобщности; миф нерасторжимо связан с символом.

Ритуально-социологическая концепция мифа была представлена прежде всего Дж. Фрезером и Б. Малиновским. В ее рамках миф был впервые рассмотрен как форма бытия, включающая целостную практическую реальность и определяющая основу человеческих общностей. Данная реальность описывается через систематическую связь правил поведения, относящихся к социальному порядку и образу жизни вообще. В качестве прообраза правил, господствующих в мифическом мире, был назван ритуал. Сам же миф Дж. Фрезер определял как примитивную науку, основная функция которой – объяснительная.[15]

М. Малиновский, в свою очередь, так определял миф: «МИФ – это не объяснение, служащее для удовлетворения научного интереса, а выраженное в форме рассказа воскрешение первозданной реальности, призванное удовлетворить глубокие религиозные потребности, нравственные чаяния, социальные обязанности, притязания и даже практические нужды».[16] При этом он подчеркивал, что миф играет центральную роль во всех культурах, а не только в первобытных. По его мнению, миф – это источник ритуалов, моральных устоев и социальных отношений, то есть ключевой элемент мировоззрений любого народа. [17]

[15] См.: Фрезер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. - М., 1983. - С. 665-667.
[16] Цит. по: Бирлайн Дж. Указ.соч. - С.261.
[17] См.: Там же. - С.278.

Итак, во-первых, миф – это разновидность науки; во-вторых, он тесно связан с символом и ритуалом; в-третьих, он всеобъемлющ, то есть присущ всем народам и служит средством удовлетворения определенных потребностей.

Очередным этапом раскрытия сущности мифа была психологическая концепция, представленная именами Ф. Ницше, З. Фрейда, К.Г. Юнга и В. Вундта.

Ф. Ницше считал миф однозначно позитивным явлением: «без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер, природные силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое. Все силы фантазии только мифом спасаются от бесцельного блуждания. Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стать на страже: под их охраной подрастает молодая душа… И даже государство не ведает более могущественных неписаных законов, чем эта мифическая основа».[18]

Таким образом, Ницше рассматривал миф в качестве паллиатива научной интерпретации общественных отношений. Он не исключал роли понятийных отношений в конструировании мифа, поскольку считал, что именно мифы содержат последовательные жизненные принципы, служащие ориентиром для человека. Он первым наметил тенденции к созданию социальной мифологии как средства манипулирования сознанием.

Согласно З. Фрейду, миф – это коллективная проекция процессов, происходящих в бессознательной области ума, своего рода «коллективное сновидение», причем

[18] Ницше Ф. Полн.собр.соч. - М., 1912. - Т.1. - С.153.

мифологические образы являются продуктами только индивидуального бессознательного, а не универсальной мифопорождающей сферы. Тем не менее миф – это переходная фаза на пути к «неизбежному» научному мировоззрению.[19]

В. Вундт считал миф творением народной фантазии, а не отдельного человека. Но позднее саморазличение субъекта от объекта привели к возрастающему интеллектуальному развитию, затормозившему мифологическое мышление.[20] При этом он толковал миф и символ как начало и конец религиозного развития, поскольку пока миф жив, он – действительность, а не символ религиозной идеи: «Миф и символ не только не тождественны, но они – образование, стоящее на противоположных концах религиозного развития: миф – в начале, символ - в конце».[21]

Итак, во-первых, миф – явление анонимное; во-вторых, он может вырождаться до символа.

В отличие от З. Фрейда К.Г. Юнг рассматривал миф значительно шире, не сводя его к индивидуальному или сексуальной сублимации. Он был убежден, что миф отражает фундаментальные образы и структуры человеческой духовной жизни: «Мифы есть первичное откровение досознательной души, невольное высказывание о бессознательных духовных событиях», «естественная и необходимая ступень между бессознательным и сознательным мышлением».[22]

[19] См.: Бирлайн Дж.Ф. Указ.соч. - С.282.
[20] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.50.
[21] Цит. по: Стеблин-Каменский М.И. Миф. - Л., 1976. - С.97.
[22] Цит. по: Бирлайн Дж.Ф. Указ.соч. - С.258.

По мнению Юнга, даже если бы вдруг все религиозные традиции были бы прерваны, они возродились бы уже в следующем поколении, поскольку мифологические представления являются изначальным воплощением архетипов. Массы всегда живут мифами, от них избавляются в кризисные переходные эпохи лишь для того, чтобы в скором времени создать новые.

Этой же точки зрения придерживался представитель нуминозной концепции К. Керени. Он отмечал, что если бы даже удалось обрезать все традиционные связи, то мифология вновь возродилась бы в следующем поколении, поскольку современная цивилизация опасна своей прогрессирующей ущербностью. [23]

Психологическая школа, таким образом, выделила целый ряд принципиально важных положений:

1) миф – это мост между противоположностями, своего рода адаптер;

2) миф не играет исторически ограниченную роль, напротив, он достигает глубочайших корней психической жизни и во все времена решающим образом определяет ее характер как в норме, так и в патологии;

3) следовательно, именно миф является средством организации социальной жизни и манипулирования общественным сознанием;

4) миф воспроизводится в следующих поколениях;

5) миф в своем развитии проходит определенные стадии и может вырождаться до символа;

[23] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.71-72.

6) смена мифов происходит в переломные моменты истории.

Представитель трансцендентальной концепции мифа, последователь Шеллинга и Гегеля, Э.Кассирер, обнаружил, что в основе мифа лежит всеобъемлющая и замкнутая система чувственных и понятийных форм, в которую необходимо включить многообразие мифологического опыта и только тогда сделать данный опыт возможным. Миф, как и наука, предполагает определенную онтологическую структуру. Однако эти структуры соотносятся как низший уровень объективности (миф) к высшему (наука). Кассирер связывал происхождение и развитие мифа с традиционалистским обществом: «Мифическое мышление по происхождению и по сущности своей – мышление традиционалистское. Для мифа ведь не существует других средств постижения, объяснения и интерпретирования нынешней формы жизни людей, как только сведение ее к далекому прошлому. Если что-то имеет корни в мифическом прошлом, существуя с незапамятных времен, то оно сильно и неоспоримо».[24] Поэтому, по мнению Кассирера, миф обречен на уничтожение: «перед лицом подлинной научной истины, перед лицом понятия природы и предметности, созданным в рамках чистого познания, миф с его миром мечты и волшебства представляется раз и навсегда канувшим в небытие с первыми лучами научного видения мира».[25]

Итак, *во-первых*, миф имеет определенную структуру, сходную с научной; *во-вторых*, миф – это принадлежность

[24] Цит. по: Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. - М., 1996. - С.426.

[25] Цит. по: Хюбнер К. Указ.соч. - С.56.

прежде всего традиционалистского общества; *в-третьих*, миф стоит ниже науки и исчезает с ее развитием.

Кроме того, к специфике мифа Кассирер относил неразличение реального и идеального, вещи и образа, в силу чего сходство или смежность преобразуются в причинную последовательность; отношения не синтезируются, а отождествляются; вместо законов выступают конкретные унифицированные образы. Следовательно, в мире фактически отсутствует причинно-следственная связь, то есть он антикаузален.

Значительную роль в развитии понимания внутренней логики строения мифа сыграл структурализм, одним из наиболее ярких представителей которого был К. Леви-Строс. По его мнению, миф выражает реальные, но вытесненные чувства, развиваясь как бы по спирали.[26] При этом он дает человеку иллюзию возможности постижения мира или того, что он уже постиг его. Рост мифа непрерывен, в отличие от его структуры, которая остается прерывной. Структура, по Леви-Стросу, – не набор социальных взаимосвязей и не тема или течение культурной истории, а «разыгрывание» базового мыслительного механизма человека, система, существование которой члены изучаемого общества не сознают.[27]

Принципиально важными являются следующие положения, выдвигаемые Леви-Стросом.

1) Смысл мифа определяется не отдельными элементами, входящими в его состав, а способом комбинации этих элементов, их "ансамблем".

[26] См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. - М., 1983. - С.184.
[27] См.: Бирлайн Дж.Ф. Указ.соч. - С.298.

2) Миф как языковой феномен является составной частью языка; при этом язык, используемый мифом, обнаруживает специфические свойства.

3) Эти специфические свойства имеют более сложную природу, нежели языковые высказывания другого порядка.

4) Миф как лингвистический объект образован составляющими единицами, более сложными, чем структурные единицы языка - фонемы, морфемы, семантемы.

5) Элементы, составляющие структуру мифов, Леви-Строс назвал мифемами.[28]

Кроме того, миф в структуралистском понимании имеет собственную отчетливую рациональность. Для Леви-Строса, в противоположность Кассиреру, научная онтология не представляет собой более высокого, в сравнении с мифом, уровня. Обе они равноценны и являются различными способами духовной обработки действительности: "Тип логики мифического мышления столь же строг, как и тип логики современной науки, и различие лежит не в качестве интеллектуального процесса, но в природе вещей, к которым он применяется... Топор из стали превосходит топор из камня не тем, что он сделан лучше. Они оба сделаны хорошо, но сталь отличается от камня", и далее: "Логика мифологического мышления также неумолима, как логика позитивная, и, в сущности, мало чем от нее отличается. Разница здесь не столько в качестве логических операций, сколько в самой природе явлений, подвергаемых логическому анализу.[29]

[28] См.: Леви-Строс К. Указ.соч. - С.127.
[29] Там же. - С.206.

Анализ Леви-Строса показывает, что мифическая мысль оперирует набором бинарных операций "тихий-громкий", "ясный-темный" и т.д. При этом она нивелирует эти противоположности путем "интеллектуального бриколажа" (глагол bricole (фр.) - играть отскоком в бильярде): "Миф - развитие мысли, в котором развернуты противоречия внутри непрерывного, например, природа и культура, мы и они. Миф часто дает разрешение противоречий, неразрешимых в рамках сознания данного общества, переходом к другим противоположностям. Миф как бы выступает в качестве посредника, смягчая жесткие антиномии формальной логики".[30]

6) Мифемы составляют "арматуру" мифов, то есть совокупность особенностей, остающихся неизменными в двух и более мифах; кроме того, в мифе имеется "код", то есть система функций, посредством которой обозначаются эти особенности, и "сообщение", составляющее содержание данного мифа. Как правило, при переходе от одного мифа к другому, "арматура" и "код" остаются, хотя их мифемы могут меняться местами, а "сообщение" может радикально изменяться.[31]

Таким образом, во-первых, миф предполагает особый язык; во-вторых, структурной единицей мифа являются мифемы; в-третьих, мифемы выстроены в определенную структуру, приобретающую качество, которого нет у отдельных мифем, то есть качество или свойство системы;

[30] Леви-Строс К. Структура мифов // Вопросы философии. - 1970. – № 7. - С.22.
[31] См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. - С.504-507.

в-четвертых, структура мифа развивается по тем же законам, что и научная; различие в том, что в мифе происходит смягчение и нивелировка жесткого противопоставления субъекта и объекта, поэтому миф есть определенное искажение; в-пятых, при сохранении структуры и функции мифа его содержание может радикально изменяться.

В рамках рассмотренных выше концепций изучались только естественные мифы, однако существует также категория искусственных мифов. Такие исследователи, как К. Керени и М. Элиаде, изучали определенные явления современной им политической жизни, которые обозначались ими как "неподлинные формы мифа", поскольку они не могут быть рассмотрены как "прафеномены", спонтанно возникающие и передающиеся из поколения в поколение.[32]

Научный интерес к политическому мифу возникает в конце XIX столетия, поскольку в это время, по мнению П. Гуревича, возникает особый феномен - социальная мифология, то есть реестр социальных иллюзий, сознательно распространяемых в обществе для достижения тех или иных целей.[33] С ним солидарен А.М. Лобок: "В XX в. сложилась настолько мощная флуктуация самого дремучего мифологизма в образованное сознание, что это тотально дезавуировало надежды и ожидания просветительского разума: образованный человек XX в. впал в состояние полной мифологической невменяемости, то есть в его сознание внезапно актуализировался уровень мифа, характерного

[32] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.333.
[33] См.: Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. - 1992. - № 10. - С.47.

для первобытного человека, а именно уровень всевозможностного мифа".[34]

Мы считаем, что относить возникновение социальной мифологии к концу XIX века неправомерно, поскольку политические оттенки в мифах присутствовали всегда. По мнению Р. Петаццони, отличие между "истинными" и "ложными" мифами проводилось еще в рамках мифических культур, из которых выводилась структура общества. Истина мифа, считает он, есть истина жизни.[35] Точнее будет говорить об уровне воздействия социальной мифологии на общество, которое, начиная с указанного времени, становится все более всеобъемлющим и в XX веке приобретает тотальный характер: " Миф стал выразителем неосознанных стремлений и ожиданий больших массивов людей, средством социальной ориентировки толпы".[36]

Одним из первых к проблеме политического мифа обратился французский социолог Ж. Сорель. В работах "Размышление о насилии", "Введение в изучение современного хозяйства" он подчеркивал обусловленность любых социальных движений мифами: "Миф - это идеи и чувства, обеспечивающие единство социальной группы".[37] Сорель считал, что мифы - это не параграфы программы, поэтому нельзя всерьез говорить об их реализации, главное - объединить людей некоей фикцией для повышения их активности. На мифы, писал он, "нужно смотреть просто как на

[34] См.: Лобок А.М. Указ.соч. - С.671.
[35] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.71.
[36] См.: Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. - 1992. - № 10. - С.47.
[37] Цит. по: Гуревич П.С. Социальная мифология. - М., 1093. - С.81.

средство воздействия на настоящее, и споры о способах их реального применения к течению истории лишены всякого смысла".[38]

Ж. Сорель противопоставлял миф и утопию, поскольку, по его мнению, о мифе нельзя спорить - он есть единое целое с убеждениями социальной группы и является выразителем этих убеждений на языке движения. Поэтому его нельзя разложить на части и рассматривать в плоскости исторических отношений. Утопию же, как всякую социальную конструкцию, можно опровергать, показывая, что та экономическая организация, на которой она покоится, несовместима с нуждами современного производства.[39] Таким образом, это просто интеллектуальные спекуляции, оторванные от живого человека, от живого массового движения и реального опыта революционной борьбы. Утопия - фаланстер Фурье; марксово общество - миф. Утопист, по Сорелю, тот, кому неизвестно понятие переходного периода и кто преобразование общества представляет себе как полный разрыв исторической преемственности, как простую замену плохих общественных отношений хорошими.[40]

В подтверждение мысли Сореля Э. Мунье отмечал: "Утопии появляются там, где картина будущего, которая должна побуждать к действию, является продуктом чистой спекуляции, а не применением надисторических постулатов к определенной исторической ситуации, в которой эти постулаты должны быть осуществлены".[41]

[38] Сорель Ж. Размышления о насилии. - М., 1997. - С.57.
[39] Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. - М., 1908. - С.XXVI.
[40] См.: Шацкий Е. Утопия и традиция. - М., 1990. - С.39.
[41] Там же. - С.31.

Таким образом, политический миф имеет отношение к реальности, утопия - никакого.

Это подтверждал М. Элиаде, отмечая, что естественный и искусственный миф едины в том, что имеют определенное отношение к реальности. Если бы этого не было, то искусственные мифы оказались бы в таком случае непригодными и бесцельными, а естественные мифы - просто вымыслом, химерой, игрой воображения. Однако они принимались за истину таким одаренным народом, как греки. Элиаде объясняет это тем, что мифы пробуждают глубоко укоренившиеся формы представлений, даже если при этом наполняются новым содержанием и поэтому рассматриваются отстраненно и делает вывод: "определенные аспекты и функции мифического мышления являются конституитивными для человека".[42]

Реальность мифа заключается в том, что он неизбывен и неуничтожим, а также образует структуру и контекст жизненного мира человека, как и другие социально-исторические онтологии.[43]

Кроме того, искусственные и естественные мифы представляют собой выражение коллективных желаний и могут возникать лишь после того, как эти желания обретают невиданную прежде силу, затем преобразуя реальность.[44]

Б. Муссолини провозглашал: "Мы создали миф. Миф - это вера, благородный энтузиазм, он не должен быть реальностью, он - импульс и надежда, вера и мужество.

[42] См.: Хюбнер К. Указ.соч. - С.340.
[43] См.: там же. - С.11.
[44] См.: Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. - 1993. - № 7. - С.157.

Наш миф - нация, великая нация, которую мы хотим превратить в конкретную реальность".[45]

Мифы - принадлежность любой эпохи: "Направленность содержания интересующей нас эпохи называется мифом".[46] При этом разница между истиной и ложью только условна, и все виды мышления суть мифы разного времени.[47]

Следовательно, миф не просто имеет отношение к реальности - он является способом ее преобразования: "миф одновременно способ создания социальной реальности и средство социализации, то есть включение человека в эту реальность".[48] Это происходит, по нашему мнению, в двух формах: в форме научной теории и в форме идеологии.

Как было рассмотрено ранее, миф не противостоит научной теории, однако он не абстрагирован в формальных научных процедурах. Конкретная наука всегда включает в себя мифологию; в свою очередь, структура основополагающего мифа эпохи включает в себя науку, видоизменяя эпоху и добавляя к ней новые уровни иерархии бытия.[49]

Следует отметить, что степень присутствия мифа в научных теориях весьма различна. Когда преобладает логическое мышление, основанное на фактах, теория остается научной, когда же преобладают эмоции, внерациональное мышление – тогда она становится мифологией. Как

[45] Цит. по: Мангейм К. Диагноз нашего времени. - М., 1994. - С.289.
[46] Зуй М.И. Социология - мифология - философия (Типы сознания) // Социс. - 1996. - № 12. - С.15.
[47] Лившиц М.А. Мифология древняя и современная. - М., 1979. - С.29.
[48] См.: Лезов С. Эрнст Кассирер и философия мифа // Октябрь. - 1993. - № 7. - С.164.
[49] См.: Ионин Л.Г. Социология и культура. - М., 1996. - С.152.

отмечал В.М. Найдыш, "мифотворчество не является разновидностью познавательной деятельности. Оно представляет некий вид духовного освоения мира, в котором познавательный момент носит вторичный характер",[50] то есть оно ориентировано на "умножение способов переживания человеком мира и поэтому принадлежит ... ценностно-эстетическому отношению".[51]

Поэтому научная теория, в которой начинает преобладать миф, приобретает квазинаучный характер: "познавательные отношения человека к миру начинаются с противопоставления субъекта и объекта. Квазинаучное мифотворчество во всех его формах занимает противоположную позицию, оно ищет способы мнимой гармонизации отношений субъекта и объекта через эмоциональную сферу сознания субъекта", и поэтому "современные квазинаучные мифологемы реализуют нацеленность на поддержание определенного аффективного отношения к миру через конструирование неких идеальных образов с привлечением отдельных элементов научной картины мира, но обязательно вне контекста их объективной интерпретации".[52] Кроме того, в отличие от науки миф антикаузален. Придание мифу научности происходит с помощью его рационализации, что обусловливает псевдокаузальность мифа.[53]

[50] Найдыш В.Н. Мифология и фольклорное сознание // Вопросы философии. - 1992. - № 2. - С.45.
[51] Там же. - С.51.
[52] Там же. - С.52.
[53] См.: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. - М., 1978. - С.46.

Таким образом, миф присутствует в любой научной теории, однако его преобладание делает науку мифологией. При этом, как отмечал один из крупнейших исследователей мифа Р. Барт, "миф ничего не скрывает и ничего не афиширует, он только деформирует; миф не есть ни ложь, ни истинное признание, он есть искажение".[54] Данный признак мифа отмечался и ранее, следовательно, он характерен как для естественных, так и для искусственных мифов. При этом деформация смысла может происходить как на бессознательном уровне, так и сознательно, в интересах определенной социальной группы.

Если в науке миф преобладает далеко не всегда, то в идеологии - наоборот. На ее мифологичность указывали представители самых различных научных школ и политических течений. Так, неокантианец Э. Кассирер отмечал, что "в политических теориях XX века мифологическое мышление получило преобладание над рационально логическим, одержав, наконец, решительную победу в недолгой, хотя и ожесточенной борьбе".[55]

Французский структуралист Леви-Строс указывал, что "ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может в нашем современном обществе последняя просто заменила первую".[56]

Э. Эриксон в книге "Молодой Лютер" писал: "Под идеологией подразумеваются бессознательная тенденция, лежащая в основе религиозных, научных, равно как и политических течений, к согласованию для данного времени

[54] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994. - С.86.
[55] Кассирер Э. Указ.соч. - С.153.
[56] Леви-Строс К. Структурная антропология. - С.186.

фактов с идеями ради создания нового образа мира, достаточно убедительного для утверждения как коллективного, так и индивидуального чувства идентичности".[57]

Близки были в оценке идеологии К. Маркс и К. Мангейм. Так, Маркс и Энгельс под идеологией понимали совокупность взглядов той или иной социальной группы (политические воззрения, мораль, право и т.п.), преломляющая объективную действительность с позиций интересов этой группы; идеология тем самым оказывается коллективной "нечистой совестью", отвечающая бессознательному стремлению группы создать иллюзорный образ действительности, скрыть от себя и от других подлинные мотивы собственного поведения: "Идеология - это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные причины, которые приводят его к действию остаются ему неизвестными... Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах".[58]

К. Мангейм, в свою очередь, под идеологией понимал апологию существующего строя, теоретизированные взгляды класса, добившегося господства и заинтересованного в сохранении статус-кво. Однако, по мнению Мангейма, идеологиям всегда противостоят утопии - как правило, недостаточно теоретизированные, эмоционально окрашенные духовные образования, которые порождены сознанием

[57] Цит. по: Гуревич П.С. Социальная мифология. - С.92.
[58] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. - М., 1965. - Т.2. - С. 477.

оппозиционных, угнетенных классов, слоев, групп, стремящихся к социальному реваншу, а потому столь же субъективно-пристрастных, как и господствующие идеологии. Они ничем не отличаются друг от друга, поскольку стремятся выдать часть за целое, свою одностороннюю правоту за абсолютную истину. С приходом к власти ранее угнетенных слоев идеологии меняются местами.[59]

О. Лембер увязывал функционирование идеологии с мифами. По его мнению, конкретные идеологические системы формируют не объективные жизненные условия, а арсенал древних архетипов, кочующих в истории от древности к нашим дням. Именно они составляют сегодня актуальную идеологическую символику.[60]

Канадский социолог Л. Фойер в книге "Идеология и идеологии", рассматривая социологические законы, определяющие функционирование идеологии, каждый из них связывал с мифом и его носителями.[61]

Французский социолог Ж.А. Астр прямо называет идеологию "концептуальной мифологией".[62]

Советский исследователь мифов М.А. Лившиц отмечает, что в идеологии отсутствует истина: "Нет больше истин, есть социальный миф, "руководящая мечта".[63]

Наконец, М. Элиаде считает идеологию "христианством индустриальных обществ". При этом, по его мнению, большинство атеистов живут под влиянием псевдорелигий

[59] Мангейм К. Указ.соч. - С. 673.
[60] См.: Гуревич П.С. Указ.соч. - С. 206.
[61] См.: Там же. - С.205.
[62] См.: Там же. - С.113.
[63] Лившиц М.А. Указ.соч. - С.254.

и деформированных мифологий, скрытых в глубине их подсознания. Это означает, что существует возможность возвращения к . религии, живущей в недрах человеческого "я".[64]

По мнению А.М. Лобка, для мифов образованного человека характерна некая рациональная опосредованность, с помощью которой он не просто бездумно верит в некий миф, а выстраивает определенную рациональную конструкцию - объяснение своей веры. Все свои способности, рациональные аргументации человек использует для оправдания и объяснения собственного мифа.[65]

Таким образом, налицо тесная взаимосвязь мифа и идеологии. Однако миф полностью не тождественен ни науке, ни идеологии, ни религии. По нашему мнению, это понятие значительно шире и указывает на более глубокий уровень социальной реальности, нежели тот, для описания которого используются понятия "идеология" и "мировоззрение". Мы солидарны с А.М. Лобком, что относительно легко разрушается идеологический миф, возведенный в разряд политической доктрины. Но, когда идеология разрушается, ее мифологические корни продолжают существовать в течение многих лет. Даже если человек начинает говорить на языке новой идеологии, мифологические (смысловые) корни его языка остаются прежними. Следовательно, мифологическая реальность более фундаментальная и более мощная реальность, нежели идеологическая. Если идеологию человек переживает как сферу чуждых, навязанных смыслов, то сфера мифа - это сфера лично выстраданных и пережитых смыслов. На стороне

[64] Элиаде М. Священное и мирское. - М., 1994. - С.111.
[65] См.: Лобок А.М. Указ.соч. - С.674.

идеологии - вся мощь государственной машины. На стороне мифа - всего лишь личные переживания смысла. Однако в силу этого "всего лишь" он - в отличие от идеологий - практически не поддается уничтожению.

Миф существует как потребность и суть этой особой человеческой потребности (куда более сильной, нежели потребность в продлении рода или любая другая человеческая потребность) выражается в том, что она есть потребность в смысле, а смысл - это то, что оправдывает существование.[66]

Миф максимально расходится с идеологией в случае демифологизации социальной действительности и максимально сближается с ней в случае ее ремифологизации. Последняя, начиная с 10-х гг. XX в. становится тотальной, охватывающей все стороны культуры и политики. Е.М. Мелетинский полагает, что основными звеньями этого процесса является, во-первых, признание мифа вечно живым началом, выполняющим практическую функцию и в современном обществе; во-вторых, выделение в самом мифе его связи с ритуалом и концепции вечного повторения; в-третьих, максимальное сближение и отождествление мифа с идеологией.[67]

Ремифологизация вызвана экспансией обыденного сознания человека, уязвимого со стороны средств массовой информации; источником ремифологизации является неудовлетворенная потребность в целостном взгляде на мир.[68]

[66] См.: там же. - С.32.
[67] См.: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М., 1976. - С.78.
[68] См.: Автономова Н.С. Миф: хаос и логос // Заблуждающийся разум. - М., 1990. - С.53.

Кроме того, потребность в мифе возникает в обществе в переломные моменты истории, в ситуации неопределенности будущего, когда переменам и встряскам подвергаются основы человеческого существования и необходим какой-нибудь, пусть иллюзорный ориентир. По мнению А.М. Лобка, априорной сеткой ценностной размерности является для человека миф - иллюзорная конструкция сознания, дающая человеку опорные точки для совершения выборов тех ситуаций, в которых видовые ориентации, генетические механизмы выбора оказываются несостоятельными.[69]

Как отмечала Е. Анчел, миф XX века призван вернуть человеку чувство эмоционального и интеллектуального комфорта и утешения посреди хаоса, тем самым принимая на себя одну из функций религии - утешения. По ее мнению, мифология в социуме - это оправдание личной бездеятельности человека.[70]

Содержание мифа, как правило, трехчленно: в нем присутствует история разрушения социальной нормы, период нормативной неопределенности и, наконец, господство новой нормы, то есть основная интенция мифа - переход от хаоса к порядку.[71] По мнению А.М. Лобка, любой миф по своей природе антихаотичен и несет в себе некую упорядочивающую перспективу, вводит некоторые приоритеты значимости, опираясь на которые человек ведет не

[69] См.: Лобок А.М. Указ.соч. - С.41.
[70] См.: Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. - М., 1979. - С.9.
[71] См.: Дубицкая В.П. Телесериалы на экране и в постсоветской мифологии // Социс. - 1996. - № 9. - С.82.

невротический диалог с бесконечно разнообразным предметным миром.[72]

Таким образом, **цель** мифа - установление новой социальной нормы. Из нее вытекают основные **функции** мифа:

1) установление означенной мифом системы ценностей в меняющемся мире;

2) представление исторически изменчивого и социально ограниченного содержания мифа как естественного и вечного.[73]

Это отмечал и М. Элиаде, утверждая, что главная функция мифа заключается в установлении образцовых моделей всех значимых человеческих деятельностей.[74]

Р. Барт также полагал, что миф отметает всякие противоречия, чтобы достичь блаженного чувства безопасности, то есть он "обездвиживает" мир.[75]

Средством внедрения мифов в сознание человека являются прежде всего средства массовой информации. Это в свое время отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, утверждая, что пресса и телеграф в руках буржуазии становятся средствами фабрикации мифов.[76] В настоящее время власть СМИ над умами граждан стала тотальной, что отмечается многими учеными.[77] Кроме того, средством внедрения мифов является образование. Как справедливо

[72] См.: Лобок А.М. Указ.соч. - С.579.
[73] См.: Дубицкая В.П. Указ.соч. - С.82.
[74] См.: Элиаде М. Указ.соч. - С.65.
[75] См.: Барт Р. Указ.соч. - С.59.
[76] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т.34. - С.234.
[77] См., например: Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.

отмечал А.М. Лобок, образование - это тот особый институт, посредством которого государственный миф пытается осуществить свое тоталитарное господство над личностью.[78]

Обязательным условием освоения и принятия мифа сознанием является доверие к мифу. Оно возникает тогда, когда:

1) миф выражает коллективное желание;

2) обострение ситуации в обществе вызывает политизацию массового сознания;

3) существуют определенные специфические особенности национального менталитета и государственности.

Создателем мифа, то есть его субъектом, может быть любая социальная группа заинтересованная в его распространении. По мнению Б. Малиновского, миф может быть связан с любой формой социальной силы или социальных притязаний на власть. К мифу всегда прибегают для обоснования неких особых привилегий или обязанностей, вопиющих социальных неравенств, различных расовых отличий высокого или низкого уровня.[79] При этом, как отмечал В. Иорданский, все творцы мифа, будь то государственная власть или политические элиты, пытающиеся манипулировать общественным сознанием, зачастую оказываются пленниками мифа.[80]

[78] См.: Лобок А.М. Указ.соч. - С.659.

[79] См.: Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл: магия глазами ученых и чародеев. - С.95.

[80] См.: Иорданский В. В поисках новых утопий // Свободная мысль. - 1996. - № 4. - С. 91.

Большое внимание функционированию мифов уделял Э. Кассирер. Во-первых, он также отмечал его неуничтожимость и присутствие во всех сферах культуры и политики; во-вторых, способность мифа становиться тотальным, когда он представляет собой совокупность коллективных желаний и когда ситуация в обществе придает этим желаниям небывалую прежде силу и возможность их осуществления. В связи с этим Кассирер выделял следующие особенности политических мифов.

1. Политические мифы создаются людьми, действующими в высшей степени сознательно и в соответствии с четким планом. Миф нового типа полностью рационализирован, производится так же, как боевая техника, и используется с той же целью - для ведения внутренней и внешней войны. При этом рациональность мифа амбивалентна, то есть, с одной стороны, он есть олицетворение коллективных желаний, а с другой - он ставит эти желания на службу политическим амбициям.

2. Для осуществления цели мифа необходимо изменение функции языка. В языке, порожденном политическими мифами, баланс эмоционального и логического нарушен в сторону первого - слово описательное и логическое превратилось в слово магическое.[81] Как отмечал Р. Барт, слово в мифе должно производить непосредственный эффект, а с помощью повторения оно должно закрепляться в сознании, придавая им ясность, характерную не для объяснения, а для констатации фактов. Барт называл язык мифов "похищенным и возвращенным словом", при этом возвращенное слово оказывается не тем, которое было

[81] См.: Кассирер Э. Указ.соч. - С.158.

похищено, так как при возвращении его не помещают на прежнее место.[82]

Таким образом, слово в мифе также имеет искаженный и деформированный смысл. Это происходит на первой стадии развития мифа - на стадии разрушения социальной нормы. Когда же начинается процесс становления и укрепления новой социальной нормы, язык становится *энкратическим (возникающим и распространяющимся под защитой власти)*. При этом он активно использует старые штампы, интерпретируя их применительно к современной ситуации. Он сочетает в себе пошлость, оставшуюся по наследству, с маргинальной тягой к новому. [83]

3. Магическое слово подчинено магическому обряду. Поэтому вслед за языком мифа стали развиваться новые ритуалы, ставшие строго регулярными, фиксированными и неумолимыми. При этом каждая социальная группа должны иметь свои обряды. Кассирер объяснял цель ритуалов как утрату индивидуальности, ощущения личности. [84]

4. Выразителем коллективных желаний должен быть харизматический лидер, говорящий от лица большинства и берущий на себя все их грехи. При этом лидер не обязательно персонифицирован в конкретном человеке, **лидером**, вожаком может быть и социальная группа.

5. Последней особенностью политических мифов является пророчество, оно необходимо в ситуации неопределенности, где не действуют логические схемы. Пророчество, как правило, исходит от лидера или от группы, его представляющей.

[82] См.: Барт Р. Указ.соч. - С.91.
[83] См.: Там же. - С.495.
[84] См.: Кассирер Э. Указ.соч. - С.159.

Другие исследователи выделяют еще ряд признаков политического мифа. Так, Р. Барт делит мифы на "сильные" и "слабые". В сильных мифах политический заряд дан непосредственно и деполитизация происходит с большим трудом. В слабых мифах политическое качество просматривается с трудом, однако при определенных условиях оно может проявиться в полную силу. По мнению Барта, сильные мифы - это мифы "справа". Они характерны прежде всего для буржуазии. Наоборот, "левые" мифы он относит к слабым, считая, что революция на какое-то время уничтожает старую мифологию, и необходимо время, чтобы возникли новые мифы.[85] Этой же точки зрения придерживались М. Элиаде и Д. Винер. Так, М. Элиаде в национал-социализме находил достаточно слабую и формальную мифологическую основу. Значительно более сильными он считал мифы мирного массового сознания - экранный образ супермена с чертами архетипического героя, культ "священного автомобиля", переселение на "землю обетованную" и т.д.[86]

Еще одним признаком мифа ряд исследователей называл географическую ограниченность его действия, то есть политический миф действует только на определенной территории, так как он создается определенной социальной группой с определенными целями и воздействует на общество с присущими ему особенностями. Это отмечали и Р. Барт, и Д. Винер, и М. Элиаде.

[85] См.: Барт Р. Указ.соч. - С.116-126.
[86] См.: Элиаде М. Космос и история. - М., 1987. - С.277.

Поскольку политический миф преследует определенную цель, возникает проблема его полезности. А.М. Лобок утверждал, что идеологизированный миф, пытающийся подчинить разные типы культурного миропонимания некоей единой смысловой матрице, является разрушительной силой.[87] С ним солидарен П. Хирт, который полагает, что вредно не мифотворчество, но специфическое содержание некоторых мифов или их деспотическое навязывание. Однако демифологизировать человеческое существование невозможно. Поэтому, делает вывод Хирт, необходимо поощрять мифы, имеющие желательную направленность.[88] На это же указывал М.А. Лившиц: "Наше время нуждается в собственном мифе, конечно, полезном, прогрессивном, возвышающем, лечащем от бессилия".[89]

Американский социолог А. Винер в книге "Великолепный миф: формы управления в постиндустриальном обществе" считает, что общество должно вырабатывать целеполагающие мифы, помогающие человеку преодолевать экзистенциальные травмы.[90]

А.А. Кузнец характер и этическую сущность мифа ставил в зависимость от степени культурности того общественного слоя, к которому принадлежит носитель мифа.[91]

[87] См.: Лобок А.М. Указ.соч. - С.664.
[88] См.: Винер Д.Р. Экологическая идеология без мифов // Вопросы философии. - 1995. - № 5. - С.92.
[89] Лившиц М.А. Указ.соч. - С.29.
[90] См.: Гуревич П.С. Социальная мифология. - С.110.
[91] См.: Кузнец А.Л. О социальном психоанализе // Вопросы философии. - 1998. - № 3. - С.167.

А. Кольев выделяет еще два важных признака политического мифа. Первый из них – это незавершенность. По его мнению, в политической реальности невозможно отыскать полностью оформленный и завершенный политический миф, поскольку он всё время находится в стадии достраивания.

Второй признак – это "короткодействие" политического мифа по сравнению с естественным. Если мировые религии породили мифы, действующие тысячелетиями, то политические мифы, исключающие опору на религию, имеют весьма недостаточный срок действия и быстро вырождаются.[92]

Таким образом, миф является средством воздействия на общество, и степень его полезности или вредности зависит от того, какая социальная группа его эксплуатирует.

Подведем некоторые итоги. Из всего сказанного выше следует, что миф является неотъемлемой и постоянной частью человеческого бытия, и поэтому бессмысленно обсуждать его отсутствие или присутствие; обсуждению подлежат только уровни присутствия мифа в жизни общества и его направленность.

Миф появляется, развивается и отмирает по тем же законам, что и другие формы общественной жизни, однако при этом он всегда уступает место другому мифу. Как отмечал С. Лезов, в обществе постоянно происходит борьба соперничающих мифологических систем и постепенная смена основополагающих мифов, ответственных за конструирование реальности - "слабый" миф сменяется "сильным".[93]

[92] См.: Кольев А. Миф масс и магия вождей. – М., 1999. – С. 123 – 124.
[93] См.: Лезов С. Указ.соч. - С.167.

Кроме того, может радикально изменяться содержание основополагающего мифа, но, как мы уже говорили ранее, его структура и признаки остаются прежними. Исходя из этого, можно выделить ряд общих признаков мифа:

- миф имеет отношение к реальности;
- миф антикаузален, эмоциональное в его содержании доминирует над логическим;
- структура мифа сходна с научной и сохраняется даже при радикальном изменении содержания мифа;
- формой проявления мифа в обществе является идеология и научная теория;
- средством внедрения мифа в сознание общества на этапе разрушения социальной нормы являются средства массовой информации. На этапе закрепления новой социальной нормы к ним присоединяются институты образования;
- миф имеет особый полифункциональный язык. На этапе разрушения социальной нормы он внедряется в общество как противовес прежнему языку бюрократического общества, как нечто передовое, направленное против отсталости и косности; таким образом, слово, согласно П. Флоренскому, становится символом, то есть человеческой энергией, самодеятельным проявлением нашего существа вовне. На этапе закрепления новой социальной нормы (как правило, этому сопутствует изменение баланса политических сил) язык мифа становится энкратическим, то есть находящимся под опекой сил, пришедших к власти. Тем самым слово из символа вырождается в знак, то есть средство шифровки, кодирования человека, поглощающее и подавляющее его сущность;

- миф приобретает невиданную силу влияния в обществе в переломные моменты его истории, становясь выразителем коллективных желаний;
- миф ограничен территориально, то есть он функционирует только в рамках определенного географического пространства;
- политический миф разрабатывается конкретными людьми и используется для достижения четко определенных политических целей;
- политический миф ограничен также временными рамками и функционирует в течение определенного, достаточно короткого периода времени;
- политический миф отличает незавершенность структуры; он постоянно находится в стадии "достраивания", то есть появления новых признаков и отмирания старых.

Таким образом, исследуя миф, мы, по словам Р. Барта, выявляем скрытую в нем деформацию смысла и тем самым расшифровываем искаженное мифом явление.[94] В связи с этим при анализе необходимо сочетать ретроспективный подход к исследованию (то есть прослеживать становление и развитие мифа до его современной формы) с изучением функционирования мифа в современных условиях. Поэтому мы переходим к рассмотрению политической мифологии в России через призму указанных выше признаков.

Её развитие вызвано, на наш взгляд, следующими причинами:

1) с одной стороны, периодическими сломами социальной структуры и вызванных ими "кризисов идентичности"

[94] См.: Барт Р. Указ.соч. - С.94.

индивида, когда он, будучи выброшенным из привычной социальной среды, стремится найти опору в той или иной социальной группе, этносе, культурном стереотипе или политическом сообществе, пусть даже они носят иллюзорный характер. Это обусловило появление в России "мифа идентификации";[95]

2) с другой стороны, становлением политических партий радикального толка в России во второй половине XIX в., ядро которых стало субъектом политического действия. В связи с этим возникает потребность его комплиментарной самоидентификации. Поэтому в начале возникает отдельная мифологема – "интеллигенция", обозначающая лучшую часть российского общества – народников, с помощью которых народ просветится, совершит социальную революцию и обретет подлинную свободу и счастье.

Затем данная мифологема вписывается в концепцию широко распространившегося марксизма, относительно которого М. Элиаде писал: "что бы мы ни думали о научных притязаниях Маркса, ясно, что автор Коммунистического манифеста берет и продолжает один из величайших эсхатологических мифов Средиземноморья и Среднего Востока, а именно: спасительную роль, которую должен сыграть справедливый ("избранный", "помазанный", "невинный", "миссионер", а в наше время – пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира. Фактически бесклассовое общество Маркса и

[95] Более подробно о "мифе идентификации" см.: Кольев А. Указ.соч. - С.63.

последующее исчезновение всех исторических напряженностей находит наиболее точный прецедент в мифе о Золотом веке, который, согласно ряду учений, лежит в начале и в конце Истории. Маркс обогатил этот древний миф истинно мессианской иудейско-христианской идеологией, с одной стороны – пророческой и спасительной ролью, которая приписана пролетариату, и с другой – решающей битвой между Добром и Злом, заканчивающейся решительной победой Добра, что вполне можно сравнить с апокалиптической борьбой между Христом и Антихристом.[96]

В России марксизм русифицируется и превращается в разветвленный политический миф со сложной структурой, обретая невиданную ранее для мифа мощь и силу.

Интеллигенция в этом русифицированном мифе обозначает лучшую, передовую часть пролетариата. Как указывал В.И. Ленин, "всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители. И в русском рабочем движении не может быть иначе".[97]

Таким образом, идентификация индивидов происходила по классовому признаку, то есть "миф идентификации" был встроен в марксистский миф.

В действительности же, по нашему мнению, интеллигенция является мифологизированной, исторически обусловленной разновидностью бюрократии – бюрократией политической.

[96] Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М., 1996. – С.25.
[97] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. - Т.4. - С.316.

Доказательство этой гипотезы требует, во-первых, рассмотрения теории бюрократии; во-вторых, анализа специфики исторического развития бюрократии в России; в-третьих, всестороннего изучения появления и функционирования мифологемы "интеллигенция".

Поэтому мы переходим к рассмотрению эволюции теоретических взглядов на бюрократию.

§2. Бюрократия как социальный феномен

Истоки мифа об интеллигенции следует искать, по нашему мнению, в особенностях становления российской системы государственного управления и её субъекта – бюрократии. С одной стороны, в целом ряде исследований по проблемам интеллигенции её появление датируется эпохой Петра I.[98] С другой стороны, развитие бюрократии как особого социального слоя многие ученые также считают следствием петровских реформ.[99]

Такое временное совпадение вряд ли можно считать случайным. По сути, речь в данном случае идет о различных аспектах одного и того же феномена, то есть о реальном социальном явлении и о мифе, это явление искажающем. Поэтому дальнейший анализ мифа об интеллигенции

[98] См.: Гершензон М.О. Творческое самосознание.// Вехи; Интеллигенция в России. – М., 1991. – С.92; Мережковский Д.С. Грядущий хам.// Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С.97.

[99] См.: Богословский М.М. Петр Великий. Материалы для биографии. – М., 1940. – Кн.1. – С.92; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII - XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII - XVIII вв.). – М., 1964. – С.222; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С.365 – 366.

с необходимостью предполагает изучение теории бюрократии, выявление её общих и специфических признаков, а также рассмотрение исторического процесса её развития в России.

Термин "бюрократия" был введен в середине XVIII в. Гурнеем, одним из французских министров, и долгое время носил эмоционально-уничижительный оттенок. Попытки научного осмысления данного явления начинаются в первой половине XIX в. При этом сразу же выделяются два направления исследования – бюрократия как субъект управления и как механизм управления.

Основоположником теории бюрократии принято считать Г.В.Ф. Гегеля. Именно он обозначил роль, которую играют государственные служащие в процессе унификации и рационализации общества, противостоя его раздробленности в сфере экономической обособленности индивидов. Гегель фактически начал разработку понятия "институт государственного управления", смысл и задачи которого состоят в создании и сохранении идеи первичности общества как определенного единства перед обществом как противоречивом множестве интересов. Таким, по мнению Гегеля, было централизованное европейское государство (Пруссия), где гармонично сочетались пути достижения общего блага и индивидуальные цели самореализации личности.

Бюрократию он считал явлением прогрессивным и рассматривал ее в качестве одного из трех основных слоев общества, наряду с промышленниками и аграриями. При этом бюрократия была единственным слоем, в действительности воплощающем всеобщий интерес. Степень

реализации этого интереса обусловливала легитимность слоя бюрократии и полноту доверия к нему со стороны народа.

Необходимыми качествами бюрократии Гегель считал высокий уровень общей и политической культуры. Поэтому общество должно уделять особое внимание образованию данного слоя как граждан и как профессионалов, чтобы они всегда были на уровне предъявляемых к ним требований.[100]

Таким образом, согласно Гегелю, бюрократия представляет собой: самостоятельный общественный слой, возникающий и развивающийся вместе с развитием и укреплением государства и являющийся субъектом осуществления всеобщего интереса через рационализацию системы государственного управления. Направленность действий, а также компетентность данного слоя, необходимые для гармоничного сочетания частного интереса со всеобщим, зависит от уровня его образования. Поэтому необходима система образовательных учреждений для бюрократии.

Карл Маркс, творчески развивая идеи Гегеля, также считал бюрократию одним из элементов управления государством. Однако при этом он резко критиковал Гегеля за то, что он совершенно не рассматривает **содержание** бюрократии, а дает только общие определения её формальной организации, описание преимущественно внешних форм и её бытия. Маркс же полагал, что бюрократия - это паразитический социальный слой, который в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, использует их

[100] См.: Гегель Г.В. Ф. Философия права. – М., 1990. – С.278 – 279.

в своих эгоистических интересах путем создания ею самой таких рамок социального действия, при которых происходила бы легитимизация господства данного слоя.[101]

Поэтому одной из задач бюрократии является мнимое сглаживание остроты конфликта в обществе путем представления своих узкокорыстных стремлений в качестве всеобщего интереса. Таким образом, бюрократия, призванная объединять, разделяет и властвует. Маркс объяснял это внутренней разобщенностью общества, когда отдельная корпорация нуждается в бюрократии как противовесе против другой корпорации, против чужого особого интереса. При этом бюрократия не просто представляет государство, но выступает как особая корпорация, как особое замкнутое общество в государстве: "корпорация представляет собой материализм бюрократии, а бюрократия есть спиритуализм корпораций. Корпорации составляют бюрократию гражданского общества, а бюрократия же есть корпорация государства. В действительности поэтому бюрократия противопоставляет себя – как "гражданское общество государства" – корпорациям как "государству гражданского общества"... Как только государство пробуждается к действительной жизни и гражданское общество, действуя по побуждению своего собственного разума, освобождается от власти корпораций, бюрократия старается восстановить их, ибо с падением "государства гражданского общества" падает также "гражданское общество государства". [102]

[101] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т.1. – С.269 – 270.
[102] Там же.

Таким образом, согласно Марксу, бюрократия есть явление негативное. Одним из ее основных признаков является некомпетентность: "верхи полагаются на нижние круги во всем, что касается знания частностей; нижние же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, взаимно вводят друг друга в заблуждение".[103]

Некомпетентность является следствием пороков социальной системы (в случае Маркса – капиталистической), когда технологически оправданная безличность отношений искажается частнособственническим характером общественных отношений, то есть когда государственные задачи превращаются в канцелярские и наоборот.[104]

При этом в обществе происходит резкая дифференциация, когда большая часть опускается до положения бездушных винтиков, а меньшая подчиняет всю деятельность собственным интересам. Эффективность деятельности чиновника начинает определяться через соответствие его действий предписаниям, которые, в свою очередь, постоянно заменяются новыми. Происходит развитие иррациональных следствий от функционирования рациональных правил. В связи с этим Маркс резюмирует: "бюрократия есть круг, из которого никто не может выбраться".[105]

Другим признаком бюрократии является централизация власти, представляющая собой политическое усиление

[103] Там же. – Т.1. С.272.
[104] См.: там же. - С. 271.
[105] Там же.

экономической концентрации капитала в руках немногих. При этом развивается тенденция отчуждения административного аппарата от общества и реальных потребностей людей. Управление превращается в самоцель, а круг людей, занимающихся управлением становится замкнутой кастой: "Всеобщий дух бюрократизма есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде, её иерархической организацией, а по отношению к высшему миру – её замкнутым, корпоративным характером".[106]

Истинная сущность властвования в бюрократии вырождается до узко-уничижительного понимания авторитета: "Обоготворение авторитета есть её образ мыслей. Но в её собственной среде спиритуализм превращается в грубый материализм, в материализм сложного подчинения, верой в авторитет, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций".[107]

Поскольку бюрократия иерархична, то знание из реального посредством иерархии превращается в бюрократическое и начинает функционировать как частичное. Такого рода знание становится формой существования бюрократического авторитета: "Авторитет есть поэтому принцип её знания, а обоготворение авторитета есть её образ мыслей".[108]

Таким образом, бюрократия из средства осуществления государством своих задач превращается в конечную

[106] Там же. - С.272.
[107] Там же.
[108] Там же.

цель государства. Поскольку бюрократия делает свои формальные цели своим содержанием, то она везде вступает в конфликт с реальными целями. Поэтому она вынуждена выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное.

Итак, по мнению К. Маркса, бюрократия возникает в классовом антагонистическом обществе. Она является паразитическим социальным слоем и использует противоречия общества в своих интересах, постепенно приобретая всю полноту власти, становясь "государством в государстве" и фактически делаясь его конечной целью. Основными признаками бюрократии является её отчужденность от мира, замкнутость, иерархичность внутри бюрократической структуры, а также некомпетентность. Цель бюрократии – сохранение или повышение личного статуса внутри иерархии.

Таким образом, К. Маркс впервые показал бюрократию как эмпирически осязаемое явление и описал ее практические черты. Однако он, по нашему мнению, неоправданно сузил временные рамки функционирования бюрократии, показывая её только как феномен буржуазно-классового общества. Нераскрытой осталась сущность бюрократии, связь с культурной спецификой страны, а также ее приемлемость для различных типов обществ.

Если Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс изучали бюрократию как политический факт, то М. Вебер рассматривал ее как частный случай социологии организаций. Он исходил из исторической множественности бюрократии, которая, по его мнению, имела место в различных типах обществ. На

основе синтеза черт бюрократии в различных типах обществ он создал модель ее «идеального типа».

Исходным пунктом анализа являлся факт усложнения организаций в современном обществе. Крупные предприятия, чтобы успешно функционировать, должны иметь аппарат управления, осуществляющий организацию и контроль за принятием решений, а также за их эффективностью на всех уровнях. Это означает, что бюрократия имеет место во всех предприятиях и организациях, во всех сферах хозяйственной, культурной и политической жизни общества. При этом она не зависит от политического режима в государстве, а ее структура примерно одинакова во всех странах. М. Вебер подчеркивал, что бюрократическое управление означает господство посредством знания, и в этом состоит его специфически рациональный характер.[109]

Основные черты "идеального типа" бюрократии, по мнению М. Вебера, следующие:

- иерархия, то есть наличие у каждого служащего четко очерченного поля компетенции, области полномочий и ответственности за свои действия перед вышестоящим начальником;

- безличность, то есть выполнение любой работы в соответствии с определенным набором правил, исключающим произвол и фаворитизм;

- постоянство и стабильность, то есть обеспечение учреждением полной занятости служащих в течение рабочего времени, гарантий долгосрочного пребывания в должности и перспектив повышения по службе;

---

[109] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. – Т.2. – СПб., 2000. – С.162.

- экспертиза, то есть отбор служащих по профессиональным качествам и наличие специальной подготовки;

- дисциплина, правила которой едины для всех чиновников.

Реализация этих составляющих, согласно М. Веберу, становится возможной тогда, когда чиновник обособляется от собственности на средства управления, а управленческая деятельность превращается в профессию.

Совокупное функционирование этих составляющих предполагает наличие следующих достоинств:

- предвидимость результатов решений, принимаемых социальными институтами;

- рациональность бюрократического действия, то есть исключение из работы исполнителя личностных и иррациональных моментов поведения. Это обусловлено как особым положением бюрократии в иерархии общества, так и жесткой связью с правилами функционирования всякой сложной организации; практически она является только инструментом хозяйствования;

- нивелировка социальных и экономических различий, поскольку формальное равенство перед законом и образовательные институты обеспечивают свободный и равный доступ граждан к управлению независимо от их социального и экономического положения;

- подбор кадров бюрократии на основе их образования, компетентности и деловых качеств;

- неуничтожимость бюрократического аппарата в любом буржуазном государстве, организованном на рациональных началах.

При этом «идеальный тип» отнюдь не абстрактная внеисторическая категория. Он может возникнуть только на определенном этапе развития государства, имеющего определенный тип политической легитимности. По мнению М. Вебера, существуют три основных типа легитимности:

1) авторитет «вечно вчерашнего», авторитет нравов, освященный их значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, то есть традиционное господство патриарха;

2) авторитет внеобыденного личного дара, «харизма», полная личная преданность и личное доверие, вызываемые наличием качеств вождя у определенной личности;

3) господство в силу легальности и вера в обязательность деловой компетенции, обоснованная рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил.[110]

Каждому типу легитимности соответствует определенный уровень политической организации. Политику М. Вебер определял как стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти между государствами или внутри государства между группами людей.[111]

Превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть, знание методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории:

---

[110] См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия.// Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 660 – 661.

[111] См.: там же. – С. 646.

чиновники-специалисты и «политические чиновники». Последние отличаются тем, что могут быть в любой момент перемещены или убраны с занимаемой должности в результате изменения политической конъюнктуры.[112]

Возникновение функционирования «идеального типа» бюрократии возможно только в государствах, имеющих третий тип легитимности, с преобладанием чиновников-специалистов, то есть в странах Западной Европы: «...Лишь Западу известна рациональная и систематическая, то есть профессиональная научная деятельность, специалисты-ученые, в том специфическом современном смысле, который предполагает господствующее в данной культуре положение прежде всего в качестве специалистов-чиновников – опоры современного западного государства и современной западной экономики».[113]

Таким образом, М. Вебер впервые рассмотрел бюрократию в качестве обязательного атрибута управления в государстве, достигшем определенного уровня развития. Кроме того, он создал модель "идеального типа", в соответствии с которым должен функционировать бюрократический механизм, и определил его черты и функции. При этом М. Вебер не рассматривал бюрократию внеисторически: он отмечал, что только в обществе с определенным типом легитимности может развиться идеальный бюрократический тип. В контексте нашего исследования особенно важна идея М. Вебера о двух видах функционеров: чиновников-специалистов и политических чиновников, и

[112] См.: там же. – С. 660 - 661.
[113] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Предварительные замечания.// Вебер М. Избранные работы. – С.46.

обусловленность их существования особенностями политического режима данного государства. По нашему мнению, в России всегда доминировал тип политического чиновника, а их смена обусловливалась не потребностями управления, а изменениями в политическом режиме.

М. Вебер рассматривал бюрократию как положительное явление. Однако преимущества «идеального типа», на которые он указывал, могли обернуться недостатками, а функции бюрократии в обществе зачастую становились дисфункциями. Последователи М. Вебера, отдавая ему должное, подвергали критике идею рациональности бюрократической организации, показав, что эта рациональность является весьма ограниченной. Кроме этого, принципы, предложенные М. Вебером, не универсальны и не приемлемы для организаций различного вида и масштаба. Наконец, сведение бюрократии только до уровня механизма управления означает, что и решение проблем, с нею связанных, может быть только техническим, а не политическим, хотя, как правило, бывает наоборот.

Поэтому и Г. В. Ф. Гегель, и К. Маркс, и М. Вебер, рассматривая и изучая негативные и позитивные качества бюрократии, были каждый по-своему правы в частностях. Однако теории бюрократии, в которой был бы дан анализ взаимодействия и противоречий бюрократии как типа власти и как типа организации, они не создали.

Такая попытка была предпринята французским социологом М. Крозье. Он считал, что главной составляющей кризиса современного общества является бюрократический кризис. Однако, по его мнению, проблема бюрократии еще

не получила должного разрешения и остается идеологическим мифом нашего времени.[114]

М. Крозье считает, что рассматривая различные стороны явления бюрократии, ученые не уделяли необходимого внимания его двойственности, которая в имплицитном виде намечается уже в работах М. Вебера. С одной стороны, развитие бюрократических процессов в различных сферах деятельности есть проявление рациональности, поэтому бюрократия выше других форм организации. С другой стороны, бюрократические организации процветают благодаря своим отрицательным качествам, и прежде всего нивелировке своих членов и низведения их до уровня винтиков.

В этой связи М. Крозье рассматривает три современные социологические трактовки бюрократии, особое внимание уделяя одной из них, которая трактует бюрократию как дисфункцию, то есть распространение рутинных и тормозящих инициативу процедур. Это обусловлено анахроничностью современных средств регуляции и контроля. Однако дисфункция – это не отклонение, а конституирующее свойство современных бюрократических организаций. Они сохраняют и усиливают бюрократию: «Бюрократическая система организации – это такая, в которой дисфункции стали главным элементом равновесия»[115].

Дисфункции, по мнению М. Крозье, возникают в ряде государств (в том числе и в России) с определенным типом власти и бюрократической моделью («архетипом управления»), где сочетается официальный иерархический тип власти и «параллельный».

[114] См.: Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). – М., 1997. – С. 74.
[115] Цит.по: Спиридонова В.И. Указ.соч. – С.76.

Первый тип опирается на рациональные аспекты бюрократии в веберовском понимании и проявляется в тенденции регламентации поведения человека в максимально возможном числе ситуаций.

Второй тип развивается тогда, когда поведение людей трудно предвидеть, в так называемых «областях неопределенности». Он является симптомом разрушения формальных государственных структур и их неспособности справиться с возникающей ситуацией.

«Параллельный тип» берет эту функцию на себя. Тем самым он, осваивая все большее число сегментов общества, усиливает растрату ресурсов в государственной бюрократической системе, чем усиливает её кризис.

Как это ни парадоксально, но, будучи явлением дисфункциональным, «параллельная власть» становится условием укрепления бюрократии в качестве ее латентной функции (то есть функции коррекции и адаптации структуры к внешним трансформациям). Постепенно «параллельная власть» становится государственной, и, в свою очередь, в противовес ей снова возникает «параллельная власть». М. Крозье называет это «бюрократическим порочным кругом», выделяя при этом ряд признаков данных кругов.

Первый из них – это безличность бюрократической модели. Она предполагает выработку как можно большего числа правил, регламентирующих функции людей во всех мыслимых ситуациях. Таким образом, сущность этого признака - полная ликвидация инициативы индивидов. В такой системе роль руководителя сводится к формальному контролю за применением правил, вследствие чего он теряет

реальную власть над подчиненными. Они, в свою очередь, также лишены возможности влиять на вышестоящие органы.

Второй признак – централизация власти по принятию решений. Это означает создание дистанции между тем уровнем, на котором эти решения принимаются, и тем, на котором они воплощаются в жизнь. Тем самым резко возрастает степень защищенности более высоких бюрократических уровней.

Третий признак – это стратификация. Она предполагает возможно более полную изоляцию иерархических категорий друг от друга. Тем самым устраняется возможность взаимного давления подчиненных и руководства.

Таким образом, бюрократическая организация оказывается состоящей из слоев, разделенных барьерами и мало связанных между собой. Их объединяет только кастовость, существующая как внутри каждой из страт, так и в бюрократической иерархии в целом.

Изолируясь внутри себя, бюрократия отчуждается и от остального общества, что способствует возникновению «источников неопределенности», и их становится тем больше, чем сильнее бюрократическая структура. Фактически, укрепляясь, она создает и развивает параллельный тип власти. Это четвертый признак «бюрократического порочного круга». При этом трансформация «параллельной власти» в государственную затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества. Такой тип социального изменения М. Крозье называет «бюрократическим режимом развития». Он предполагает преобразование всей

социальной структуры в целом, причем только тогда, когда дисбаланс в ней достигает глобальных размеров.[116]

Однако последующая реконструкция общественных отношений вновь приводит к усилению бюрократии. Возникает «новое бюрократическое равновесие», состоящее из длительных периодов стабильности и затем мгновенной трансформации в виде взрыва или мощной деформации, меняющей бюрократические персоналии, ряд правил, одиозные группы политического режима, но оставляющей без изменений (и даже укрепляющей) саму бюрократическую организацию.

При этом с индивидами в ситуации быстрой социальной деформации происходит то, что М. Крозье назвал «кризисом идентичности». Под ним он подразумевал утрату прежде существовавших социально-психологических и нравственных ориентиров и потерю психологического равновесия, то есть фактически переход в маргинальный слой общества. Вслед за датским ученым Э. Эриксоном, М. Крозье выделял «персональную идентичность» - стремление индивида к сохранению психологической самотождественности, и «коммунальную идентичность», то есть включенность индивидуального бытия в некоторую человеческую общность и разделение с ней господствующих социальных ценностей на определенном этапе человеческой истории.[117]

---

[116] См.: Спиридонова В.И. Цит.соч. – С. 140.
[117] См.: там же.

Говоря о реально существующих типах бюрократии, М. Крозье (солидаризуясь с американским ученым С.Биалером) выделяет три ее разновидности:

1) бюрократия, зависимая от потребителя и руководствующаяся его интересами (администрация заводов, учреждений). Она, в силу своего положения, должна быть относительно прогрессивной;

2) бюрократия, зависимая от политических лидеров;

3) корпоративная бюрократия, независимая и от потребителя, и от лидера. Её главная задача – расширение собственного влияния.[118]

По мнению М. Крозье третий тип был присущ и России, где практически всегда доминировал бюрократический режим развития, а конституирующим свойством демократии была дисфункция, то есть распространение рутинных и тормозящих инициативу и самостоятельность процедур. В такого рода государствах наряду с функционированием официальной иерархической власти в латентной форме существовала и «параллельная власть».

Когда дисбаланс в официальной системе достигает глобальных размеров, происходит ее трансформация, причем функции управления берет на себя «параллельная власть», переходя из латентной формы в открытую и тем самым конституируясь в качестве официальной. При этом социальная структура может подвергнуться радикальным изменениям. Возникающая в противовес новой

[118] См.: Королев С.А. Искус корпоративности и мутации системы: советская бюрократия в структуре политической власти. - В кн.: Бюрократия и общество. – М., 1991. – С. 141; Спиридонова В.И. Указ.соч. – С.141.

официальной власти «параллельная» отнюдь не формируется только из остатков прежней официальной власти, но может носить инновационный характер.

Личность в такого рода бюрократическом хороводе периодически маргинализуется, стремясь при этом как можно быстрее обрести утраченную "коммунальную идентичность» (пусть даже иллюзорную) и включиться в новую социальную общность, пусть даже путем отказа от прежних норм и ценностей.

Подведем некоторые итоги. Резюмируя изложенные выше точки зрения на бюрократию, можно сделать следующие выводы:

1. Бюрократия – это самостоятельный социальный слой, возникающий на определенной стадии развития общества и проходящий определенные этапы становления. Он имеет ряд признаков и функций и подразделяется на типы.

2. Бюрократия может играть позитивную или негативную роль в зависимости от доминирования того или иного типа в обществе; как правило, наиболее несовместимой с потребностями общества является корпоративная бюрократия, независимая и от производства, и от политического лидера.

3. Негативная роль бюрократии заключается в превалировании ее собственных интересов над общегосударственными и постоянном стремлении к обретению полноты власти. Тогда функции бюрократии оборачиваются дисфункциями и, как одно из следствий, возникает феномен «параллельной власти», которая становится официальной в результате социального взрыва и радикальной

деформации всех структур общества, исключая саму бюрократию, внутри которой меняются персоналии и ряд второстепенных функций, но сама она, как социальный слой, только укрепляется.

4. В обществах с «бюрократическим ритмом развития» (в том числе и в России), где дисфункции становятся конституирующим принципом, главенствующее место занимает корпоративная бюрократия; на этапе радикальной деформации такого общества её сменяет «политическая бюрократия», которая затем сама трансформируется в корпоративную.

5. Человек в таком обществе с периодически разрушаемой социальной структурой попадает в кризис «коммунальной идентичности» и становится маргиналом. При этом он стремится как можно быстрее сделаться членом вновь возникающей (пусть даже иллюзорной) социальной общности, зачастую пересматривая свои прежние нравственные нормы, этические ценности и политические убеждения.

Кроме рассмотренных выше, бюрократия различных государств имела свои специфические особенности. Не стала исключением и Россия. Становление ее бюрократического аппарата отличалось своеобразием и влияло на развитие государства, формируя его социальные институты. Сопутствующим фактором стало появление социальной мифологии, облегчавшей приход к власти очередной бюрократической группы. В частности, так произошло и с «интеллигенцией», явившейся, по нашему мнению, мифологизированной формой исторического развития российской бюрократии. Для доказательства этого обратимся к истории её становления и развития.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ В РОССИИ

§ 1. Этапы и особенности развития бюрократической системы самодержавия

Одной из особенностей политического устройства допетровской («московской») Руси был плюрализм власти, многообразие её форм, среди которых было и Вече, то есть прямое народное правление мирского схода. Оно предполагало выборность и подотчетность должностных лиц, а также соблюдение принципа большинства в принятии решений. Наиболее развитые формы народное правление получило в Новгородской республике. Там имелась гибкая и разветвленная выборная система, функционировала Вечевая изба во главе с дьяком, в которой велись городские дела. Решения вечевых собраний считались действительными только при утверждении их представителями всех «концов» города и архиепископом (также избиравшимся вечевым собранием).

В селе аналогом Вече был сельский мир, мирской сход. Он просуществовал вплоть до конца XIX в., хотя постепенно стал низовой общественной организацией с весьма ограниченными полномочиями.[1]

Однако считать Вече истинным воплощением народной воли было бы преувеличением. Как показал В.Л. Янин,

[1] См.: Страхов А.П. Глубокие корни (выборное начало и российская государственность) // Свободная мысль. – 1999. - № 5. – С.108.

в действительности оно представляло собой заседания боярско-купеческих верхов города, то есть было выражением не демократии, а олигархии.[2]

Это отмечал и П.Я. Чаадаев, говоря о том, что среди разнообразных форм национального существования России можно «…усмотреть и выборное начало, слабое, неопределенное, бессильное…, это выборное начало, наконец, столь ничтожно, что наша история упоминает о нем как будто лишь для того, чтобы показать его ничтожность».[3]

Эволюция власти шла от вечевых традиций к самодержавию. Внешнеполитические обстоятельства требовали концентрации сил и мобилизации значительных людских и финансовых ресурсов. Поэтому тенденцией развития российского государства стало подавление общественной автономии ради целостности и могущества державы. В 1478 г. царь Иван III упразднил вечевые порядки в Новгороде, а чуть позже в Пскове и Вятке.[4]

В связи с этим в обществе усиливается значение приказной (то есть назначаемой сверху) бюрократии, заполнявшей собой управленческие ниши на месте прежнего самоуправления, используемой властью в качестве инструмента для проведения административной унификации.[5]

По мнению Н.Ф. Демидовой, с середины XVI в. начинается первый период формирования российской

[2] См.: Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований.// Новгородский исторический сборник 1 (11). – М., 1982.- С.93.
[3] Чаадаев П.Я. Полн.собр.соч. и избр.письма. – М., 1991. – Т.2. – С. 96.
[4] См.: Страхов А.П. Цит.соч. – С.109.
[5] См.: История России: народ и власть. – СПб, 1997. – С.235 – 236.

бюрократии – служилый. Для него были характерны следующие особенности:

- тесная связь нарождающейся бюрократической группы со служилым сословием в целом; об этом свидетельствует общее обеспечение службы поместьями;
- формирование в качестве специальной группы (приказных людей) только низшего звена гражданской администрации;
- обособление среды, из которой формируются кадры приказных людей, и укрепление принципа наследственности административных должностей;
- образование иерархии должностей.

Численность аппарата государственных служащих в центре и на местах выросла почти в три раза. Причем большинство дьяков и подьячих было сконцентрировано в московских приказах.[6]

Однако нет оснований считать, что бюрократия этого времени была уже сформировавшимся социальным слоем, поскольку, во-первых, у нее отсутствовали многие признаки бюрократии «идеального типа», и прежде всего – специальное образование.

Во-вторых, создавая новые органы централизованного управления на значительных территориях с большой численностью населения, государство было вынуждено привлекать выборных представителей местных общин в связи с элементарной нехваткой служащих. Поэтому до конца XVII в. в развитии государственных учреждений

[6] См.: Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII-XVIII). – М., 1964. – С. 220.

сосуществовали две тенденции. С одной стороны, в России ускоренными темпами формировалась централизованная властная вертикаль с деспотическим управлением.

С другой стороны, низовые организации общества еще сохраняли традиции самоорганизации, управляемой выборными людьми. В эпоху Ивана Грозного выборное самоуправление даже получает законодательное закрепление и развитие.

Таким образом, в политической организации Московской Руси шла борьба двух принципов: державного и выборного. Одной из завершающих попыток реализации последнего стали Земские Соборы XVI-XVII вв. Они были призваны определить общую волю всех сословий государства в делах особой важности.

Земские Соборы возникли в царствование Ивана Грозного. В эпоху Михаила Романова они проходили так часто, что их участники стали постоянными делегатами. Всего историкам известно о 57 соборах. Три русских царя (Борис Годунов, Василий Шуйский и Михаил Романов) были избраны соборами.[7]

Однако идея соборов как учреждений с функциями управления всероссийского масштаба и ограничения самодержавия так и не реализовалась.

Основной причиной этого была сама цель созыва Земского Собора. Если развитие представительных учреждений в странах Западной Европы было обусловлено необходимостью компромисса частных интересов, то

[7] См.: Черепнин Л. В. Земские Соборы русского государства в XVI-XVII вв. – М., 1978. – С.64 – 65.

русское политическое сознание искало объединяющую государство истину, которая подчинила бы все частные интересы, став универсальной и самодостаточной.

Таким образом, Земские Соборы явились предпосылкой для усиления самодержавной власти, что отмечал Л. Тихомиров, рассматривая Собор 1613 г.: «Торжество самодержавия характеристично тем, что оно было произведено земской Россией в борьбе против русского аристократического начала и русского же демократического. Россия земская, то есть именно национальная, выражающая типичные особенности национальности, отвергла в Смуте все другие основы, кроме самодержавной, и воссоздала ее в том же виде, в каком рисовалось оно Иоанну Грозному, и в той земской России, которая свою культурно-государственную жизнь строила на правильном мировоззрении».[8]

Тем не менее, Московское царство еще не являлось абсолютной монархией, и народ (то есть непривилегированные разряды населения), по мнению Б.Н. Миронова, тоже являлся субъектом государственного управления.[9] Кроме того, становлению абсолютизма препятствовали следующие причины:

- наличие учреждений и институтов, ограничивающих власть монарха;
- важная роль светских законов в управлении и в суде;

[8] Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 244.

[9] См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XIII – начало XX в.) - СПб., 2000. - Т.2. – С.124.

- источником права являлась не только воля монарха, но также уставы и указы Боярской Думы, церковные законы и т.д.;

- слабое развитие регулярной армии и бюрократии;

- отсутствие государственного регулирования экономикой, существование церковной и вотчинной собственности, относительно слабое развитие рабства;

- действия и решения верховной власти требовали той или иной формы легализации и санкционирования со стороны общества.[10]

Постепенно Россия из сословно-представительной монархии становится абсолютной. Как отмечал С.М. Троицкий, этот переход, начавшись в XVII столетии, в основном завершился в первой четверти XVIII в., когда произошло фактическое и юридическое оформление неограниченной власти монарха и были созданы институты, на которые тот опирался: регулярная армия и флот, централизованная фискальная система и бюрократический аппарат управления.[11] «Московский период» власти сменился «петербургским». При этом, по мнению Г.П. Федотова, из петербургской императорской власти возник абсолютизм, еще небывалый в истории. Его первым отличием от абсолютистских режимов Запада было религиозное отношение к власти и ее носителю (неважно, с положительным или отрицательным знаком – царь-богоносец или царь-антихрист).[12] Это обеспечивало «тайну» власти и

[10] См.: там же. - С. 126.

[11] См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974. – С. 24.

[12] См.: Федотов Г.П. Революция идет.// Судьбы и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). – СПб., 1991. – Т. 1. - С. 128 – 129.

облегчало переход к мобилизационному пути развития – второй отличительной черте российского абсолютизма, необходимость которого была обусловлена тем, что страна под влиянием внешних факторов, в частности, постоянной угрозы войны (только за период с 1228 по 1462 гг. произошло 160 внешних войн)[13] периодически попадала в условия кризиса, выйти из которого можно было только с помощью чрезвычайных мер, сознательного и насильственного вмещательства в механизмы функционирования общества.

Мобилизационный путь развития имел следующие черты и признаки:

- доминировали политические факторы в определении целей развития;

- цели развития государства, как правило, опережали социально-экономические возможности страны;

- реализация этих целей осуществлялась по принципу их приоритетности, что позволяло концентрировать ресурсы и усилия на главных направлениях;

- государство создавало прежде всего те учреждения и институты, которые способствовали максимально быстрым достижениям поставленных целей;

- оно вмешивалось также в развитие социальной структуры российского общества, формируя её в зависимости от своих потребностей;

- необходимость интенсивного функционирования государственной системы предполагала применение внеэкономических механизмов и прежде всего принудительного крепостного труда;

[13] См.: Ключевский В.О. Соч. - М., 1957. – Т. 2. – С. 47.

- отсутствие гражданских институтов контроля за властью обусловило возникновение и развитие мощной бюрократической системы управления, постепенно охватывающей все сферы жизнедеятельности общества.

Периодический распад социальных общностей и раскол культуры на два течения – государственно-универсалистское и православно-народное - привел к поляризации ценностей различных социальных групп и к возникновению феномена двоевластия, которое в России не было связано с определенным историческим этапом, но являлось постоянным атрибутом общества, существующим в имплицитной форме и проявляющимся в кризисных, переломных ситуациях. При этом каждая из противоборствующих сторон стремилась стать единственной социальной целостностью, перенимая, тем не менее, многие черты противника.[14]

Наиболее полно все эти признаки проявились в эпоху царствования Петра I. В основу его революции «сверху» легла идея модернизации России по европейским образцам в кратчайшие сроки. Радикальной реформе подвергся государственный аппарат, причем при ее проведении Петр I руководствовался принципом камеранизма, то есть введения бюрократического начала.

По мнению Н.Ф. Демидовой, складывание бюрократического аппарата абсолютистского государства шло по двум направлениям:

1. Создание системы управления со сложной структурой подчиненности учреждений, строгим разделением

[14] См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М., 1991. – Т. 3. – С. 322 – 323; История России в вопросах и ответах. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 98 – 102.

функций управления, единоличным решением вопросов при коллегиальности их подготовки; системы, приводившей к господству канцелярии, в которой главным была бумажная переписка, а не само дело.

Развитие государственного аппарата шло через переходную ступень приказной системы централизованного государства до разветвленной системы учреждений абсолютистского управления коллежского и министерского типа.

2. Создание привилегированного круга лиц, осуществлявших это управление, то есть слоя чиновничества, подчиненного только верховной власти, целиком зависевшего от нее в своем служебном положении и имущественном обеспечении. Чиновничья каста пользовалась привилегиями власти, однако формально не входила в ее состав, что придавало бюрократическому аппарату видимость независимости. При этом устойчивой тенденцией развития бюрократии было ее стремление выйти из-под контроля верховной власти и стать самостоятельной социальной силой, привилегированным слоем. При этом устойчивой тенденцией развития бюрократии было ее стремление выйти из-под контроля верховной власти и стать самостоятельной социальной силой.[15]

Важной вехой в становлении бюрократии как самостоятельного социального слоя стало принятие в 1722 г. «Табели о рангах всех чинов воинских, штатских и придворных», предусматривавшей 14 классов (или рангов), в соответствии с которыми проходила карьера любого дворянина или мещанина. В её основу был положен бюрократический принцип личной выслуги, последовательного

[15] См.: Демидова Н.Ф. Цит.соч. – С.206.

продвижения по служебной лестнице, заменившей собой аристократический принцип знатности. «Табель о рангах» разделила все гражданские должности на две категории. Первую составляли должности собственно административного значения, вторую – делопроизводители. Только первая категория была включена в иерархию чинов «Табели» и получила название чиновников, вторая оставалась канцелярскими служащими. Занятие любой классной должности в системе государственных учреждений становилось невозможным, если претендент не является чиновником.

В свою очередь, чиновники были разбиты в «Табели» на три категории. Принятие на службу в гражданское ведомство определялось теперь тремя условиями: сословным происхождением, возрастом и уровнем знаний. [16]

Реформируя государственный аппарат, Петр I ставил задачу создания принципиально нового **механизма** управления. Однако формирующийся бюрократический строй постепенно стал приобретать функции **субъекта** управления. Народ же, по мнению Б.Н. Миронова, был разжалован в объект управления. [17] Этому способствовала проводимая монархом политика в отношении существовавших тогда сословий. По мнению Х. Баггера, абсолютистский режим в России во всем, что касалось его роли и воздействия на жизнь общества, занимал иную позицию, нежели абсолютистские режимы большинства стран Западной и

[16] Демидова Н. Ф. Указ.соч. – С. 222 – 223; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX. в. – М., 1978. – С.24.

[17] См.: Миронов Б.Н. Указ.соч. - С.133.

Центральной Европы. В России государство формировало социальную структуру в зависимости от потребностей.[18]

В допетровской Руси было по крайней мере три активных и перспективных сословия – дворянство, духовенство и купечество. Они имели голос на Земских Соборах, дворянство и духовенство – и в царском совете. Впоследствии они могли трансформироваться в мощные и влиятельные, значимые политически социальные слои. Однако при Петре I купечество, по мнению Г.П. Федотова и ряда других исследователей, было оттеснено к «черным», податным сословиям и не играло сколько-нибудь значительной роли в политической жизни страны, не став прообразом среднего класса.[19]

Духовенство же было включено в общую систему государственной администрации. «Московской» модели оцерковленного государства Петр I предпочел модель огосударствленной церкви, поскольку видел в ней удобное полицейско-духовное орудие управления народными массами. Поэтому он провел церковную реформу и подчинил церковь государству. В 1724 г. создается особая духовная коллегия – Синод с президентом, вице-президентом и другими членами, причем их назначал сам царь из числа преданных ему духовных иерархов. Над Синодом надзирал обер-прокурор, как правило, светский человек их среды гвардейских офицеров, также из ближайшего окружения Петра I.

Церковь была ущемлена и экономически, поскольку у нее отняли право распоряжаться земельными богатствами.

[18] См.: Баггер Х. Реформы Петра Великого. – М., 1985. – С.36.

[19] См.: Федотов Г.П. Указ.соч. – С. 133.

Было введено принудительное и строго контролируемое причащение всех православных. Священники обязаны были вести «Клировые ведомости», отмечая в них присутствие или отсутствие прихожан на исповеди и причащении. Эти сведения передавались затем в политическую полицию.

Через Синод была отменена тайна исповеди. Приходских священников обязали сообщать в Преображенский приказ (впоследствии - в Тайную канцелярию), ведавший политическим сыском, о признаниях, полученных на исповеди и затрагивавших интересы государства.[20]

Таким образом, церковь, утратив функцию альтернативы государственной идеологии, инкорпорировалась в систему государственной власти и стала служительницей светских правящих органов.

Именно церковная реформа, по нашему мнению, стала впоследствии одной из главных причин возникновения двоевластия («параллельной власти» по М. Крозье) и трансформации политических доктрин (в частности социализма) в особую светскую разновидность религии.

Социальным слоем, больше всего выигравшим от реформ Петра I, стало дворянство. С одной стороны, «Табель о рангах» создала для определенной части населения, прежде служилого сословия, предпосылки вертикальной мобильности. Лица, поступающие на государственную службу, становились дворянами при получении ими очередного чина или ордена.

[20] См.: Черкасов П.П. , Чернышевский Д.В. История императорской России. – М., 1994. - С. 75 – 76.

Следовательно, дворянство возрастало за счет чиновников. Около 47 % чиновников стали дворянами на государственной службе (хотя 85% из них получили только личное дворянство). При этом доход большинства из них состоял из полученного от казны жалованья.[21]

С другой стороны, регламентируется и положение верхнего слоя управленческого аппарата. В основу продвижения по служебной лестнице высшего чиновничества был положен бюрократический принцип личной выслуги вместо прежнего принципа значимости.[22]

Таким образом, в результате реформ Петра I, дворянство, во-первых, возрастает численно за счет притока служилого сословия. Во-вторых, часть высшего дворянства становится бюрократией. Начинается второй период складывания бюрократии в России – дворянский. По мнению Н.Ф. Демидовой, для него характерны следующие особенности:

1) вдвое увеличивается численность служащих государственного аппарата;

2) усложняется иерархическая подчиненность должностей;

3) изменяется принцип вознаграждения за службу, служилые и поместно-денежные оклады заменяются постоянным денежным жалованьем;

4) часть дворянства, становясь государственными служащими высшего и среднего звеньев гражданской администрации, оформляется в бюрократическую группу.[23]

[21] См.: История России: народ и власть. – СПб., 1997. – С.321.
[22] См.: Демидова Н.Ф. Указ.соч. – С.222.
[23] См.: там же. – С.236.

Однако чиновничья служба еще сохраняет свой прежний сословный характер.

Дворянство в эпоху Петра I еще нельзя назвать господствующим социальным слоем, поскольку оно было подчинено самодержавию, зарегламентировано и обязано служить до «гробовой доски». Однако за период с 1720 по 1785 гг. обязанности дворянства по отношению к государству сокращаются до минимума, а права и привилегии значительно расширяются. Так, в 1726 г. за дворянством закреплено право продажи продукции собственных хозяйств; в 1730 отменен Указ о единонаследии, следствием чего стала концентрация земель в руках крупнейших владельцев-латифундистов; в 1736 г. срок службы дворянства сокращается до 25 лет; в 1739 г. подтверждается монопольное право дворян на владение «крещеной собственностью», то есть крестьянами; в 1762 г. купечеству окончательно запрещается покупать крестьян к заводам; в том же году издается «Манифест о вольности дворянства», отменяющий обязательную военную или государственную службу.[24]

Одновременно происходит процесс окончательной утраты свобод крестьянством и полное его закрепощение. В 1736 г. помещикам разрешили самим определять меру наказания за побег крестьян; в 1747 – продавать крестьян в рекруты, в 1760 – ссылать их в Сибирь, а в 1765 – на каторжные работы.[25]

[24] См.: История России с начала XVII до конца XIX в. – М., 1996 . – С.151.
[25] См.: там же. – С.150.

Наконец, в 1785 г. была издана «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», систематизировавшая все права и привилегии, полученные дворянами в XVIII в. В ней подтверждалась вольность дворянства от обязательной государственной службы, свобода от уплаты податей и т.д. Вместе с тем подтверждались исключительные права на владение населенными имениями, то есть землей и крестьянами. Дворянина имели право судить только равные ему. Имения дворян не подлежали конфискации, даже если владелец оказывался преступником, - они передавались его наследникам. Также за дворянством закреплялось право заниматься торговлей, иметь в городе дома, строить промышленные заведения.

Важным пунктом «Грамоты» было кодификация дворянского самоуправления, в результате которой стимулировалось поступление на государственную службу высшего дворянства, обладающего значительным доходом. В то же время от дворянской корпорации отсекалось разорившееся дворянство.[26] В итоге дворянство юридически оформляется как привилегированное сословие.

Узко сословная политика тормозила развитие буржуазии. По мнению Л.Н. Панкратовой и других ученых, результатом мобилизационного пути развития стало закрепление косной и искусственно сужаемой социальной структуры, что препятствовало нормальному экономическому развитию и обрекало Россию на отсталость в будущем.[27]

[26] См.: там же. – С.224.
[27] См.: Баггер Х. Указ.соч. – С.80; История России с начала XVIII до конца XIX в. – С.352.

В перспективе дворянство имело реальную возможность выйти из-под опеки самодержавной власти и превратиться из относительно малочисленного социального слоя, составлявшего к концу XVIII в. 223 тыс. человек, или 0,6 % всего населения России, в правящий класс.[28] По мнению Г.П. Федотова, только дворянство являлось в XVIII в. носителем государственной власти и государственной идеи.[29] Однако этого не произошло по ряду причин.

Во-первых, как отмечали некоторые исследователи, сословия в России не были организованы политически, у них отсутствовал опыт совместной борьбы за свои права.[30]

Во-вторых, у дворянства не имелось объединяющей идеологии, не было продуманной альтернативы самодержавному строю.

В-третьих, несмотря на то, что дворянство в результате обретения им полноты привилегий сделалось крупнейшим владельцем «крещеной собственности», оно не стало и «экономической силой», поскольку использовало крепостной труд и было объективно заинтересовано в сохранении прежнего государственного уклада и косной социальной структуры.

К тому же слишком большое число льгот и вольностей в ущерб государственным обязанностям очень быстро превратило дворянство в пассивный и разлагающийся слой.

[28] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С. 264.
[29] См.: Федотов Г.П. Указ.соч. – С.132.
[30] См. например: Баггер Х. Указ соч. – С.66 – 67; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). – М., 1981. – С. 63; Троицкий С.М. Указ.соч. – С. 365 – 366.

Поэтому, продолжая играть определенную роль в жизни России, оно постоянно теряло свой вес и значимость в обществе.

Следовательно, в XVII - XVIII вв. социальная структура российского общества формировалась, во-первых, искусственно, во-вторых, хаотично, так как этот процесс осуществлялся исходя из потребностей мобилизационного пути развития и зависел от сиюминутных практических потребностей. Поэтому одни сословия пользовались благосклонностью монарха и имели преимущественную поддержку; развитие же других тормозилось. В результате такого насильственного слома социальной структуры в России образовалась огромная маргинальная масса бесправного населения и только один слой, который в перспективе мог претендовать на главенствующее место в управлении государством. Это была часть дворянства, ставшая бюрократией.

С конца XVIII в. начинается третий этап формирования бюрократии в России - чиновничий.

В то время в России с населением 40 млн. человек насчитывалось около 10,5 тыс. чиновников (из них в высшем и центральном аппарате 4,8 тыс. человек, в местном 7,7 тыс. человек) и примерно столько же канцеляристов, что было явно недостаточно (у 26-миллионной Франции было более 90 тыс. чиновников).[31] Прием чиновников на государственную службу осуществлялся по принципу фаворитизма, от них не требовалось никакого образовательного ценза, не говоря уже о профессиональном.

[31] См.: История России: народ и власть. – С.372.

Сама организация власти уже не соответствовала требованиям времени. По мнению С.В. Мироненко, государственные учреждения, возникавшие в течение длительного времени и без четкого плана, не имели ясно очерченной сферы деятельности и не знали пределов своей компетенции. Структура государственных органов была неопределенной, их функции постоянно смешивались и изменялись, зачастую дублируя друг друга.[32]

Поэтому XIX век начинается с очередных реформ государственного аппарата. В их основу был положен принцип бюрократического централизма, представлявшего собой, по мнению Н.П. Ерошкина и ряда других авторов, завершающую форму организации и деятельности крепостной монархии.[33] Несмотря на то, что Александр I «Манифестом» от 2 апреля 1801 г. восстановил действие «Жалованной грамоты дворянству» во всей полноте, тем самым подтвердив, что оно остается привилегированным социальным слоем, все последующие действия власти были объективно направлены на расширение социальной базы бюрократии, повышения уровня ее профессионализма и компетенции, а также усиление ее влияния в обществе.

В 1804 г. начинает создаваться система высших, средних и низших учебных заведений: университеты, губернские гимназии и уездные училища. В 1809 г. выходит указ,

[32] См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989. – С.28.
[33] См.: Ерошкин Н. П. Указ.соч. – С.87; Историки спорят: 13 бесед. – М., 1989. – С.434.

в соответствии с которым производство в чины на гражданской службе запрещается без представления университетского диплома или сдачи специального экзамена.

1 января 1810 г. открывается Государственный Совет – прототип верхней палаты парламента, назначаемый царем. Предполагалось также создание нижней выборной палаты, но эти планы так и остались нереализованными.

В Государственный Совет входили 42 человека. Все его члены, кроме М.М. Сперанского, были потомственными дворянами, 36,4 % имели графские и княжеские титулы, 31,8 % - придворное звание. При этом 81,8 % получили только домашнее образование, сводящееся, как правило, к знанию грамматики и четырех правил арифметики. Подавляющее большинство в Совете было крупнейшими и крупными помещиками.

Органом, фактически дублирующим Государственный Совет, был Сенат, созданный еще при Петре I в 1711 г. вместо Боярской думы. В нем заседали 102 сенатора, 97 % из которых были дворянами, 85 % имели домашнее образование.

Кроме того, в Российской Империи было 50 губернаторов, также в большинстве своем аристократов, 76 % из которых получили домашнее образование, и 120 председателей губернских палат, 86, 7 % из которых – потомственные дворяне, 76 % - с домашним образованием.[34]

Таким образом, правящая верхушка российской бюрократии была вполне однородной по происхождению и образованию (а также по вероисповеданию и возрасту).

[34] См.: Мироненко С.В. Указ.соч. – С.47-57.

Однако значительная часть средних и низших чинов бюрократического аппарата отличалась от правящей верхушки. Во-первых, для большинства из них государственное жалованье было единственным источником доходов. Во-вторых, они имели необходимый минимум профессионального образования. Как отмечал историк М. Раев, с первой четверти XIX в. в России «все специализируется, все становится профессиональным, включая – а это огромное новшество – главное занятие верхов, государственную службу».[35]

Следовательно, основная часть бюрократического аппарата превращалась, в силу своего материального обеспечения и служебного положения, в сплоченную и влиятельную группу, формально служащую царю, но преследующую свои собственные интересы. Это облегчалось еще и тем, что в условиях отсутствия гражданских институтов, контроль осуществлялся лично императором, который, естественно, не мог уделить должного внимания работе всех звеньев бюрократического аппарата.

Кроме того, функции государственных учреждений не были определены с достаточной полнотой, что также затрудняло контроль за их деятельностью.

К началу 20-х гг. XIX в. окончательно определился разрыв между назревшими потребностями развития империи и устаревшей идеологией петровской модернизации. Попыткой его преодоления стало движение декабристов, кульминацией и одновременно развязкой которого стало «стояние» на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Оно

[35] Цит.по: История России: народ и власть. – С.385.

было первым политическим выступлением дворянства и в то же время его «лебединой песней». Политическим оно было потому, что ставило своей целью захват власти, имело определенную организационную структуру и лидеров из своей среды, а также программы дальнейшего переустройства страны. Однако оно потерпело поражение по следующим причинам.

Во-первых, декабристы не нашли реальной поддержки со стороны своего сословия, утратившего к тому времени лидирующую роль в обществе (как отмечал Г.П. Федотов, они завершители старого века, но не зачинатели нового).[36] По мнению Л.Д. Троцкого, движение декабристов не было сословно-классовым, они пытались *заместить* собой отсутствующие зрелые классы.[37]

Во-вторых, декабристы не имели в своей среде профессионалов-организаторов, структура подпольных обществ была слишком рыхлой и недостаточно законспирированной.

В-третьих, внутри самой организации имелось два течения – умеренно-либеральное и радикально-деспотическое, каждое из которых предлагало свой путь переустройства России. Если умеренные либералы не желали кровавых катаклизмов и стремились к постепенным реформам, ограждающим государство от потрясений, подобных

[36] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции.//: Судьба и грехи России. – Т.1. – С.84; См. также: Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX в. – В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. – С.62.

[37] См.: Троцкий Л.Д. Об интеллигенции.// Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. – М., 1993. – С.115.

Французской революции (то есть фактически к конституционной монархии с сохранением помещичьего землевладения), то радикальная программа Пестеля предполагала установление деспотической диктатуры, охраняемой 113 тыс. жандармов (в 30 раз больше, чем потом завел Николай I).[38]

Поэтому дворянство перестало существовать как правящий социальный слой, субъект управления, оставшись привилегированной и быстро вырождающейся кастой.

Самодержавие сделало свои выводы из происшедшего. По нашему мнению, именно в эпоху правления Николая I происходит окончательная переориентация царского режима на государственный бюрократический аппарат как на свою основную опору. Не доверяя аристократии, Николай I стремился создать обособленную касту по-военному организованных и преданных лично ему людей и, по сути, создать бюрократическую империю. Поэтому вскоре возникают новые учреждения с широкими властными полномочиями, в основу работы которых был положен принцип бюрократического централизма - собственная Е.И.В. канцелярия, состоявшая из следующих отделов:

1 отделение - заведование кадрами высшей бюрократии;

2 отделение – кодификация;

3 отделение – политический сыск;

4 отделение – царская благотворительность;

5 отделение – подготовка реформы деревни;

[38] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.283; О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С.81.

6 – управление национальными кадрами на Кавказе.

Наиболее влиятельным из них стало 3 отделение. Были созданы также высшие комитеты, состоявшие из узкого круга лиц, верхушки бюрократии.[39]

Одновременно правящий режим повышает требования к чиновничеству. В 1834 г. выходит "Положение о порядке производства в чины по гражданской службе", подразделявшее всех чиновников по образованию на три разряда: первый – лица с высшим образованием; второй – со средним; третий – с низшим или домашним. Продвижение по службе теперь формально увязывалось с уровнем образованности.[40]

Содержание образования и его формы строго контролировались государством. В 1826 г. был принят новый устав о цензуре, целью которого было "умножение где только можно числа "умственных плотин" против наплыва вредных идей". В 1835 г. вводится новый университетский устав, ограничивающий автономии университетов.[41]

Не ограничиваясь частными охранительными мерами, государство впервые в истории России сделало попытку создания собственной идеологии, поскольку, по словам Г.П. Федотова, крушение западных идеалов заставило монархию Николая I "ощупью искать исторической почвы".[42] В 1827 г. выходит написанная историком М.П. Погодиным работа "Исторические афоризмы", в которой он доказывает, что благоденствие русских основывается на

[39] См.: Ерошкин Н.П. Указ.соч. – С.201.
[40] См.: Зайончковский П.А. Указ.соч. - С.33.
[41] См.: История России: народ и власть. - С.337, 408.
[42] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. - С.84.

православии, самодержавии и народности. В 1832 г. основные положения его теории были доложены Николаю I, и в конце 1834 г. она окончательно сформулирована товарищем министра просвещения С.С. Уваровым в следующем виде: залог силы и величия нашего отечества составляет истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности.[43]

Однако в реальном функционировании эта идеология ("русского консерватизма", как было принято ее называть) наполнялась весьма специфическим содержанием. Внутри самой триады сразу же возникла иерархия. Главенствующее место в ней занимало самодержавие, являвшееся, согласно доктрине, основой стабильности государственного строя. При этом, по мнению Г.П. Федотова, оно понималось как абсолютизм западноевропейского образца.[44]

В свою очередь, условием стабильности самодержавия являлась высокая степень влияния на общественное сознание религиозного начала. Как отмечал Л.А. Тихомиров, "признание верховной государственной власти одного человека над сотнями тысяч и миллионами подобных ему человеческих существ не может иметь место иначе, как при факте или презумпции, что в данной личности – царе – действует некоторая высшая сверхчеловеческая сила, которой нация желает подчиняться или не может не подчиняться".[45] Поэтому религия – православие – занимала в триаде подчиненное самодержавию место, и государство стремилось поддерживать его институты на должном

[43] См.: Ерошкин Н.П. Указ.соч. - С.53.
[44] См.: Федотов Г.П. Указ.соч. - С.84.
[45] Цит.по: История России: народ и власть . - С.430.

уровне. К 1852 г. система православной церкви на местах объединялась в 55 епархий, в которых действовали 49 консисторий, 224 духовных правления и 2 142 благочинных. Под начало этой администрации попадали 582 монастыря, 574 собора, 35005 церквей, 11 576 часовен и молитвенных домов; 121 тыс. человек составляло белое и 18 тыс. монашествующее духовенство, то есть одно духовное лицо приходилось на 331 жителя империи. В 4 духовных академиях, 48 семинариях и 300 уездных и приходских училищах обучалось около 54 тыс. человек. Бюджет Синода вдвое превышал бюджет Министерства народного просвещения.[46]

Однако по содержанию православие представляло отмеренный компромисс между католичеством и протестантством в полном неведении мистической традиции восточного христианства (на это сразу же обратили внимание славянофилы в лице К.С. Аксакова, К.Н. Леонтьева, А.С. Хомякова и др.).[47]

По мнению Н.С. Трубецкого, вся эта доктрина свободно могла быть заменена одним только словом "самодержавие" (являвшимся для бюрократии главной и безотносительной ценностью); православие же и народность (в виде фальшивого поддельно-народного фразёрства, высочайше утвержденного "дю-рюсс с петушками" были не очень эффективными и традиционными его аксессуарами.[48]

[46] См.: Ерошкин Н.П. Указ.соч. - С.132.
[47] См.: Бердяев Н.А. Указ.соч. - С.86.
[48] См.: Трубецкой Н.С. Мы и другие. Мир России – Евразия. - М., 1995. - С.101.

Следовательно, с одной стороны, доктрина "русского консерватизма", по сути, была продолжением петровской традиции разрушения основ прошлой жизни, внешне русифицированной формой западничества. С другой стороны, в основу петровской "революции сверху" легла идея создания новой российской цивилизации (пусть даже путем мобилизационного развития). Доктрина же "русского консерватизма" носила чисто охранительный характер и была создана для увековечения соответствующего строя и сохранения у власти правящей прослойки. Поэтому она сразу же стала государственным мировоззрением бюрократии.

Наряду с созданием охранительной идеологии абсолютистский режим принял ряд законов о государственной безопасности. В 1845 г. выходит «Уложение о наказаниях»; согласно его третьему и четвертому разделам попытка изменить существующий государственный строй и порядок управления и даже сама постановка вопроса об этом трактовалась как государственное преступление. При этом не проводилось различие между поступком и умыслом, то есть отсутствовала четкая градация виновности.[49]

Таким образом, право заниматься политической деятельностью монополизирует правящая верхушка Российской империи. Все остальные граждане лишались этого права под угрозой сурового наказания.

Следовательно, власть в России приобретает все более тотальный характер, сосредотачиваясь при этом в руках одного привилегированного сословия – бюрократии. Ее

[49] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С.383.

численность возрастает с 16 тыс. в начале века до 74 тыс. в 1851 и 86 тыс. в 1857 гг., хотя население империи за это время увеличилось лишь в 1,5 раза – с 40 до 60 млн. человек. К этому времени она фактически обретает полную самостоятельность в своих действиях. Крупный государственный чиновник П.Я. Валуев, критикуя административную систему, сложившуюся при Николае I, утверждал, что по сути своей она является министерской олигархией, которая решает важнейшие государственные дела в обход царя и без его ведома.[50]

В свою очередь, шеф жандармов А.Ф. Бенкендорф в «Обзоре общественного мнения» представил Николаю I следующее заключение относительно чиновничества: «К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но в сущности все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы».[51]

Славянофил Ю.Ф. Самарин, в свою очередь отмечал, что бюрократия, «эта тупая среда, лишенная всех корней в народе и в течение веков карабкавшаяся на вершину, начинает храбриться и кривляться перед своей собственной единственной опорой… власть отступает, делает уступку за уступкой без всякой пользы для общества».[52] В итоге же, по мнению Л.А. Тихомирова, бюрократия фактически освобождается от верховной власти и подчиняет ее себе.[53]

[50] См.: История России: народ и власть. - С.382.
[51] Цит. по: Миронов Б.Н. Указ.соч. С.148.
[52] Цит. по: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.293.
[53] Цит. по: История России: народ и власть. – С.382.

Это признавал и сам Николай I, сказав однажды: «Россией правят столоначальники».[54]

Данной точки зрения придерживался и В.О. Ключевский. Он считал, что к середине XIX в. «Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией, то есть действовавшей вне общества и лишенной всякого социального облика кучей физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством».[55] При этом зачастую в ее деятельности отсутствует всякий смысл: «Здесь никто никем не руководит и никто не знает, что он делает и что выйдет из его деятельности; здесь все только плывет по течению, направляемому какими-то таинственными стихийными силами, и никто не оглядывается на то, что было, и не заглядывает в то, что будет...», а также элементарная некомпетентность: «Здесь господствует странная мысль, что управление государственными делами избавляет от необходимости знать их».[56]

Известный правовед Б.Н. Чичерин полагал, что ограничить всевластие бюрократии можно «только системой сдержек, вводящих господство бюрократии в должные рамки».[57]

Однако представительные противовесы бюрократии не были созданы. Поэтому она оказалась столь же

[54] См.: Там же. – С.340.
[55] Цит. по: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.291.
[56] Ключевский В.О. Из неопубликованных произведений. – М., 1983. – С.332 – 333.
[57] Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.5. Политика. – М., 1898. – С. 146.

косной силой, как и дворянская олигархия, и тормозила любые попытки преобразований, которые могли уменьшить ее могущество (в частности, ряд реформ, предпринятых Александром II, и предназначенных превратить Россию в правовое государство). Это были:

- принятый в 1863 году университетский Устав, разрешивший автономию высшей школы, лишивший полицию доступа в университеты, а цензуру – контроля за научными изданиями;

- земская реформа, то есть создание выборных сословных органов местного самоуправления;

- судебная реформа 1864 г., вводившая в России суд присяжных, подсудность всех видов преступлений, включая политические, обычным судам, равную ответственность сословий перед законом;

- реформа цензуры 1865 г., сократившая круг изданий, подверженных предварительному просмотру.[58]

Все они носили умеренный характер, не затрагивавший основ самодержавной власти (даже судебная реформа, поскольку привлекать чиновников к ответственности можно было только с согласия высшего начальства). Тем не менее бюрократический аппарат выступил их наиболее непримиримым противником. Их аргументы, проанализированные П.А Зайончковским, сводились к следующему:

1. Привлечение к управлению представителей общественности на местах ведет к его дезорганизации; Россия же, наоборот, нуждается в системе управления, скованной

[58] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.322 – 323.

минимумом ограничений и контроля. Поэтому земство следует упразднить, а полицейское правосудие отделить от судов.

2. Политические реформы истолковываются общественностью как признак слабости и способствуют дальнейшему ослаблению государственной власти. Поэтому России не нужны никакие представительные учреждения.

3. Реформы парадоксальным образом способствуют радикализации определенных слоев общества.[59]

В итоге возобладала точка зрения бюрократии. Более того, напуганное ростом терроризма, государство усиливает охранительные меры. Секретный циркуляр от 1 сентября 1878 года перечислял превентивные акции и уполномочивал чинов жандармского корпуса, а в их отсутствие – чинов полиции, задерживать, а также подвергать административной ссылке любое лицо, *подозреваемое* в политических преступлениях. Для этого необходимо только согласие Министра внутренних дел или шефа жандармов, санкции прокурора не требовалось.[60]

Это означало, во-первых, перераспределение власти внутри самой бюрократической структуры. Наиболее могущественной организацией становилось Министерство Внутренних Дел. Во-вторых, тем самым еще более сужались полномочия монарха.

Следующим этапом усиления полицейского режима стала ликвидация Третьего отделения и создание на его базе Департамента полиции с чрезвычайно широкими

[59] См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. – М., 1964. – С.76 – 77.
[60] См.: Там же.

полномочиям, входящего в состав МВД. 9 июня 1881 г. был издан приказ, согласно которому жандармский корпус подчинялся только шефу полиции. Тем самым он выделялся из административного аппарата и функционировал по собственным законам.[61]

Таким образом, в России (впервые в истории человечества) возникает два вида полиции: одна для защиты государства (то есть прежде всего бюрократического аппарата), другая – для защиты его граждан.

Наконец, 14 августа 1881 г. Александр III подписал «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». В нем, в частности, указывалось, что поскольку обычных законов для сохранения порядка оказалось недостаточно, обществу нужны чрезвычайные законы. Суть их сводилась к следующему:

1. Политика становилась исключительно прерогативой правительства и высокопоставленных чиновников; вмешательство в нее неуполномоченных лиц являлось преступлением и каралось законом (при этом понятие «политическое преступление» трактовалось столь широко, что под него подпадали все идеологические течения тех лет – от умеренно-либеральных до крайних анархистских, от социалистических до националистических).

2. Надзор за соблюдением этого принципа поручался Департаменту полиции и жандармскому корпусу.

3. Департамент полиции и жандармский корпус не подлежали никакому контролю со стороны государственных органов и наделялись самыми широкими полномочиями: правом обыска, тюрьмы, высылки лиц, виновных или

[61] См.: Пайпс Р. Указ.соч. - С. 406 - 407.

подозреваемых в политической деятельности, отказа в выдаче свидетельства о благонадежности, надзора за общественными организациями и утверждения их устава, увольнения лиц (включая чиновников ниже трех высших разрядов), заподозренных в неблагонадежности и т.д.

4. Никакая литература не могла быть привезена в Россию или напечатана без разрешения цензуры.

5. Министр Внутренних Дел мог объявить любой район империи в состоянии Усиленной и Чрезвычайной охраны (то есть чрезвычайного положения).

6. Высшие губернские чиновники могли с разрешения министра придавать инакомыслящих военно-полевому суду.[62]

По мнению главы Департамента полиции с 1902 по 1905 гг. А.А. Лопухина, это Положение «поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции».[63] Там, где речь шла о государственной безопасности объективного критерия виновности больше не существовало: виновность определялась субъективным мнением полицейских чиновников.

Н.А. Бердяев, характеризуя государственное устройство России конца XIX – начала XX в., отмечал, что она стала самой бюрократической страной в мире, где слабовыраженные классы и сословия не играли сколько-нибудь значительной роли в жизни государства. Бюрократия же развилась до чудовищных размеров, превратившись

[62] См.: Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., 1997. – С. 264 – 265.

[63] Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. – М., 1907. – С.26 - 27.

в самодовлеющее отвлеченное начало, живущее своей собственной жизнью, по своим законам.[64]

Французский посол в России в 1914-1917 гг. Морис Палеолог характеризовал власть в России следующим образом: «вне царского строя, то есть вне его административной олигархии ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно устанавливаемых партий, ни социальных группировок».[65]

Госаппарат оставался крупнейшим в России собственником, сохраняющим традиционную форму владения – государственную докапиталистическую монополию. По мнению ряда российских и зарубежных ученых, еще никогда в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была столь широкой и всеобъемлющей, чем за период с 1881 по 1917 гг: «русское правительство с помощью центрального государственного аппарата контролирует финансовое положение страны: оно владеет и управляет 2/3 всей железнодорожной сети, 7/8 всех почт и телеграфов. Почти 1/3 всей земли, 2/3 всех лесов в его непосредственном заведовании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на свих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки».[66]

[64] См.: Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. Ч.1. Психология русского народа: Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. Сочинения. - М., 1998. – С. 276.

[65] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М., 1991. – С. 22.

[66] Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России (Социология. Этнология. Культурология). – 1995. – № 11. - С.11.

Русское правительство было самым крупным капиталистом и предпринимателем во всем мире. Даже частные по форме концессии (например, железнодорожное строительство) осуществлялись с помощью государства.

Что касается нарождавшейся буржуазии, то она формировалась в основном из небольшого числа близких к правительственному аппарату финансовых и промышленных олигархов, занимавшихся не столько предпринимательством буржуазного типа, сколько паразитированием на внешних формах капиталистического финансового механизма, то есть функционирующих в рамках феодальной монополии.[67]

Средний предпринимательский слой был слаб и представлял собой в подавляющем большинстве традиционное купечество с низкой культурой, отсутствием элементарной деловой этики, действовавшее докапиталистическими методами. Поэтому у населения России начинает доминировать отрицательное отношение к владельцам собственности, которое постепенно переносится на сам принцип частного владения. Как отмечал В.В. Розанов, «в России собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или когонибудь «обобрал». Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается».[68]

Таком образом, к концу XIX в. российская бюрократия окончательно сформировалась как корпоративный

[67] См.: Иванов А.В., Лоскутов В.А. Сталинщина и сталинизм: восхождение по кругам отчуждения // Марксизм и Россия. – М., 1990. – С. 82 – 83.
[68] Розанов В.В. Уединенное // Волга. – Саратов,1989. - № 6. - С. 89.

социальный слой, имеющий в своем распоряжении все политические, административные и финансовые рычаги влияния, то есть ее власть приобретает формально тотальный характер.

Однако к этому времени бюрократия не использовала свою власть в полном объеме, поскольку госаппарат постепенно вырождался, становясь все более косным и инертным. Служба сводилась к отсиживанию в учреждении обязательных 5-6 часов. По мнению Г.П. Федотова, призванная некогда спасать Россию от дворянской атонии, бюрократия превращалась в огромную школу безделья, открыто и принципиально принося в жертву личным семейным интересам дело государства: «чиновник думает только о том, чтобы вывести в люди своих детей и обеспечить себе приличную пенсию под старость».[69] Русским бюрократическим верхам на исходе века не хватало не только творческих идей, передовой идеологии, но и элементарной воли к власти. Поэтому основная часть бюрократии объективно становилась абсентеистским социальным слоем, повторяя судьбу дворянства. Она не могла справиться с проблемами, которые к тому времени встали перед страной. Видный юрист В.М. Гессен отмечал: «Самодержавная бюрократия самая эгоистичная и своекорыстная, самая невежественная и тупая из всех бюрократий мира – такова та государственная власть, которая призвана ныне к осуществлению великой политической и социальной реформы, долженствующей пересоздать Россию».[70]

[69] Федотов Г.П. Указ.соч. – С. 140.
[70] Гессен В. М. На рубеже. – Спб., 1906. - С.255.

Внутри самой бюрократии произошло перераспределение власти: большая часть функций управления перешла к репрессивному аппарату. П.Б. Струве считал, что с 14 августа 1881 г. (с момента выхода «Положения об усиленной охране») Россия оставалась самодержавной монархией только формально. На самом деле сущностью самодержавия стало всемогущество политической полиции: «стоит упразднить эту подпорку, самодержавие рухнет само по себе».[71] Это подтверждал и А.А. Лопухин, отмечая, что только в полиции «...заключалась вся сила покончившего свое существование режима».[72]

Подведем некоторые итоги. С середины XVI в. в России начинает формироваться самостоятельный социальный строй – бюрократия. В своем развитии она проходит служилый, дворянский и чиновничий этапы, обретая на каждом из них дополнительные функции и усиливая свое влияние в обществе. К концу XIX в. бюрократия получает всю полноту власти, замещая собой, по выражению Л.Д. Троцкого, все «несуществующие классы», и становится единственным потенциальным историческим субъектом действия. Однако использовать свои полномочия она была объективно не в состоянии, поскольку выполнение ее управленческих функций свелось к одной – охранительной. У российской бюрократии отсутствовала целостная концепция развития страны, а также идеология, которая принималась бы большинством общества; русский

[71] Струве П.Б. Россия под надзором полиции // Освобождение. – 1903. - Т.1. - № 20 – 21. – 18 апреля – 1 мая. – С. 357.
[72] Лопухин А.А. Указ.соч. – С. 5.

консерватизм (выражаемый формулой «православие – самодержавие - народность») был, по выражению Г.П. Федотова, «идеологической псевдоморфозой», лишенной реального содержания и существовавшей только по инерции.

Как отмечал один из авторов сборника «Из глубины» В.Н. Муравьев, власть не в силах была заместить для народа его образованные слои, восполнить отсутствие общественного мнения, она перестала быть восприимчивой к прогрессу и обновляться свежими силами и идеями: «Она окостенела и сгнила. И... по мере того, как умирало миросозерцание, ею искусственно защищаемое, умирала и русская власть».[73]

Гипертрофия охранительной функции свидетельствовала о попытках власти законсервировать существующий режим. Однако наличие серьезных экономических и политических противоречий внутри российского общества и невозможность их разрешения усилиями правящего социального строя обрекало эту попытку на неудачу. В свою очередь, ослабление витальности главной государственной силы – чиновничьей бюрократии вызвало к жизни потребность в новой социальной силе, в историческом субъекте, который, по словам Ю. Пивоварова, «смог бы взяться за реализацию новой государственной идеи».[74] Таким субъектом действия стала, по словам Г.П. Федотова, "инобытие" чиновничьей бюрократии – интеллигенция.

[73] Рев племени // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М., 1990. – С. 193.
[74] Пивоваров Ю. Бывшее, но не сбывшееся: о русском марксизме и его удивительной судьбе // Октябрь. – 1992. - № 2. – С.185.

§2. Становление субъектов мифотворчества

Становление нового исторического субъекта действия, идущего на смену чиновничьей царской бюрократии, носило инновационный характер. Это выразилось прежде всего в социальном составе формирующегося слоя. В отличие от всех прежних российских властных структур, социальный состав которых определялся происхождением и близостью к царю, первооснову формирующегося слоя составили разночинцы.

«Толковый словарь великорусского языка» Даля так определял данную категорию: «Разночинец – человек неподатного сословия, но без личного дворянства, и не приписанный ни к гильдии, ни к цеху».[75]

По мнению Г.В. Плеханова, разночинцами становились все люди, деятельность которых не укладывалась в сословные рамки. С одной стороны, ими были формально вышедшие из своего сословия дети купцов и духовных лиц, а также дети мещан и крестьян, хотя и сохранившие свое сословное звание, но потерявшие связь с экономическими корнями, занятиями и бытом своего сословия.[76]

С другой стороны, появился круг людей, которые не могли быть никем иным, как разночинцами. Это – дети чиновников и офицеров, выслуживших личное почетное гражданство или личное дворянство на низших ступенях «Табели о рангах» (обер-офицерские дети, а также дети

[75] Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. – М., 1999. - Т.2. – С.46.
[76] См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – М., 1958. . – Т.4 – С.60.

личных почетных граждан). П.П. Черкасов и Д.В. Чернышевский отмечали, что разночинцы воплощали отрыв от почвы, были отщепенцами той народной (духовной, купеческой, крестьянской) Руси, из которой они вышли.[77]

В.В. Воровский считал, что разночинец – это «продукт разложения, отброс разных социальных групп».[78] Такого же мнения придерживалась и В.Р. Лейкина-Свирская, утверждая, что данный термин применялся к «безродным слоям населения».[79]

В подавляющем большинстве разночинцы были жителями городов. Так, в Москве, в 1840 г. их насчитывалось 27, 7 тыс., что составляло 8 % ее населения; в Санкт-Петербурге в 1869 г. – 17,5 тыс. (из них к лицам умственного труда можно было причислить только 601 человека, или 3 %). В городском населении европейской России в 1858 г. они составляли 3,5 % (дворян и чиновников было 5,8 %); в общей численности населения России они составляли ничтожную долю – около 0,4 %.[80]

Таким образом, первоначально разночинцы представляли собой немногочисленный городской маргинальный слой; как известно, одним из признаков маргинальности является пограничное, переходное состояние субъекта, выпавшего из привычной социальной среды и еще не

[77] См.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.326.
[78] Воровский В.В. Русская интеллигенция и русская литература. – Харьков, 1923. – С. 63.
[79] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М., 1971. – С. 24.
[80] См.: Там же. – С. 25, 328 – 329.

примкнувшего к новым общностям, а именно такими и были разночинцы.[81]

Позднее понятие «разночинец» расширяется: в него стали включать, во-первых, дворянство, отказавшееся от привилегий своего сословия. А.И. Герцен и Н.П. Огарев под разночинцами подразумевали «то меньшинство дворянства, которое отказалось от своего сословия, или то разночинство, которое вовсе не пошло в чиновничество или находится в нем с отвращением».[82]

Во-вторых, так стали называть лиц, получивших чин или звание по праву образования. Г.В. Плеханов отмечал, что разночинцы - выходцы из чиновничьей, помещичьей, купеческой и поповской среды – видели в образовании главное средство карьеры. Однако его получение отнюдь не являлось гарантией служебной перспективы.[83]

По мнению С.А. Франка, разночинцы сознательно отчуждали себя от культуры верхних слоев населения и презирали ее. По своему мировоззрению, выработанному путем догматического усвоения материалистического рационализма, и социальному уровню, они были духовно близки низшим слоям населения, проникнутым антигосударственными устремлениями. Поэтому они зачастую принципиально не желали пользоваться привилегиями образования при существующем политическом режиме.[84]

[81] См.: Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. – М., 1998. - С.107.
[82] Огарев Н.П. Избранные социально-политические произведения. – М., 1952. – Т.1.– С.676.
[83] См.: Плеханов Г.В. Указ. Соч.. – Т.1. – С.331.
[84] См.: Франк С.А. По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // Новый мир. – 1990. - № 4. – С.216.

Однако при этом разночинцы-маргиналы, отрицая сакральный символический смысл христианских ценностей в пользу их земного, мирского воплощения в виде богатства (не вещного, но богатства знаний), тут же возводили их в разряд сверхценностей, наличие которых автоматически выделяло человека в особый, качественно лучший социальный слой.[85]

Итак, разночинство пополнялось за счет других маргинальных прослоек общества, в состав которых входили лица, формально принадлежащие к определенному социальному (дворянство) или профессионально-образовательному слою, но не удовлетворенные своим положением в обществе. Представители именно такой маргинальной разновидности, как правило, играют ведущую роль в формировании новых социальных общностей и структур, где они предполагают занять более выгодную социальную позицию. Это, по мнению М. Вебера, происходит в том случае, когда разрозненные маргинальные группы организуются в социальную силу и дают толчок изменениям в обществе, будь то революции, или реформы, чтобы добиться главной цели – власти.[86]

Необходимым условием преобразования маргинальной массы людей в «практическую группу» (по терминологии Ю.Л. Качанова) или «реальную социальную группу» (по терминологии О.В. Шкаратана) является, во-первых, осознание ею совокупности собственных интересов –

[85] См.: Скоробогацкий В.В. Марксизм как феномен европейской и русской культуры: парадоксы становления и развития // Ленинизм и Россия. – Екатеринбург, 1995 . –С.11.
[86] См.: Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Указ.соч. – С.108-109.

экономических, политических, духовных и наличие потенциальных возможностей для их удовлетворения.

Во-вторых, функционирование реальной социальной группы предполагает наличие ее внутренней структуры, состоящей из ядра – концентрированного выразителя всех социальных свойств группы и ее интересов, то есть субъекта действия, реального лидера (иногда таких «ядер» может быть несколько, что предполагает конкурентную борьбу между ними), и «периферии» – людей, разделяющих позиции «ядра» и участвующих в его деятельности с различной степенью активности.[87]

Задачи «ядра» на этапе становления реальной социальной группы следующие:

- формирование круга интересов и притязаний данной группы;
- создание репрезентирующих институций, прежде всего – функционирующей организации, имеющей лидера;
- создание специфических рычагов влияния на власть для удовлетворения совокупности обозначенных интересов;
- конструирование представлений о данной группе в обществе, от первичных номинаций до научных теорий, идеологий и политических мифов.

Маргинальная разночинская масса начала оформляться в социальную группу к началу 30-х гг. XIX в. Предпосылкой этого становления была консолидация разночинства на

[87] См.: Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // Социс. – 1996. - № 12. – С.97 – 98; Сергеев Н.В., Шкаратан О.В. Реальные группы – концептуализация и эмпирический расчет // ОНС. – 2000. - № 5. – С.36.

основе политического радикализма, носившего первоначально отвлеченно-абстрактный характер. Тем не менее уже в начале 40-х гг. Третье отделение – политическая полиция – зафиксировала трудноопределимую смену настроений среди разночинства и части образованного слоя, но поскольку речь шла о чисто духовном процессе, сложно было предпринять конкретные репрессивные меры.[88]

Специфика становления субъекта действия в России заключалась в том, что политический опыт приобретался не в совместной партийной борьбе, поскольку партий не существовало, а в учебных заведениях разного уровня – гимназиях, семинариях, университетах. Как писал В.Ф. Асмус, «чем менее охвачено было общество политической деятельностью, чем более ограничен был для него доступ к различным формам и проявлениям политической жизни, чем менее ясным было общественно-политическое сознание различных его групп, тем большее значение в политическом развитии страны принадлежало университетам как выразителям растущей политической самодеятельности».[89] По мнению Г.В. Плеханова, университеты, создавая карьеристов, создавали и революционеров.

Другим действенным средством политизации масс стали газеты и литературные журналы. Цензор Ф.П. Еленев (Скалдин) характеризовал эпоху 40-60-х гг. следующим образом: «у нас, где на самом деле не существует никаких

[88] См.: Люкс Л. Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения // Вопросы философии. – 1991. - № 11. – С.4.

[89] Асмус В.Ф. Борьба философских течений в Московском университете в 70-х гг. XIX в. // Асмус В.Ф. Избр.филос.труды.. – М., 1995. – Т.1 – С.238.

политических партий и не допускается никакая оппозиция правительству, на деле существовала оппозиция гораздо более обширная и деятельная, чем в каком бы то ни было конституционном государстве, оппозиция, захватывавшая в свои сети всю читающую Россию и доходившая в некоторых изданиях до отрицания государственной власти и частной собственности», и далее: «в России взамен западно-европейских парламентских партий образовались партии «Современника», «Русского слова», «Слова», «Голоса», «Отечественных записок» Некрасова и т.д.».[90]

При этом, как отмечал на страницах народнической газеты «Неделя» ее ведущий публицист П.П. Червинский, большинство толстых журналов занято «сопоставлением наиболее темных и курьезных фактов из прошлого и настоящего… тут голое, сплошное отрицание превратилось в специальность, в ремесло».[91]

Товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве в записке министру Д.А. Толстому указывал, что «литературный кружок, руководящий журналами и газетами, состоит почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против законного порядка»; государству противостоял «враг великой крепости и силы, не имеющий плоти и крови, то есть мир известного рода идей».[92]

На роль общественного лидера разночинское движение начинает претендовать к началу 60-х г. Его идеология

[90] Цит.по: Лейкина-Свирская В.Р. Указ.соч. – С.226.
[91] Червинский П.П. От чего безжизненна наша литература // Неделя. - 1875. - № 44. – Стб. 1427 – 1428.
[92] Цит.по: Лейкина-Свирская .В. Р. Указ.соч. – С.226.

(как уже отмечалось ранее) характеризовалась крайним для того времени радикализмом, поскольку, по словам Н.А. Бердяева, невозможность легальной политической деятельности вела их к исповеданию самых крайних социальных учений.[93] Разночинцы не просто критиковали тот или иной правительственный курс, но отрицали самые основы существующей государственной системы. Г.П. Федотов отмечал, «что для разночинцев политическая свобода не является достаточно привлекательным идеалом – они желают революции, которая немедленно осуществит в России всеобщее равенство, хотя бы и ценой полного уничтожения привилегированных классов».[94] Традиционной формуле Российской Империи «православие, самодержавие, народность» разночинцы противопоставили формулу, заимствованную у Запада: атеизм, социализм, интернационализм.

Однако эти составляющие преломились в русской революционной среде весьма специфическим образом. По мнению ряда ученых, атеизм разночинцев носил особый, мистический характер – отрицание религии у них переходило в религию отрицания; движение в идее, утверждавшее крайнее западничество, по сути, представляло собой русскую религиозную секту: «Запад дает новые символы и догматы, но идеалам молятся как иконам, по-православному».[95]

[93] См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.. 1990. – С.64.
[94] См.: Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – Сб., 1991. . – Т.2– С.294 – 295.
[95] См.: Мережковский Д.С. Грядущий хам // Интеллигенция. Власть. Народ. – С.99; Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – Т.1. – С.91.

Новым «символом веры» для разночинцев стал социализм, воплотившийся в теорию и практику народничества. Это было первое русское революционное движение, создавшее действующие политические организации.

По мнению П.И. Новгородцева, социализм народников носил мифологизированный характер. Его сутью была почти религиозная вера в то, что «народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тотчас же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы, самую грандиозную работу общественного сознания».[96]

В наше время сходной точки зрения придерживается И.К. Пантин, отмечая, что под народническим секуляризмом скрывалась особая светская разновидность религиозного сознания, проявлявшаяся в социальном утопизме, и прежде всего – в мифологизированных представлениях о крестьянстве как основой революционной силе общества. При этом вера в народ исходила не из объективных качеств и нужд самого крестьянства, а из нравственного стремления разночинства найти опору своей жизнедеятельности.[97] Известный писатель–народник С.М. Кравчинский писал о своих товарищах, что социализм был их верой, а народ – божеством.[98] Само же народническое движение было, по его мнению, «скорее каким-то крестовым походом,

[96] Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. – С.231 – 232.
[97] См.: Пантин И.К. и др. Революционная традиция в России: 1723 – 1883 гг. – М., 1986. – С.238.
[98] См.: Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. В кн.: Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2 Т. – Т.1. _ М., 1987. – С.353-354.

отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились... к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения».[99]

Они отвергали и провиденциализм исторического процесса, и его законосообразный детерминизм, как гегелевского, так и марксистского толка. Не отрицая совершенно исторических законов, народники считали, что они действуют ограниченно во времени и в пространстве, оставляя простор для активной деятельности в историческом процессе и народу, и отдельной личности. Н.А. Михайловский, в частности, выступал как «враг естественного хода вещей» и требовал активного вмешательства человека в изменение естественного хода.[100] В.И. Ленин в этой связи отмечал отсутствие у народников «социологического реализма».

По мнению революционера Н.А. Морозова, народники в борьбе за свою свободу (которую они путали со свободой для всей страны), подняли первое попавшееся идеологическое знамя и обожествили крестьянство.[101]

Рассуждая о жертвенности и бескорыстном служении крестьянству, народники на деле считали себя его духовными наставниками и руководителями, овладевшими, по словам С.А. Булгакова, «тайнами народного счастия».

Социалистическая идеология народников претерпевала быструю трансформацию. По мнению Н.А. Бердяева, первоначально в ней преобладали социальные, а не

[99] Там же. – С.351.
[100] Цит.по: Бердяев Н.А. Указ. Соч.– С.144.
[101] Морозов Н.А. Повести моей жизни. – М., 1965. – С.74 – 75.

политические составляющие. Но уже к концу 70-х гг., с момента образования партии «Народная Воля», движение народников приобретает политический характер и переходит к террору как средству завоевания власти.[102]

Следовательно, вследствие распространения идей социализма в России, маргинальное разночинское движение начинает оформляться в социально-политическую группу, противостоящую власти. В связи с этим возникла необходимость создания привлекательного для общества образа репрезентируемой группы. В данном случае он должен был строиться, с одной стороны, на контрасте с властными структурами российской империи. С другой стороны, идеализация народниками крестьянства предполагала создание собственного облагороженного образа и присвоение соответствующего наименования. Им стало модное слово «интеллигенция».

Единичные случаи употребления термина «интеллигенция» в значении «разумность» отмечены уже во второй половине XVIII века, в работах поэта В.К. Тредиаковского. Позднее профессор петербургского университета А.И. Галич в книге «Опыты философского словаря» (1819 г.) объяснял это слово как «разумный дух» и «высшее сознание».[103] В таком же абстрактно-философском значении его употреблял А.И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.).[104]

[102] См.: Бердяев Н.А. Указ. Соч. – С.131.
[103] См.: Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенцияю История и судьба. – М., 1999. – С.66.
[104] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Указ.соч. – С.5.

Первое зафиксированное употребление этого понятия в социологическом значении найдено в дневниковых записях В.А. Жуковского в 1836 г. при описании пожара с многочисленными жертвами, а вскоре после «этого общего бедствия, почти рядом … осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию; никому не пришло в голову, что случившееся несчастие есть общее».[105]

В данном случае В.А. Жуковский использует понятие «интеллигенция» для обозначения определенной социальной группы.

В 1863 г. славянофил И.С. Аксаков в газете «День» употреблял этот термин в переходном от абстрактного к собирательному значении.

В 1866 году писатель и публицист П.Д. Боборыкин использовал слово «интеллигенция» в одном из своих очерков, а затем в целом ряде произведений, то в абстрактном (романы «В чужом поле», 1866 г., «Жертва вечерняя», 1868 г., «Китай-город»,1882 г.), то в собирательном социологическом значении (роман «Солидные добродетели», 1870 г.). Это позволило ему позднее, в 1909 году, претендовать на авторство данного понятия: «в 1866 году, в одном из своих критических эпизодов я пустил в обращение слово *интеллигенция*, придав ему значение … самый

[105] Цит.по: Шмидт С.О. Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника царского престола // Русское подвижничество. – М., 1996. – С.217 – 218.

образованный, культурный и передовой слой общества известной страны. Тогда же я присоединил к нему одно прилагательное и одно существительное, *интеллигент* и *интеллигентный*».[106]

Приоритет П.Д. Боборыкина поддерживал ряд ученых, в том числе первый биограф писателя С.А. Венгеров, экономист М.И. Туган-Барановский, А.К. Дживелегов, историк Р.В. Иванов-Разумник, позднее В.В. Виноградов, А.Н. Севастьянов, Б.П. Балуев, немецкий социолог Э. Вин и др.[107]

Однако в настоящее время большинство исследователей считает, что П.Д. Боборыкин был лишь одним из многих, кто способствовал внедрению и укоренению данного слова в русском языке. Данной точки зрения придерживаются Н.И. Балашов, В.Б. Катаев, И.В. Кондаков, Ю.С. Сорокин, американские историки Д. Биллингтон и А. Поллард, немецкий филолог О. Мюллер и др.[108]

[106] Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. – 1904. - № 12. - С.80.

[107] См.например: Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России. – М., 1991. – С.430; Дживелегов А.К. Интеллигенция // Энциклопедический словарь бр.Граната. 7 изд. 1914. - Т.22. - С.59 – 60; Виноградов В.О. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. – М., 1938. – С.389, 394, 397, 399; Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. – М., 1995 . – С.121; Балуев Б.П. Споры в конце XIX в. о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX в.). – М., 1996. – С.301: Вин Э. Интеллигенты в политике и обществе // Интеллигенция и политика. – М., 1978. – С.44.

[108] См.: Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов (к истории понятия "интеллигенция" в русской литературе) // Русская интеллигенция. – С.382- 397; Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Там же. – С. 63 – 90; Сорокин Ю.С. Развитие словарного запаса русского литературного языка: 30-90- гг. XIX в. – М.-Л., 1965. – С.148.

Мы разделяем данное мнение, поскольку, как уже говорилось ранее, случаи употребления понятия «интеллигенция» как в абстрактно-философском, так и в собирательном социологическом значении отмечены и до П.Д. Боборыкина, и в одно время с ним. Так, в 1868 г. вышло отдельное издание «Войны и мира», в котором имелась фраза: «он [Пьер] знал, что тут [в салоне Шерер] собрана вся интеллигенция Петербурга», а в журнальном варианте 1865 г. это слово еще отсутствовало. В 1870 г. был издан рассказ И.С. Тургенева «Странная история», где герою советуют съездить на бал в дворянское собрание: «ну и всю нашу интеллигенцию вы увидите».[109]

Кстати, И.С. Тургенев допускал наличие качества «интеллигенция» и у животных: в 1871 г. он писал, что «даже собака стала… интеллигентнее, впечатлительнее и сообразительнее, ее кругозор расширился».[110]

Ученый А. Строгин в книге «Политика как наука» также использует данный термин в значении «представители труда нервного, работники умственные, интеллигенция общества».[111]

Таким образом, понятие «интеллигенция» в исторически закрепившемся значении сложилось в *русской художественной литературе и публицистике*. При этом оно

[109] Цит.по: Катаев В.Б. Указ.соч. – С.385.

[110] Цит.по: Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. – С.7.

[111] Строгин А. Политика как наука. – СПб., 1872. – С.22.

отличалось лексико-семантической неопределенностью и употреблялось то в абстрактно-философском, то в собирательном значении. Четкого социологического определения понятия «интеллигенция» не существовало. В этой связи историк В.О. Ключевский отмечал: «очевидно, это – первое слово, подвернувшееся торопливому писателю, когда он искал простейшего термина, которым можно было бы обозначить такое сложное явление, как человек, имеющий научно-литературное образование. Таков уж характер газетного лексикона: он весь состоит из слов кратких и неточных, которые не столько слова, сколько условные знаки».[112]

По мнению филолога В.С. Елистратова, «в значении слова «интеллигенция» есть то, что можно назвать семантическим беспределом. Значение этого слова вмещает в себя все, что угодно, лишь бы это было загадочно, оригинально, приятно и не так, как в других культурах». При этом «в любом высказывании о сути интеллигенции всегда есть одна мысль: интеллигенция – лучшая часть России».[113]

Поскольку же народники именно себя считали этой лучшей частью, силой, противостоящей царскому деспотизму, то стали употреблять этот термин по отношению к себе.

Многие исследователи проблемы «интеллигенция» отмечали, что массовое распространение этот термин

[112] Ключевский В.О. Об интеллигенции // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. – С.299.
[113] Елистратов В.С. Язык старой Москвы. – М., 1997. – С.696.

получил именно в разночинско-народнической среде. Г.П. Федотов отводил народничеству главное место в истории возникновения феномена русской интеллигенции.[114] Такой же точки зрения придерживались Н.А. Бердяев, Р. Иванов-Разумник, М.И. Туган-Барановский, Г.В. Флоровский, С.А. Булгаков, В. Воровский, Л.Д. Троцкий и др.[115]

В наше время это мнение разделяют Н.И. Балашов, М.Н. Гаспаров, М.В. Кондаков, Ю.С. Степанов, П.П. Черкасов и Д.В. Чернышевский, а также ряд других исследователей.[116]

Таким образом, к сороковым годам XIX в. в Российской империи из маргинальных разночинских групп начинает оформляться радикальное политическое движение, выдвигающее первые претензии на власть.

Тогда же в широкое употребление входит термин «интеллигенция», имеющий литературное происхождение. Он отличается лексико-семантической неопределенностью, но в его значении обязательно присутствует аксиологическая

[114] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. – С.69.
[115] См.: Иванов-Разумник Р. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. – С.75; Туган-Барановский М.Н. Интеллигенция и социализм // Там же. – С.214; Троцкий Л.Д. Об интеллигенции // Там же. – С.115; Флоровский Г.В. Пути русского богословия // О России...- С.331; Булгаков С.А. На пиру богов // Из глубины. – С.121; Воровский В.В. Соч.– М., 1931. - Т.2. – С.83.
[116] См.: Гаспаров М.Л. Указ.соч. – С.12; Кондаков М.О. Указ.соч. – С.73; Степанов Ю.С. "Жрец", нарекись и знаменуйся: "жертва" (К понятию "интеллигенция" в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. – С.26 – 27; Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. Указ.соч. – С.326.

доминанта (что- то лучшее). Она сохранилась и в первых научных толкованиях этого слова; в частности, во втором издании «Толкового словаря В.И. Даля»(1881 г.) оно выглядело следующим образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей».[117]

Наличие аксиологической доминанты в толковании данного понятия свидетельствует о его антикаузальности, перевесе эмоционального над логическим, то есть о возникновении одного из признаков мифа.

Дальнейшее развитие мифа об интеллигенции определялось расширением границ употребления этого термина. Постепенно слово «интеллигенция», сохраняя прежнюю доминанту, начинает применяться в качестве собирательного наименования членов народнических групп. Однако монополизировать понятие «интеллигенция» народникам не удалось. С развитием политических процессов в России и появлением движений с различной идеологией все они начинают использовать данный термин в своей практике, зачастую вкладывая в него противоположные значения.

Этим, по нашему мнению, обусловлено появление еще одного признака мифа – сохранение его «оболочки» (то есть наименования) при смене содержания в зависимости от позиции субъекта мифотворчества.

Для обоснования этого обратимся к анализу взглядов на интеллигенцию представителей основных политических движений дореволюционной России.

[117] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2 изд. СПб.-М., 1881. – Т. 2.- С.46.

ГЛАВА 3. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ МИФА ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

§1. Формирование и укоренение мифологической парадигмы взглядов на интеллигенцию в российском обществе второй половины XIX – начала XX в.

Как уже говорилось ранее, термин «интеллигенция» входит в широкое употребление в народнической среде. Один из первых идеологов народничества, П.Л. Лавров, развивая идею А.И. Герцена о «свободной личности», считал, что главный субъект исторического действия – «критически мыслящие личности», то есть люди, действующие под влиянием осознанного побуждения к развитию общества с позиций этического идеала всеобщего благоденствия. Это русская передовая интеллигенция, исторические деятели.

Кроме них существуют и неисторические – народные массы, лишенные образования, а также «псевдоинтеллигенция» - «дикари высшей культуры», мыслящие по заданному и живущие «как все». Они составляют большинство образованного общества, располагают значительным капиталом, занимают руководящие посты и в силу этого имеют неограниченные возможности для формирования общественного мнения.[1]

По мнению П.Л. Лаврова, наличие образования еще не дает патента на интеллигентность: «профессора и академики сами по себе, как таковые не имели и не имеют

[1] См.: Лавров П.Л. Опыт истории нашего времени.. – Женева, 1888. – Т.1– С.22 – 34.

ни малейшего права причислять себя к «интеллигенции»... иной автор многочисленных ученых трудов может оставаться фетишистом культурного быта, тогда как далеко выше его в этой интеллигенции стоит какой-нибудь полуграмотный ремесленник, работающий в немногие часы досуга над своим развитием... официальные дипломы не дают ей (русской молодежи) еще права считать себя принадлежащей к интеллигенции, которая воплощает русскую идейную жизнь... Лишь по недоразумению можно отнести к армии интеллигенции служителей культурных фетишей».[2]

Псевдоинтеллигенция составляет основу «современного бюрократического абсолютизма Российской империи» - главного врага подлинной интеллигенции. До борьбы с ним подлинная интеллигенция – главный исторический субъект действия – должна объединиться в немногочисленную, но сплоченную, сильную и организованную политическую партию, идеология которой – социализм.

Союзником интеллигенции в этой борьбе будут народные массы, составляющие, по мнению П.Л. Лаврова, «необходимую подкладку социального переворота».

В результате этого переворота низложится «главный враг и социализма, и всякого человеческого развития» - русское самодержавие, и возникнет справедливый социальный строй.[3]

[2] Арнольди С.С. (Лавров) Кому принадлежит будущее? Из рукописей 90-х гг. – М., 1905. – С.230.

[3] См. Лавров П.Л. социальная революция и задачи нравственности (открытое письмо молодым товарищам).//Лавров П.Л. философия и социология. Избранные произведения в 2 т. – М.,1965. – Т.2 – С.442-443

Таким образом, согласно П.Л. Лаврову, интеллигенция – это небольшая группа «критически мыслящих личностей» внутри образованного общества, «творцы истории», объединенные *по социально-этическому критерию*.

Этот критерий стал главным и определяющим при выделении интеллигенции в особую социальную группу. Из него исходили практически все видные теоретики народничества. Так, Н.К. Михайловский писал: «мы – интеллигенция, потому что мы многое знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой; слепым историческим процессом мы оторваны от народа, мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним».[4]

Из этого определения исходил другой известный народник В.П. Воронцов, автор статьи «Интеллигенция», помещенной в «Новом энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. По его мнению, интеллигенция – это небольшая группа лиц, сделавшаяся представителем образованности и политической силы. К ней можно причислить только тех граждан России, «сердце и разум которых с народом и которые из факта своего образования за счет народа делают вывод о долге интеллигенции народу. Таким образом, к интеллигенции причисляется только прогрессивная часть образованного общества, а не в коем случае не служители религии, хотя бы они были людьми весьма интеллигентными».[5]

[4] Михайловский Н.К. Записки современника // Отечественные записки. – 1881. - № 12. – С. 201.

[5] Новый энциклопедический словарь. – СПб., Б.г. - Т.19. – Стб. 538.

Л.А. Тихомиров, начинавший как революционной народник, называл интеллигенцию «мирским радетелем». Выступая в ее защиту, он видел в интеллигенции бескорыстных подвижников, особенно полезных в переломные исторические моменты, поскольку «убежденный в своей правоте, каждый из них способен воскрешать и поддерживать в массах уверенность в том, что идеалы правды – не фантазия, не безусловная мечта, а выражение мирового закона. В этом состоит великое значение интеллигенции, делающее ее в полном смысле «солью земли», предохраняющей общество от нравственного разложения».[6]

Результатом практической деятельности интеллигенции станет, согласно Тихомирову, получение возможности народу самому реформировать жизнь.[7]

Следует отметить, что к пониманию интеллигенции, идентичному пониманию Н.К. Михайловского, приходили народники, незнакомые с его работами. Так, Ф. Денисенко отмечал, что данное понятие возникает в художественной литературе и сразу же начинает употребляться для обозначения определенной социальной группы. По его мнению, интеллигенция – это особая, господствующая каста одаренных лучше от природы передовых людей.[8] Если сравнивать государство с человеческим организмом, то интеллигенция «будет вполне соответствовать нервной системе,

[6] Тихомиров Л.А. (И.Кольцов). В защиту интеллигенции // Дело. – 1882. - № 4. – 2 отд. – С.26.
[7] См.: Там же. – С.28.
[8] См.: Денисенко Ф. Роль интеллигенции. – Одесса, 1884. – С.5.

распространенной по всему телу и оканчивающейся на периферии».[9]

Задача такой интеллигенции – воспитание и развитие многомиллионной массы населения с помощью школы (в строгом значении этого слова), печати (то есть средств массовой информации) и, главное, политической деятельности.[10]

Однако в народническом движении не было полного единодушия по вопросу об интеллигенции и ее роли в обществе. Умеренный народник либеральной школы Н.Н. Златовратский считал, что интеллигенции следует не столько учить народ, сколько учиться у него общинности, коллективизму и высоким нравственным качествам. Одним из слагаемых этого процесса Златовратский считал свободное обсуждение интеллигенцией «народного вопроса», то есть свободу печати: «только свободная интеллигенция во всеоружии своих прав и свободной мысли может слить свои интересы с интересами народа и смело и последовательно взяться за решение задач, логически неизбежно назревших для нашего поколения».[11]

В свою очередь, радикально настроенный революционер-народник Н.Е. Шелгунов подчеркивал роль и значение интеллигенции как «передовой, умственной силы, единственно обладающей государственным и общественным творчеством»; кроме того, она «…сознающая сила и в этой роли – ее государственная функция. Она же создает и

[9] Там же. – С.10.
[10] См.: Там же. – С. 13-14.
[11] Златовратский Н.Н. Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. – 1880. - № 6. – 2 отд. – С.20.

новое государство, разрушая сначала критикой все обветшалое».[12]

Если Н.В. Шелгунов считал интеллигенцию главным субъектом исторического действия, отводя ей ведущую роль в революционном процессе и последующем государственном строительстве, то П. Аксельрод полагал, что «последовательный народник, ставивший выше всего деятельность для народа посредством народа, согласится скорее на политическую бездеятельность, чем на сосредоточение революционного движения исключительно в среде интеллигенции».[13]

Понимание интеллигенции как «слуг народа» сохранилось и у второго поколения народников. Л.А. Николаев в 1906 г. писал: «интеллигентом будет тот, кто понимает правду жизни, видит, как все мы обязаны народному труду и как этот народ обречен в настоящее время на жалкое существование, и, наконец, тот, кто хочет бороться против этой неправды жизни, хочет помочь трудящемуся народу устроить свою жизнь на новых, лучших основаниях и не жалеет для этого сил… Интеллигенцию мы узнаем по ее поведению относительно трудящегося народа».[14]

Почти дословно повторял Н.К. Михайловского его последователь, редактор журнала «Русское богатство» С.Я. Елпатьевский: «интеллигенция, это – общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та

[12] Шелгунов Н.В. Неизданная записка 1881 – 1882 гг. // Каторга и ссылка. – 1929. - № 8 – 9. – С.165.
[13] Цит. по: Рязанов Н. Две истины: народничество и марксизм. Очерк из истории русской интеллигенции. – СПб., 1906. – С.35.
[14] Николаев Л.А. Интеллигенция и народ. – М., 1906. – С.12 - 13.

вооруженная знанием, руководимая общественными интересами часть общества, которая в своих мыслях и чувствах, в своем миропонимании и своем общественном поведении отправляется не от узких, личных, групповых, профессиональных или классовых интересов, а интересов страны вообще, народа вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся на всех разнообразных путях человеческого труда».[15]

В наиболее завершенном и целостном виде народническая концепция интеллигенции была изложена в труде Р.В. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли». В разделе «Что такое интеллигенция?» автор ставит цель ограничения термина «интеллигенция» конкретными рамками, выделяя основные признаки данного понятия.

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, понятие «интеллигенция» характеризуется следующими принципами:

- интеллигенция есть определенная общественная *группа*;
- интеллигенция есть *преемственная* группа; общая идея и общее действие (борьба за освобождение народа) связывает ее в единое историческое целое;
- интеллигенция есть *внесословная* и *внеклассовая* группа.

Это, согласно автору, *социологические* признаки интеллигенции. Кроме них, существует и этический: интеллигенция – *антимещанская* группа. Мещанство, вслед

[15] Елпатьевский С.Я. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. – 1905. - № 3. – 2 отд. – С.59.

за А.И Герценом, П.Л. Лавровым и Д.С. Мережковским, Иванов-Разумник рассматривает как «толпу сплоченной посредственности».[16]

Все вышеизложенное позволяет автору предложить следующее определение: «интеллигенция есть этически антимещанская, социологически – внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности».[17]

Таким образом, народничество, организуясь, открывает для себя новое пространство человеческой деятельности и самоутверждения – политику как реальность, несводимую к иным составляющим общественного целого. Начало этого этапа Ю.О. Мартов хронологически увязал с образованием партии «Народная Воля», открыто поставившей своей целью государственный переворот.[18] В соответствии с этим возникла потребность определения нового субъекта исторического действия. Поэтому народники создают и внедряют в общественное сознание модель избранного сообщества развитых людей – носителей высшего сознания, выдвигающих претензии на интеллектуальное, образовательное, этическое и организационное превосходство над другими классами, что предполагает руководящую роль этого сообщества. Принадлежность к нему определяется,

[16] См.: Иванов-Разумник В.Р. Что такое интеллигенция.// Интеллигенция. Власть. Народ. – С. 73 - 80.
[17] Там же. – С.80.
[18] См.: Мартов Ю.О. Общественные и умственные течения в России 1870 – 1906. – Л.; – М., 1924. – С.46.

таким образом, в соответствии с *социально-этическим критерием.*

Данная теоретическая модель имплицитно экстраполировалась на представление о социальной структуре российского общества, создавая тем самым ее принципиально новый образ.

Главенствующее место в этой структуре занимала интеллигенция. Другой элемент – народ – представлен в качестве основной силы истории, однако еще не способной подняться до осмысленного и организованного протеста в силу отсутствия научного мировоззрения. Поэтому воспитание народа – основная задача интеллигенции.

Тем самым народная масса представала в качестве *объекта* воздействия.

Следующие элементы социальной структуры, враждебные интеллигенции и народу, - буржуазия, дворянство и чиновничество. Борьба с ними составляет еще одну из главных задач интеллигенции: «задача русской интеллигенции… в том только и состоит, чтобы бороться с развитием буржуазии на русской почве».[19]

В свою очередь, государственные служащие различных рангов никогда не употребляли термин «интеллигенция» по отношению к себе. Л.Д. Любимов, внук профессора-консерватора, вспоминал, что «наши отцы презирали этот термин и никогда не применяли его к себе».[20]

Это же отмечал и публицист-народник С.Я. Елпатьевский, утверждая, что «крепостнически-

[19] Михайловский Н.К. Полн.Собр.Соч.. – М., 1908. – Т.5 – С.515.
[20] Любимов Л.Д. На чужбине. – Ташкент, 1965. – С. 43.

бюрократические люди», примыкавшие к правящим слоям, «тщательнее всех отгораживали себя от интеллигенции и настойчиво уверяли, что там нет интеллигенции».[21]

Следовательно, народничество не только создало отдельную мифологему интеллигенции и представило ее в качестве субъекта политического действия, но и вписало ее в определенную мифологическую систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных элементов.

Во всех последующих вариантах теории социальной структуры в России использовались мифологемы, созданные народниками, и в том числе – интеллигенция.

Фактически же народники создали модель «идеального типа» бюрократа, позднее описанного М. Вебером – образованного, компетентного и бескорыстного, стоящего над сословиями и пекущегося о благе народа.

Однако народники не были государственниками в полном смысле этого слова. Их отношение к политике было, по мнению Г.П. Федотова, бессознательно-религиозным, а политическая деятельность являлась, по сути, сектантской борьбой с царством «зверя государства». Во власти народникам всегда чудилось нечто грязное, поэтому они боялись и презирали ее.[22]

Идеи, развиваемые народниками в теории и попытки осуществления их на практике в конечном итоге сводились к бунтарско-анархической борьбе с властью, где интеллигенция выступала субъектом этой борьбы при помощи

[21] Цит.по: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М., 1981. – С.35.

[22] См.: Федотов Г.П. Революция идёт.// Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. – Т.1. - С.142 - 144.

набора средств от либеральных (воспитание, пропаганда, агитация) до радикальных (восстание и переворот). Это могло произойти в том случае, если они возьмут власть; какой подразумевался тип государства, какие формы государственного управления придется вводить и кто будет главным субъектом управления – об этом народники не задумывались. К примеру, в программе организации «Земля и Воля» записано, что интеллигенция совместно с народом разрушит послепетровскую машину самодержавной власти и установит анархию и коллективизм.[23]

Свое логическое завершение миф об интеллигенции как составной части социальной структуры российского общества получил в русском воплощении марксизма – в теории и практике большевизма. В своей практической деятельности большевики во многом опирались на положения, выдвинутые одним из своих предшественников – П.Н. Ткачевым.[24]

При анализе социальной структуры он первым высказал мысль, что в России еще нет ни многочисленного фабричного пролетариата, ни буржуазии, поэтому страдающий народ и деспотическое правительство стоят лицом к лицу, лишенные примиряющего посредничества среднего сословия. Считая невозможным в таких условиях появление

[23] См.: Руденко В.Н. Популистская традиция в России от возникновения до большевизма.// Ленинизм и Россия. – Екатеринбург, 1995. – С. 181.

[24] Обусловленность революционной практики большевизма теориями П.Н. Ткачева отмечали в свое время один из лидеров меньшевизма Ф.И. Дан, философ-эмигрант Ф.А. Степун, советские ученые Б. Горев, С. Мицкевич и М.Н. Покровский.

массовой революционной организации, П.Н. Ткачев выдвинул идею строго централизованной дисциплинированной партии, создаваемой силами интеллигентного, умственно и нравственно развитого «революционного меньшинства» для захвата власти.[25]

Это революционное меньшинство должно включать в себя три основные «общегосударственные» категории граждан – бюрократию, до мозга костей проникнувшуюся идеалами государства, людей науки, и представителей формирующегося фабричного пролетариата.

После революции партия должна сохранить власть для построения государства нового типа – «авторитарного, образовавшегося сверху вниз, говоря прямо – государства диктаторского», и сама стать *государственной* властью, то есть высшим типом власти, наиболее прочным и могущественным.[26]

В своей деятельности партия не должна рассчитывать на активную поддержку народа. Ему в этой схеме отводилась пассивная роль, поскольку он никогда не будет готов к революции, так как консервативен и неспособен к стройной и целесообразной организации: «народ – необходимый фактор социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет в свои руки дело этой революции, когда оно постоянно будет направлять и руководить как революционными, так и консервативными силами общества».[27]

[25] См.: Ткачев П.Н. Соч.: В 2 т.. – М., 1975. – Т.1 – С.31.
[26] См.: Там же. – Т.2. – С.149, 187.
[27] Там же. – С.169.

Революционное насилие, по мнению П.Н. Ткачева, в конечном итоге идет на благо всего общества для осуществления его основных идеалов. Революционный же идеал в общих своих чертах есть тот же консервативный идеал народа, «только полнее и всесторонне развитый в известном и определенном направлении».[28]

Подводя итог, П.Н. Ткачев следующим образом формулирует свою основную концепцию: «революционное меньшинство, пользуясь разрушительно-революционной силой народа, уничтожает врагов революции и, основываясь на общем духе положительного народного идеала (то есть на консервативных силах народа), положит основание новому разумному порядку общежития».[29]

Таким образом, П.Н. Ткачев выдвинул и обосновал идею непрерывности государственной власти в России и, соответственно, преемственности государственного аппарата, инновационной формой которого после переворота станет партия, состоящая из революционного меньшинства, то есть интеллигенция станет новой бюрократией.

Идею партии, руководимой революционным меньшинством, вооруженной теорией, привлекательной для масс и предназначенной не только для захвата власти, но и для дальнейшего функционирования в качестве государственного аппарата управления, воплотили в жизнь большевики под руководством В.И. Ленина. Они оказались единственными, кто реально боролся за власть на основе долговременной, теоретически обоснованной стратегии,

[28] Там же.
[29] Там же.

предусматривавшей самые отдаленные перспективы государственного строительства. Как отмечал А.С. Панарин, марксизм, вобравший в себя начало немецкого бюрократического сциентизма, пришел в Россию не только с революционно-освободительной, но и с организационной миссией.[30]

В своей программной работе «Что делать?» В.И. Ленин утверждал, что одной из главных задач революционного марксистского движения является создание всероссийского группового аппарата управления, или, точнее говоря, общерусской централизованной организации, объединяющей в единый поток все проявления политической оппозиции, состоящей из профессиональных революционеров и руководимой политическими вождями всего народа.[31]

Образцом такой партии могли бы стать организации революционеров 70-х гг., однако ошибка как русской легальной, культурнической интеллигенции, так и крайне левой, радикальной интеллигенции заключалась в том, что «они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества».[32]

Наиболее передовым учением, центральное место в котором занимала теория классовой борьбы, по убеждению В.И Ленина, был марксизм. Тем не менее, он считал, что

[30] См.: Панарин А.С. Смысл истории // Вопросы философии. – 1999. - № 9. – С.6.
[31] Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.6. – С.99.
[32] Там же. – С.135.

любая теория, чтобы стать руководством к действию, должна быть редуцированна до наличного уровня сознания масс. Поэтому В.И. Ленин выдвинул концепцию «научной идеологии», то есть способа укоренения русской версии марксизма в массовом сознании. С ее помощью к образу реальной действительности «достраивались» существенные черты бытия, постигнутые с помощью материалистического понимания истории, в результате чего образ действительности обретал целостность.

Одной из таких черт была «классовая борьба пролетариата», что предполагало, во-первых, наличие классов, то есть определенной социальной структуры; во-вторых, выделение рабочего сословия в особый класс – пролетариат; в-третьих, внесение в этот класс идеологии социализма с помощью специалистов-идеологов; в-четвертых, признание пролетариата политическим субъектом действия.[33]

В этой связи А.С. Панарин отмечал, что в русском марксизме столкнулись и объединились две субкультуры – апокалиптическая, вобравшая в себя всю энергетику униженных и оскорбленных, и сциентистско-бюрократическая, представляющая рационалистический миф Просвещения, в его радикализованной версии тотальной заорганизованности. Она и стала доминантной.[34]

Поэтому мифологемы, присутствующие в каждой из субкультур, поменялись местами. Интеллигенция, занимавшая главное место в теории народничества, была подчинена главной мифологеме марксизма – пролетариату.

[33] См.: Там же. – С.362 – 363.
[34] См.: Панарин А.С. Указ.соч. – С.6.

На мифологический характер данного термина обращал в свое время внимание Н.А. Бердяев, считая, что «марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей. В русской коммунистической революции господствовал не эмпирический пролетариат, а идея пролетариата, миф о пролетариате».[35]

В своею очередь, Л.Д. Троцкий отмечал, что политической профессией определенных идеологических групп становится «заместительство несуществующих классов»: сначала разночинец-народник замещает крестьянство, затем марксист заместительствует пролетариат.[36]

По мнению историка и философа Ф.А. Степуна, попытка В.И. Ленина создать нужный для революции пролетариат «из крестьянской среды говорит за то, что классово-сознательного пролетариата в России не было. Быстрый рост индустриализации России и связанное с этим увеличение на фабриках числа сезонных рабочих из крестьян несомненно сближало последних с рабочими и горожанами. Но настоящим пролетариатом… эти крестьяне все же не становились».[37] В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» произвольно завысил численность пролетариата, поскольку теоретически расслоил крестьянство, отнеся богатых к буржуазии, а бедных к пролетариату.[38]

[35] Бердяев Н.А. Русская идея. – С.264.
[36] См.: Троцкий Л.Д. Об интеллигенции.// Интеллигенция. Власть. Народ. – С.115.
[37] Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции.// В кн.: Интеллигенция. Власть. Народ. – С.290.
[38] Там же. – С 287.

На самом деле к 1917 г. при населении 143,5 млн. человек промышленных рабочих насчитывалось около 3,6 млн. человек, то есть 2,5%.[39]

В наше время на мифологический характер термина «пролетариат» (и ряда других) указывал французский социолог Р. Арон.[40] Эту точку зрения разделяет также А.В. Иванов, Н.А. Остарков, В.В. Скоробогацкий и ряд других ученых.[41]

Объявив пролетариат реально существующим и передовым классом современного общества, большевики определили и его основных противников. Первым из них стал царский государственный аппарат. В.И. Ленин, констатировав факт, что бюрократия («особый слой лиц, специализировавшийся на управлении и поставленный в привилегированной положение перед народом»), нигде не имела такой власти и не действовал так бесконтрольно, как в абсолютистской России, характеризовал ее как «чисто военную, строго централизованную, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе».[42]

Другим врагом считалось реформистское крыло в социал-демократии: «реформизм против социалистической

[39] См.: Жидков В.С. Российская интеллигенция. Большевизм. Революция.// В кн.: Русская интеллигенция. –С. 288.
[40] См.: Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. – М., 1980. – С.299.
[41] См.: Иванов А.В., Остарков Н.А. Социалистическая идея в русском марксизме. – В кн.: Марксизм и Россия. – М., 1990. – С.137; Скоробогацкий В.В. Ленинский этап в развитии марксизма: идейный контекст и исторические рамки. – Там же. - С.46.
[42] Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.2. – С.455; Т.6. – С.161.

революции – вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И… чем чище господство буржуазии, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга: Реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти».[43]

Не считалось союзником и народническое (а позднее – неонародническое) движение, с которым прежде всего ассоциировалось понятие интеллигенция – воплощение хаоса, безверия и неупорядоченности. П. Лафарг отмечал половинчатость и нерешительность интеллигенции, пытающейся заменить классовую борьбу нравственным усовершенствованием.[44] В свою очередь, Г.В. Плеханов считал, что интеллигенция никогда не представляла собой самостоятельную экономическую и материальную силу, а ее взгляды эволюционировали от «бессознательно буржуазного народничества» к откровенно буржуазному мировоззрению. Поэтому, полагал Г.В. Плеханов, «движение, организованное тесными рамками интеллигенции, ни в коем случае не может быть названо социалистическим». Оно способно служить только преддверием и предвестием настоящего социалистического движения, то есть движения рабочих, которое воспитает в своих рядах новую рабочую интеллигенцию, и она успешно выполнит свою историческую миссию.[45]

[43] Там же. – Т.20. – С.305.
[44] См.: Лафарг П. Социализм и интеллигенция. – СПб., 1906. – С.28.
[45] Плеханов Г.В. Соч.. - М., 1958. – Т.3 – С.95, 263, 265.

С Г.В. Плехановым солидаризовался В. Керженцев. По его мнению, «русская интеллигенция… всегда страдала позорным разгильдяйством, жалкой бесхарактерностью, элементарным неумением работать. И при этом она всегда отличалась чрезмерным самолюбием и самовлюбленностью, желанием господствовать над массами…».[46]

В.И. Ленин также не считал интеллигенцию самостоятельным политическим классом, способным к организованным политическим действиям, а только социальным слоем, занятым преимущественно умственным трудом.[47]

В силу характера своего труда, и ряда субъективных факторов – индивидуализма, неспособности к дисциплине и организации, а также «мещански-интеллигентского оппортунизма», интеллигенция может обрести реальную силу, только примкнув к определенному классу. Таковым наиболее отвечающим ее интересам классом, по мнению В.И. Ленина, была буржуазия. В связи с этим он отмечал, что современная ему «русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной».[48]

Она отличалась «узкоинтеллигентским самомнением», а также «бюрократическим мышлением» и, по сути, была «родней русскому чиновничеству», то есть, согласно В.И. Ленину, нарождающейся разновидностью новой бюрократии.[49]

[46] Керженцев В. Еще об интеллигенции.// В кн.: Интеллигенция и Советская власть. – М., 1919. – С.61.
[47] См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.6. – С.389; Т.8. – С.309.
[48] Там же. – Т.1. – С.441.
[49] Там же. – Т.2. – С.456.

Однако и Г.В. Плеханов, и В.И. Ленин (а вслед за ними их сторонники – А.В. Луначарский, В.В. Воровский и т.д.), несмотря на субъективное неприятие народничества, объективно исходили из народнического же понимания интеллигенции как лучшей части общества (сузив его до рамок класса). Каждый класс вырабатывает свою интеллигенцию, и рабочие не исключение: «как и всякий другой класс современного общества, пролетариат… вырабатывает свою собственную интеллигенцию».[50] По убеждению В.И. Ленина, «в России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы… из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической партии», поскольку «всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители».[51]

Эту точку зрения разделяли и другие, менее известные соратники В.И. Ленина. Так, М. Белорусс считал, что рабочие-интеллигенты должны составить костяк, ядро пролетарской партии.[52]

По мнению М.Л. Мандельштама, интеллигент-пролетарий – высшая и завершающая фаза развития интеллигенции.[53]

Таким образом, согласно концепции, разработанной В.И. Лениным, инструментом завоевания власти является

[50] Там же. – Т.6. – С.389.
[51] Там же. – Т.4. – С.269, 316.
[52] См.: Белорусс М. Рабочие и интеллигенция. – Женева, 1904. – С.57.
[53] См.: Мандельштам М.Л. Интеллигенция как категория капиталистического строя. – Казань, 1890. – С.47.

партия, созданная передовым классом – пролетариатом, и выражающая его интересы с помощью научной идеологии марксизма. Она же является основой государственного аппарата, который необходимо будет создать после революции. Главным принципом строения партии является централизм и железная дисциплина. Руководит партией (а, следовательно, в последствии и госаппаратом) небольшая группа наиболее интеллигентных ее представителей.

Большевистская концепция, в отличие от народнической, более четко социологически выстроена. Интеллигенция является передовой частью пролетариата и его руководителем; в свою очередь, пролетариат является передовым классом; остальной народ является объектом воздействия. Кроме того, использован иной критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу.

Если у народников он *социально-этический*, то у большевиков – *социально-классовый*. Однако реальность существования интеллигенции как особой социальной группы, пекущейся о благе народа и выражающей интересы передового класса, ни у народников, ни у большевиков не вызывала сомнения.

Тем самым проявляется еще один признак мифа – сохранение его оболочки (то есть наименования «интеллигенция») при радикальном изменении содержания в зависимости от конкретных политических целей.

В реальности же появление большевистской партии означало, по мнению А.Н. Потресова, логическое завершение партийного строительства 70-90-хх гг. XIX века: «агитационно-пропагандистский кружок «просветительского» типа окончательно стушевался перед организацией,

в которой все должно быть приноровлено к осуществлению воли… высших инстанций и к передаче этой воли для исполнения массам».[54]

Такого рода организация предполагала создание административной машины, аппарата управления. Он, в свою очередь, с неизбежностью подразумевал лестницу иерархических учреждений и перестройку «интеллигентски-кружковых» отношений применительно к обусловливающим друг друга началам подчинения и властвования, смену примитивных основ обычного права разветвленной системой писаного закона уставных норм. Следствием этого, считал А.Н. Потресов, при отсутствии контроля со стороны рабочих масс и сохранении традиционной кружковой обособленности, стал партийный бюрократический централизм.[55]

Историк Р. Пайпс отмечал, что радикальная интеллигенция, борющаяся с режимом, который традиционно основывался на принципе обязательной государственной службы, сама прониклась служилой психологией.[56]

По мнению Ф.А. Степуна, иерархически выстроенная и централистски организованная ленинская партия была инструментом захвата власти и одновременно костяком будущего госаппарата. Поскольку в ее основу были заложены бюрократические принципы, то и новая Россия будет строиться не на демократических, а на бюрократических началах.[57]

[54] Потресов А.Н. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии.// В кн.: Интеллигенция. Власть. Народ. – С.267.
[55] См.: Там же.
[56] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С.366.
[57] См.: Степун Ф.А. Указ.соч. – С.300.

На тенденции такого развития партийного строительства указывал Л.Д. Троцкий исходя из опыта подпольной работы. По его мнению, уже к началу XX века в большевистском подполье успели сложиться аппаратные навыки, наметился тип молодого профессионального революционера-бюрократа.[58]

Таким образом, большевистская партия, по сути, была разновидностью бюрократической организации и представляла собой институционализирующуюся форму «параллельной власти», описанную М. Крозье. Тем самым она являлась преемницей царского бюрократического аппарата.

Однако у бюрократии «нового», ленинского типа имелся ряд отличий, первым из которых был ее социальный состав. Если царская бюрократия, как уже было рассмотрено ранее, состояла из лиц, принадлежащих к определенным сословиям, то основу ленинской партии составляли профессиональные революционеры. Они, по словам В.И. Ленина, были разновидностью «деклассированных людей, …выбитых из своего класса, оставшихся без связи с определенным классом», то есть маргинальной прослойкой.[59] Следовательно, организация профессиональных революционеров находилась *вне* тогдашнего общества и рассматривалась В.И. Лениным в качестве самостоятельного, автономного социального организма, функционирующего по своим правилам, который после революции составит ядро новых правителей России.

[58] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. – В 2 т. – М., 1990. . – Т.1 – С.94.
[59] Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.23. – С.399.

Их главной специальностью является антигосударственная деятельность: «Организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности… Пред этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других».[60] При этом революционер находится на содержании организации: «Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии».[61]

Вторым отличием бюрократии нового типа было наличие идеологии, доступной и привлекательной для масс.

Фактически большевики создавали аппарат и способ управления, более соответствующий потребностям времени. По мнению А.Н. Севастьянова, исторический смысл падения российской монархии и прихода к власти большевиков заключался в замене устаревшего беспартийно-административного способа управления на более совершенный – партийный: «самодержавие изжило себя, утратив авторитет – главный и незаменимый свой рычаг. И партия – гибкая и всепроникающая структура, связанная строгой иерархией и железной дисциплиной, стала идеальным инструментом власти новой эпохи».[62]

Тем самым воплотилась в жизнь концепция М.Я. Острогорского, считавшего, что основной тенденцией политического развития царской России постепенно

[60] Там же. – Т.6. – С.112.
[61] Там же. – С.133.
[62] Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. – М., 1995. – С.18.

становится приоритет организации над обществом и идеологических институтов над организацией.[63]

Итак, организация большевиков представляла собой новый тип бюрократии, идущей на смену царской – бюрократии партийной, основу которой составляли профессиональные революционеры, то есть маргиналы, вооруженные теорией русифицированного марксизма (позднее названной теорией марксизма-ленинизма).

Именно в данной теории, по нашему мнению, миф об интеллигенции находит свое логическое развитие и завершение, поскольку вписывается в систему мифологем (коммунизм, класс, пролетариат и т.д.), находясь с ними в функциональной взаимосвязи, и становится частью более глобального мифа социально-классовой структуры. Кроме того, понятие «интеллигенция» эксплуатируется другими политическими группировками, поэтому в период с 90-х гг. XIX века до 1917 года проявляется большая часть признаков мифа об интеллигенции. Р. Барт в этой связи отмечал, что вершиной любого политического мифа является его встраивание в классовую теорию и функционирование в качестве ее составляющей.[64]

Ранее нами уже был рассмотрен ряд признаков данного мифа.

Одним из них является сохранение «оболочки» мифа (его наименования) при радикальном изменении его содержания в зависимости от того, какими политическими силами он используется. У народников интеллигенция

[63] См.: Острогорский М.Я. Демократии и политические партии. – М., 1997. – С.17.
[64] См.: Барт Р. Указ.соч. – С.69.

определялась в соответствии с социально-этическим критерием, у марксистов – в соответствии с социально-классовым.

Другой признак – антикаузальность мифа, доминанта эмоционального, аксиологического над логическим в его определении. Если у народников интеллигенция была просто лучшей частью общества, то у большевиков – лучшей частью класса. Если Г.Г. Шпет считал интеллигенцию «аристократией таланта и творчества»[65], то В.О. Ключевский предлагал уничижительную характеристику, классифицируя ее следующим образом:

«1. Люди с лоскутным миросозерцанием, сшитым из обрезком газетных и журнальных;

2. Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению;

3. Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные и без верований и без мыслей, с одними словами и аппетитами».[66]

Однако во всех случаях налицо априорное признание интеллигенции как лучшей (или худшей), но реально существующей общественной группы.

Об антикаузальности свидетельствует и тот факт, что исследователи этого феномена, придерживающиеся традиционной парадигмы взглядов на интеллигенцию, не имеют единого мнения по вопросу датировки ее появления. Как отмечал В.В. Кожинов, «вопрос о времени возникновения

[65] Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии.// Шпет Г.Г. Сочинения. – М., 1990. – С.17.

[66] Ключевский В.О. Об интеллигенции. – В кн.: Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – С.299.

феномена «интеллигенция» в России не решен сколько-нибудь основательно».[67]

Согласно точке зрения Г.П. Федотова, первыми интеллигентами на Руси были православные священники, монахи и книжники Киевского и Московского периодов древнерусской культуры.[68]

Г.С. Кнабе считает, что многие черты «интеллигента» явственно обнаруживаются в кругу Максима Грека, Вассиана Патрикеева, новгородских «жидовствующих», то есть в начале XVI столетия, в правление Ивана III.[69]

Достаточно многочисленна группа сторонников теории возникновения интеллигенции в эпоху Петра I. Так, Д.С. Мережковский утверждал: «Я уже говорил и вновь повторяю и настаиваю – первый русский интеллигент – Петр».[70] С ним солидаризуется П.Н. Милюков, а также М.Н. Туган-Барановский и чуть позднее В. Муравьев.[71]

В наше время это мнение разделяют В.С. Жидков, А.Н Новикова с И.Н. Сиземской, С.С. Элбакян, а также Н.Н. Балашов, который утверждает: «Непрерывное развитие русской интеллигенции начинается со времен реформ Петра I».[72]

[67] Кожинов В.В. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции.// Русская интеллигенция. – С.110.

[68] См.: Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. – С.72 – 75.

[69] См.: Кнабе Г.С. Финал: Арбатская эпопея.// Русская интеллигенция. –С.363.

[70] Мережковский Д.С. Грядущий хам. – С.97.

[71] См.: Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция.// Вехи. – С.360; Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм. – Там же. – С.421.

[72] См.: Жидков В.С. Указ.соч. – С.276; Элбакян Е.С. Место интеллигенции в Российской цивилизации. – М., 1999. – С.8; Балашов Л.И. Русская интеллигенция в ее классическом виде как важный субъект формирования живой культуры России XIX - XX вв.// Русская интеллигенция. – С.234.

В.Р. Иванов-Разумник предполагал, что группа русской интеллигенции существует со времен Новикова, Радищева и Фонвизина.[73]

Г. Андреев считает, что «именно в век Екатерины возникло такое явление, как русская европейская интеллигенция, которая с самого начала своего существования стала в оппозицию к власти».[74]

Д.Н. Овсянико-Куликовский начинал отсчет истории русской интеллигенции с момента опубликования «Философического письма» П.Я. Чаадаева.[75]

Зачастую в рамках одного исследования автор высказывает взаимоисключающее мнение. Так, Г.П. Федотов, отнеся вначале возникновение интеллигенции к эпохе Древней Руси, затем утверждает, что «интеллигенция рождается с Петром».[76]

Н.А. Бердяев в работе «Русская идея» высказывает три противоположные точки зрения: интеллигенция возникает в эпоху Петра I; первым русским интеллигентом был Радищев; она рождается вместе с масонами и декабристами.[77]

[73] Иванов-Разумник В.Р. Указ.соч. – С.74.
[74] Цит.по: Соколов Т.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность.// Русская интеллигенция. – С.152.
[75] См.: Овсянико-Куликовский Д.Н. Из истории русской интеллигенции.// Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические опыты. – В 2 т – М., 1989. . – Т.2. – С.5 – 8.
[76] Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. – С.79.
[77] См.: Бердяев Н.А. Русская идея. – С.56, 66, 63.

Следовательно, основания для датирования генезиса русской интеллигенции определяются самими исследователями и носят произвольный и субъективный характер.

Таким образом, антикаузальность мифа подтверждается по нескольким основаниям.

Средствами распространения мифа в России служили газеты, литературно-публицистические журналы и альманахи. Н.А. Ульянов, автор «Указателя журнальной литературы за 1896-1910 годы» считал, что именно «толстая журналистика» руководит чтением широких масс интеллигенции и вырабатывает у нее определенное мировоззрение.[78]

Народники еще не обладали полноценными возможностями использования печатных органов в силу их малочисленности и малотиражности. Журнал «Современник» имел 1862 г. 7000 подписчиков, «Русское слово» - 4000. При этом цензура пропускала не более трети представленного в журнал материала.

Нелегальные народнические издания выходили нерегулярно и малыми тиражами. «Земля и воля» (6 номеров в 5 выпусках) выходила с октября 1878 по июнь 1879 г.; «Народная воля» (12 номеров в 9 выпусках) – с октября 1879 по октябрь 1885 г. Их тиражи составляли максимум 2,5 тыс. экземпляров.

В начале 90-х гг. органом народничества стал журнал «Русское богатство», возглавлявшийся Н.К. Михайловским. В 1899 г. его тираж составил 11 тыс. экземпляров.[79]

[78] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М., 1981. – С.124.
[79] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М., 1971. – С.227 – 228.

Большевики учли ошибки народников, использовав все возможности для создания легальных и нелегальных изданий и распространения их среди населения. В.И. Ленин заявлял: «Нет иного средства воспитать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты».[80] Поэтому с конца 1900-х гг. в России непрерывно выходили центральные большевистские газеты, а на их основе – провинциальные партийные издания.

С 1901 до конца 1905 г. за границей издавались «Искра», «Вперед!», «Пролетарий». С конца октября 1905 по июль 1906 г. выходили 5 легальных большевистских газет. В 1906-1912 гг. за границей печатались «Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета». Наконец, с конца 1910 до июня 1914 г. в России выходили легальные газеты «Звезда» и «Правда», журналы «Мысль» и «Просвещение».

Эти издания распространялись огромными для своих материальных и полиграфических возможностей тиражами: «Новая жизнь» - до 60 тыс., газеты 1906 г. – до 100 тыс., «Правда» к началу 1914 г. – до 60 тыс., а 5 мая 1915 г. ее праздничный выпуск вышел 130-тысячным тиражом.[81]

В июне 1914 года петербуржское охранное отделение констатировало, что большевистские организации «сумели правильно соорганизовать по всей империи массы революционно настроенного и недовольного существующим строем элемента, фактически выполнив этим самым функции

[80] Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.6. – С.161.
[81] См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 гг. – С.127.

преследуемых законами подпольных социалистических организаций».[82]

Таким образом, печатные органы были *средством* внедрения мифа в общественное сознание. *Формой* проявления мифа в обществе была идеология, представлявшая собой, по мнению А. Кольева и ряда других ученых, систему мифологем, то есть механизмов превращения мифа мышления в миф, объединенных единой концепцией.[83]

Идеология, альтернативная официальным установкам правящего режима, предполагала особый язык, «новояз», словарный состав которого состоял из набора мифологем. На этапе разрушения старой социальной нормы и внедрения новой идеологии в сознание общества мифологемы выполняет функции эмоционального воздействия, а также констатации обозначаемого ими явления как давно и реально существующего, но не объяснения его сути. Тем самым мифологема становится для оппозиционной части общества признанным и обыденным словом. Так произошло и с термином «интеллигенция», вошедшим в повседневное употребление в разночинских кругах, но официально не признаваемым властями. Сословия «интеллигенция» в «Табели о рангах» царской России не существовало, хотя де-факто это понятие использовалось и в государственных документах.

«Энкратическим» (то есть признаваемым властями и употребляемым ими) это понятие стало только после Октябрьской революции. Тогда же, по нашему мнению,

[82] Цит.по: Никитин Л.Н. Большевистский журнал «Просвещение». – М., 1955. – С.15.
[83] См.: Кольев А. Указ.соч. – С.178.

произошло окончательное укоренение термина «интеллигенция» и в научном лексиконе.

Следующим признаком мифа является ограниченность его функционирования рамками определенной территории. Как отмечал Р. Барт, любой политический миф имеет свою географию.[84]

В данном случае это обозначает, что термин «интеллигенция» получил широкое признание и распространение именно в России. Уже Н.К. Михайловский писал: «Не бог знает, конечно, какая находка это слово, но любопытно, что …нигде в Европе подобное слово не употребляется в смысле определения особой общественной силы… по-моему, в самой наличности этого нескладного на русское ухо слова есть нечто отчасти утешительное, отчасти прискорбное и, во всяком случае, обусловленное особенностями русской истории».[85]

Точка зрения на интеллигенцию как на уникальный, только в России существующий социальный феномен, разделялась подавляющим большинством исследователей, от авторов «Вех» до их оппонентов. «Только русской» называл интеллигенцию Д.С. Мережковский. И.А. Гредескул полагал, что «другие страны не знали и не знают такой интеллигенции, как наша, русская, разумея здесь тот ее вид, какой она имела в течение XIX столетия».[86]

Действительно, понятие «интеллигенция» не получило распространения не в одной стране мира. Во всех толковых

[84] См.: Барт Р. Указ.соч. – С.119.
[85] Михайловский Н.К. Полн.собр.соч.– СПб., 1890. – Т.5. – С.539.
[86] Гредескул И.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл. –Вехи. – С.234.

и двуязычных словарях этот термин дается в двояком написании. Так, немецкий Brokhaus-Lexicon (in 20 Bd. Mannheim, 1989) наряду со словами intellektueller, intelligenz дает слово inttelegenzija, intelligentsija с пояснением: «Возникшее в 1860-е гг. в России название социальной группы образованных людей, по преимуществу выходцев из духовенства, позднее – вовлеченных в общественную, нередко антиправительственную деятельность интеллектуалов». Другой немецкий толковый словарь (Meyers Grosses Taschenlexicon: in 84 Bd. Mannheim; Wien, Zürich 1981) дает слову intelligentsija сходное толкование: «Установившееся в 1860-е гг. название радикальной революционной элиты русского образованного слоя». С пометой Mot Russe приводят слово intelligentsija французские Dictionaire Alphabetique Delangue Francaise и Houveau Petit la Rousse. Большой англо-русский словарь под ред. И.Р. Гальперина (М., 1979) наряду со словами Intellectual, Intelligence также дает как самостоятельную единицу русское по происхождению Intelligentsia, Intelligentzia.[87]

Таким образом, термин «интеллигенция», имеющий литературное происхождение и расплывчатое толкование, внедряется в общественное сознание, начиная с 40-х гг. XIX в. маргинальной группой разночинцев, исповедующих радикальные политические идеи, с целью создания позитивного образа данной группы. За короткий срок он входит в широкое употребление, становясь феноменом, обладающим совокупностью признаков, позволяющих квалифицировать его как политический миф:

[87] См.: Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов. – С. 396.

• в определении интеллигенции отсутствует каузальность, эмоциональное довлеет над логическим;

• при сохранении «оболочки» мифа (то есть наименования) его содержание варьируется в зависимости от того, какой политической силой он используется; принадлежность к интеллигенции определяется в соответствии либо с социально-этическим (народники), либо с социально-классовым критерием (марксисты);

• одну из главных ролей при внедрении мифа в общественное сознание играют средства массовой информации тех лет (газеты и литературно-публицистические журналы);

• термин «интеллигенция» входит в словарь идеологического «новояза» радикализованных групп российского общества. В свою очередь, официальные власти не признают и не используют его;

• данный термин входит в широкое употребление только в России.

Кроме того, термин «интеллигенция» постепенно вписывается в **систему** мифологем (класс, пролетариат и т.д.), становясь ее составной функциональной частью.

Таким образом, за короткий промежуток времени, термин «интеллигенция», имеющий литературное происхождение и расплывчатое толкование, превратился в мифологический феномен, встроенный в систему мифологем и используемый в интересах различных политических группировок, стремящихся к власти.

Тем не менее было бы неверным утверждать, что все, кто занимался проблемой «интеллигенция», изучали ее только с мифологических позиций. В целом ряде исследований интеллигенция рассматривается как новая разновидность бюрократии.

§2. Попытки демифологизации: концепции интеллигенции как разновидности бюрократии

Первую попытку демифологизации данного понятия предпринял ученый И.И. Каблиц, придерживавшийся народнических убеждений. В работе «Интеллигенция и народ в общественной жизни России», вышедшей в 1885 году, он отмечал, что хотя этот термин вошел в употребление сравнительно недавно, тем не менее он получил широкое распространение. При этом единственным отличительным признаком данного социального слоя назывался умственный труд.[88]

Поскольку умственный труд предполагал высокий образовательный уровень, а образование, в свою очередь, было привилегией дворянско-чиновничьего слоя (то есть бюрократии), то под интеллигенцией, по мнению И.И. Каблица, подразумевалась нарождающееся лжепатриотическое небюрократическое течение – «народолюбие». Вначале, в 60-е гг. XIX века, оно было еще «бессознательным и туманным интеллигентским бюрократизмом» западнического толка.[89] Позднее оно превращается в слой «просвещенной бюрократии», претендующей на участие в управлении страной: «Основная идея народолюбия состоит в том, что центр тяжести страны лежит в *культурно-интеллигентских* классах, и что эти классы должны оказывать если не исключительное, то во всяком случае *преимущественное* влияние на ход социальной жизни».[90]

---

[88] См.: Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. – СПб., 1886. – С.73

[89] См.: Там же. - С. 47

[90] Там же. - С. 48

При этом общей основой, связующей старую и новую бюрократии, было их отношение к народу как к бессознательному и бессмысленному человеческому материалу, который только под руководством интеллигенции может превратиться в культурное общество: «Если оставить в стороне некоторые второстепенные признаки, которыми «народолюбие» отличается от бюрократизма обыкновенного, то можно сказать, что по своей сущности, а именно в отношении к массе народа, они вполне однородны между собой. И тот, и другой одинаково считают необходимым мудрить над народом, устраивать его жизнь по своему образцу, и насильно *навязывать* ему свои идеалы; вся разница тут только в том, что бюрократизм делает это просто в силу власти, а «народолюбие» прикрывается знаменем науки и прогресса, понимаемых ими, разумеется, на свой лад».[91]

Одна из главных идей интеллигенции – идея самоуправления народа. Однако, по мнению И.И. Каблица, очень часто под этим подразумевается право интеллигенции на самоуправное действие над народом. Таким образом, под самоуправлением, по сути, скрывается замена одной бюрократии на другую, более интеллигентную.[92]

И.И. Каблиц полагал, что «просвещенный бюрократизм» есть прямое следствие крепостного права, глубоко укорененного в миросозерцании даже тех, кто способствовал его уничтожению. Поэтому русская интеллигенция и русский бюрократизм неразделимы друг от друга, интеллигенция – плоть от плоти бюрократизма, и, работая

[91] Там же.
[92] См.: Там же. - С. 55

на свое господство над народом, интеллигенция работает на господство бюрократии.[93]

В связи с этим И.И. Каблиц делает вывод, что победа интеллигенции приведет лишь к торжеству «бюрократического режима, сущность которого нисколько не изменится от более возвышенной формы этого режима, при которой бюрократия будет состоять из людей, действующих не по традициям, а по последним словам науки».[94]

Последствия деятельности «новой бюрократии» будут гибельными для страны и для отдельной личности: «Проповедники «просвещенного бюрократизма», получив возможность осуществить свою программу на практике, мало чем будут отличаться от лихой памяти инквизиторов. Правда, содержание, вталкиваемое ими в народную жизнь, было бы совершенно иное, нежели оно было у инквизиторов, но ее поведение относительно личности вполне тождественно».[95]

Мнение народника И.И. Каблица разделял народник-публицист А.С. Изгоев, в прошлом «легальный марксист», а затем один из лидеров правых кадетов. В статье «Интеллигенция как социальная группа», опубликованной в январе 1904 года, он писал: «Вопрос, что такое интеллигенция должен был неотступно стоять перед каждым мыслящим человеком, и неотступно требовать разрешения прежде всего другого. К удивлению, ничего подобного мы не видим. Этот вопрос практически не поднимался».[96]

[93] См.: Там же. - С. 137
[94] Там же. - С. 105-106
[95] Там же. - С. 70
[96] Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа.//Образование. 1904. - №1. - С. 73

В связи с этим А.С. Изгоев предлагает свое понимание интеллигенции исходя из классовой теории К. Маркса. По его мнению, ни субъективный критерий «любви к народу» («сердце и разум наш с ними»), ни объективный критерий образованности не дают достаточных оснований для выделения из людской массы особой группы, именуемой интеллигенцией. Этот критерий следует искать в материальном базисе общества, в социально-экономических отношениях.[97]

Однако А.С. Изгоев считает недостаточным количество выделенных К. Марксом классов: «Современное общество, в отличие от того, как полагал К. Маркс, делится не на три, а на четыре великих класса: землевладельцев, капиталистов, физических рабочих и умственных работников».[98]

Главным признаком, позволяющим выделить интеллигенцию в особую социальную группу, служит критерий профессиональной деятельности этих лиц, элемент учительства в широком смысле слова.

Появляющаяся интеллигенция, полагает А.С. Изгоев, в своей повседневной деятельности должна придерживаться именно этого принципа и ограничиваться *только* распространением знаний.[99]

Однако в действительности все происходит не так. Интеллигенция, стремясь к абсолютной свободе, начинает заниматься социальным творчеством, то есть несвойственными ей функциями. Вследствие этого она превращается

[97] Там же. - С. 77
[98] Там же. - С. 84
[99] 1См.: Там же. - С. 86

в бюрократическую силу, и вместо двигателя жизни превращается в тормоз.[100]

А.С. Изгоев определяет бюрократию как группу лиц, обладающих над населением властью, основанной на праве, формально исходящем от Верховной власти. Интеллигенция, занимаясь социальным творчеством, усиливается как социальная группа и, организуясь, приобретает черты бюрократической структуры. В свою очередь, правящая бюрократия, обеспокоенная падением ее влияния на общество, рекрутирует интеллигенцию в свои ряды.

В результате интеллигенция, обуреваемая реформаторскими планами и пытаясь осуществить их без широкой поддержки всего общества, «превращается в бюрократию, в силу, тормозящую общественное развитие, как бы ни почтенны и прекрасны ни были те реформаторские планы, которыми интеллигенция собирается облагодетельствовать человечество. Обстоятельства могут сложиться так, что прекрасные планы в действительности превратятся в аракчеевщину, в военные поселения».[101]

Таким образом, А.С. Изгоев под интеллигенцией фактически подразумевает новый бюрократический класс, претендующий на место старой бюрократии.

Точку зрения на интеллигенцию как на качественно новый бюрократический класс разделял известный анархист Ян Вацлав Махайский. В книге «Умственный рабочий», выпущенной им в 1904-1905 гг. под псевдонимом А. Вольский, он прямо называет интеллигенцию новым

[100] См.: Там же. - С. 91
[101] Там же. - С. 93

эксплуататорским классом и ставит задачу «объявить нападение на общественную силу, тщательно скрывающуюся в социалистическом движении, для которой примирение социализма с существующим строем является не ошибкой, а естественным интересом, неотвратимым стремлением».[102]

По мнению А. Вольского, искомая общественная сила есть интеллигенция в ее новейшей формации. Она находится в конфликте с капиталистическим обществом при продаже ему своих знаний, поэтому выступает в союзе с пролетариатом как антикапиталистический социальный отряд до тех пор, пока не удовлетворит свои требования. А. Вольский называет утопией мнение о том, что «интерес интеллигенции, которая живет за счет эксплуатации рабочего класса и стремится установить в полном размере это свое право в классовом строе, был признан силою социалистической, желающей гибели классовому строю».[103]

В свою очередь, внутри интеллигенции выделяется ядро лиц, профессионально занимающихся политикой, являющихся субъектом революционного действия, но преследующих собственные цели. Как отмечает А. Вольский, «между стремлениями русского революционера и стремлениями рабочих масс существует глубокий антагонизм».[104]

Для осуществления своих задач этому ядру «потребовалась партия, которая, не занимаясь вовсе никакими новшествами, защищала бы старую испытанную программу и

[102] Вольский А. Умственный рабочий. New York – Baltimore.1968. – С. 43
[103] Там же. - С. 228
[104] Там же. - С. 257

не делала бы малейших попустительств по отношению к самостоятельному рабочему движению».[105]

В результате возникает «новая народная бюрократия», которая подчиняет себе рабочие массы и выступает якобы от их имени, хотя преследует свои собственные интересы, делаясь при этом обычным чиновничеством.[106]

Таким образом, согласно Я. Махайскому, интеллигенция – новый бюрократический класс, использующий пролетариат в своих интересах и затем эксплуатирующий его.

Мнение об интеллигенции как о качественно новой, «просвещенной» разновидности бюрократии, которая претендует на то, чтобы стать правящим классом, высказывал немецкий социал-демократ К. Каутский в работе «Интеллигенция и социал-демократия».[107]

Парадоксальным образом мнения об интеллигенции как о новой разновидности бюрократии, действующей по западным рецептам без учета реалий российского общества, придерживались некоторые ученые консервативного толка. Так, Н.М. Соколов в книге «Об идеях и идеалах русской интеллигенции», вышедшей в 1904 году, в качестве основных признаков интеллигенции как бюрократии западнического толка называл ряд «разрывов»:

- разрыв с государством;
- разрыв с церковью;
- разрыв с народом;

[105] Там же. - С. 320-321
[106] См.: Там же. - С. 402
[107] См.: Каутский К. Интеллигенция и социал-демократия. СПб., 1906. – С. 9-10

- разрыв с наукой;
- разрыв с прошлым.[108]

Тем самым Н.М. Соколов предвосхитил ряд идей, всесторонне рассмотренных впоследствии в сборнике «Вехи».

Презрительное отношение к интеллигенции как к далеко не самой лучшей разновидности бюрократии высказывал писатель, которого почему-то традиционно причисляли к «квинтэссенции русской интеллигенции» - А.П. Чехов.

В феврале 1899 года в письме к сельскому врачу И.И. Орлову, обосновывавшему все беды интеллигенции тем, что власти не дают ей свободы и применяют против неё всевозможные средства, А.П. Чехов, не соглашаясь, отвечал следующим образом: «Не гувернер, а вся *интеллигенция* виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студентки и курсистки – это честный и хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша, и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-землевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры.<...> Я не верю в нашу *интеллигенцию*, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».[109]

[108] См.: Соколов Н.М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб., 1904. – С. 457
[109] Чехов А.П. Полн. Собр. Соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.– М., 1979. – Т.8. – С. 101

Наиболее фундаментальным и концептуальным исследованием феномена «интеллигенция» в дореволюционный период стал сборник «Вехи». Его отличие от рассмотренных нами выше работ заключается в том, что авторы «Вех» в своем анализе исходили не из априорных конструкций поведения интеллигенции как новой формы бюрократии в случае ее прихода к власти, а из *реального опыта* – опыта революции 1905 года.

Все участники сборника были солидарны в том, что движущей силой революции стала некая социальная группа, именуемая «интеллигенцией». Так, С.Л. Франк отмечал, что всё революционное движение «как по своим целям, так и по своей тактике было руководимо и определяемо духовными силами интеллигенции – ее верованиями, ее жизненным опытом, ее оценками и вкусами, ее умственным и нравственным укладом».[110]

В свою очередь, С.Н. Булгаков утверждал, что «русская революция была интеллигентской», «революция – духовное детище интеллигенции».[111] Поэтому нужды русской государственности требуют тщательного исследования природы феномена русской интеллигенции, тем более, что «революция объяснила, подчеркнула, усилила такие стороны ее облика, которые до нее во всем значении угадывались лишь немногими... Замалчивать эти черты теперь было бы не только не позволительно, но и преступно».[112]

[110] Вехи: Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910. - М., 1991. – С. 134
[111] Там же. - С. 144-145
[112] Там же. - С. 46

Однако прежде чем рассматривать все эти черты и признаки, необходимо было определить, что такое интеллигенция.

Отвечая на этот вопрос, П.Б. Струве указывал, что под интеллигенцией не подразумевается «образованный класс», так как уже в 60-е гг. XIX века интеллигенция отделяется от него как нечто «духовно особое».[113] По его мнению, русская интеллигенция как особая духовная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс и разные в нем направления».[114]

Таким образом, интеллигенция есть категория прежде всего идеологическая и политическая. В качестве последней она проявляется в эпоху реформ и окончательно обнаруживает себя в революции 1905-1907 гг.

Одним из особых условий становления интеллигенции было, согласно Н.А. Бердяеву, давление «внешней казенщины» - царской власти. Этой же точки зрения придерживался С.Н. Булгаков, отмечая, что характер русской интеллигенции складывался под непрерывным и беспощадным давлением на нее полицейского пресса. Это изолировало ее от жизни и вырабатывало черты «подпольной психологии», политический моноидеизм, затрудняя возможность разностороннего духовного развития.[115]

[113] Там же. - С.138, 142
[114] См.: Там же. - С. 151
[115] См.: Там же. - С. 31, 46-47

«Подпольная психология» способствовала формированию интеллигенции как замкнутой касты. А.С. Изгоев считал интеллигентов своеобразным монашеским орденом; С.Л. Франк называл их «воинствующими монахами нигилистической религии земного благополучия». В целом же интеллигенция, по его мнению, есть как бы самостоятельное государство со своими крепчайшими традициями и обычаями: «Нигде в России нет столь незыблемо-устойчивых традиций такой определенности и строгости в регулировании жизни, такой верности корпоративному духу, как в том всероссийском духовном монополизме, который образует русская интеллигенция».[116]

Идеологией этой замкнутой касты, ее теоретической базой стал марксизм, «наиболее крайняя и резкая форма западничества», «система, которая, несмотря на всю широту своего научного построения, не только лишена какого бы то ни было философского и этического обоснования, но даже принципиально от него отрекается».[117]

Поэтому, по мнению П.Б. Струве, марксизм с его учением о классовой борьбе и государстве как организации классового господства был завершителем интеллигентской антигосударственной идеологии.[118]

Однако, полагал С.Н. Булгаков, марксизм был усвоен весьма поверхностно, по сути же, мировоззрение социальной группы, именуемой интеллигенцией, оставалось народническим. Эту же точку зрения разделял Н.А. Бердяев: «Экономический материализм утратил свой объективный

[116] Там же. - С. 178-179
[117] Там же. - С. 183
[118] См.: Там же. - С.140

характер на русской почве, производственно-созидательный момент был отодвинут на второй план, и на первый план выступила *субъективно-классовая* сторона социал-демократизма. Марксизм подвергся у нас народническому перерождению, экономический материализм превратился в новую форму «субъективной социологии».[119] Природа русской интеллигенции не изменилась от мнимых побед над марксизмом, «...она осталась староверческой и народнической и в европейском одеянии марксизма».[120]

Мысль Н.А. Бердяева продолжил С.Л. Франк, указывая на то, что народничество является наиболее подходящим обозначением интеллигентского мировоззрения. При этом оно не связано с каким-то одним социально-политическим направлением – «это широкое духовное течение, соединимое с разнообразными социально-политическими теориями и программами».[121]

Народнический дух ассимилировал и марксистскую теорию, поэтому «...различие между народниками сознательными и народниками, исповедующими марксизм, сводится в лучшем случае к различию в политической программе и социологической теории, и совершенно не имеет значение принципиального культурно-философского разногласия. По своему этическому существу русский интеллигент... остается упорным и закоренелым *народником:* его Бог есть народ... Эту народническую душу русский интеллигент сохранил в неприкосновенности в течение ряда

[119] Там же. - С. 35
[120] Там же. - С. 28
[121] Там же. - С.164

десятилетий, несмотря на все разнообразие политических и социальных теорий, которые он исповедывал...».[122]

Таким образом, С.Л. Франк, во-первых, акцентировал не внешние, партийные или социальные различия противоборствующих групп, но их *внутреннюю общность*, что позволило исследовать социальную группу, именуемую интеллигенцией, как *единый и целостный культурно-исторический феномен народничества.*

Во-вторых, из определения мировоззрения интеллигенции как народнического следует то, что этот слой сохраняет все характерные черты народничества.

Как уже говорилось ранее, одной из таких черт является аксиологический подход в оценке социальных групп и самооценке. По мнению С.Н. Булгакова, «интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку»;[123] термином, наиболее адекватно ее отражающим, является «героизм», причем героизм самообожения. Суть его заключается в том, что «Россия должна быть спасена и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция».[124] Кроме того, «из самого существа героизма вытекает, что он предполагает пассивный объект воздействия – спасаемый народ или человечество».[125]

Себя же интеллигенция считает коллективным «главным героем», возвышающимся над толпой: «При всем

[122] Там же. - С.165
[123] Там же. - С. 55
[124] Там же. - С. 56
[125] Там же. - С. 58

своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность духовного аристократизма, надменно противопоставлявшая себя «обывателям».[126] При этом она отличалась высокомерием и самомнением, сознанием своей непогрешимости и крайним догматизмом, в который превращалась исповедуемая ими идеология.

Догматическая идеология становится у интеллигенции при ее внешнем атеизме новой разновидностью религии «абсолютного осуществления народного счастия», где место Бога занимает народ (в русском марксизме - пролетариат), а социалистическая революция является универсальным способом достижения всеобщего блага.

Догматическое усвоение идеологии соответствующим образом определяет цель революции. Для «монаха-революционера» политическая деятельность имеет целью не столько провести в жизнь какую-нибудь объективно полезную, в мирском смысле, реформу, сколько истребить врагов веры и насильственно обратить мир в свою веру». Суть этой веры «есть основанная на религиозном безверии обоготворение земного, материального благополучия».[127]

Кроме того, обожествление народа и превращение его в некую отвлеченную абстракцию сделало интеллигенцию равнодушной к *реальным* национальным проблемам страны. Поэтому, отмечает С.Н. Булгаков, интеллигент, у которого отсутствует здоровое национальное чувство, воспитанный на отвлеченных схемах просветительства, неизбежно становится космополитом.[128]

[126] Там же. - С. 59
[127] Там же. - С. 179
[128] Там же. - С. 76

Таким образом, еще одной чертой интеллигенции является космополитизм.

Вера противоположна строгому знанию, интеллигентская вера не исключение. Поэтому, по мнению авторов «Вех», в интеллигентской среде развито утилитарно-прагматическое отношение к знанию, к истине. Как саркастически писал Н.А. Бердяев, «интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагополучном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам».[129] Внешний рационализм сознания сочетается у интеллигенции с исключительной эмоциональностью и слабостью умственной жизни.[130]

А.С. Изгоев считал, что в массе своей «средний» интеллигент не любит своего дела и не знает его, солидные специальные знания у него отсутствуют. Без образования же занятие политикой превращается в «революционное верхоглядство». По его мнению, большинство политиков не обнаруживало знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России.[131]

Развивая эту мысль, С.Н. Булгаков отмечал, что интеллигентская среда оказалась совершенно непригодной для выработки дисциплинированной, работоспособной и образованной личности, которая смогла бы сыграть позитивную роль в обустройстве страны.[132]

[129] Там же. - С. 89
[130] Там же. - С. 31
[131] См.: Там же. - С. 207
[132] См.: Там же. - С. 63

По мнению Б.А. Кистяковского, личность дисциплинируется прежде всего правом. Но русское общественное сознание никогда не выдвигало идеала *правовой* личности, то есть личности, воспитанной на праве и устойчивом правопорядке, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими.[133]

Русская же интеллигенция, с одной стороны, игнорируя установленные законы и нормы, проявляет пристрастия к статьям и параграфам организационных уставов партий. Подобная тенденция, полагает Б.А. Кистяковский, присуща полицейскому государству и составляет его отличительный признак в противовес правовому государству. Поэтому он делает вывод, что правосознание нашей интеллигенции находится на стадии развития, присущей формам полицейской государственности. Черты последней выражаются в склонности к формализму и бюрократизму. В связи с этим, считает Б.А. Кистяковский, противопоставление бюрократии и интеллигенции теряет смысл, поскольку последняя есть лишь новая разновидность первой: «Наша интеллигенция всецело проникнута своим интеллигентским бюрократизмом. Этот бюрократизм проявляется во всех организациях нашей интеллигенции и особенно в ее политических партиях».[134] В их работе особенно заметно рабское подражание угодливым порядкам государственной жизни России.[135]

К выводу о том, что из аморфной интеллигентской среды формируется (или уже сформировалась) качественно

[133] См.: Там же. - С.115
[134] Там же. - С.126
[135] См.: Там же.

новая разновидность бюрократии, присоединились все авторы сборника «Вехи».[136]

Исходя из вышеизложенного совокупная характеристика социальной группы, именующей себя «интеллигенция», по мнению «веховцев», выглядит следующим образом:

- причиной появления социальной группы, именуемой «интеллигенцией», является монополизация политической деятельности царской властью и недопущение элементов из средних и низших слоев населения к управлению страной;

- в течение короткого времени аморфные движения оформляются в замкнутую касту, состоящую из групп, исповедующих революционные идеологии различных степеней радикальности;

- однако по своему мировоззрению интеллигенция в целом остается народнической; народническому перерождению подвергаются все теории, включая марксизм;

- народнический характер определяет ее следующие черты и признаки:

а) социально-этический критерий выделения себя в качестве «главных героев», основных субъектов действия и, соответственно, всего остального народа в качестве пассивного объекта воздействия;

б) прагматически-утилитарное отношение к науке и образованию;

в) отсутствие интереса к реальным национальным нуждам государства, космополитизм;

[136] См.: Там же. - С. 42, 45, 100, 126

г) догматизм, слепая приверженность к параграфам партийных уставов;

д) неуважение к формальному праву, закрепленному в законах, подмена его «интересами народа».

Это позволяет авторам «Вех» сделать два принципиально важных в контексте нашего исследования вывода:

1. Социальная группа (или каста), именуемая интеллигенцией, несмотря на внутрипартийные разногласия, представляет собой *единый и целостный культурно-исторический феномен народничества*; рассмотренные выше черты и признаки присущи не только русским марксистам, но и всем политическим движениям в целом.

2. Степень правосознания данной социальной группы находится на уровне полицейской государственности и является ее закономерным этапом, то есть *продолжением традиций российской государственной власти.*

Таким образом, «веховцы» на основании опыта революции 1905 года фактически показали тип бюрократии, в большинстве признаков совпадающий с типом бюрократии по К. Марксу. Это замкнутая каста, функционирующая по собственным законам, преследующая свои корыстные интересы и стремящаяся обрести всю полноту власти. Признаком, отличающим ее от царской бюрократии, являлось наличие идеологии, апеллирующей к широким массам населения и используемой в качестве одного из инструментов прихода к власти.

Кроме того, они доказали воплощение в жизнь одного из постулатов теории, выдвинутой в свое время П.Н. Ткачевым – о преемственности государственной власти в России, несмотря на идеологические различия.

Портрет интеллигенции как особой формы бюрократии, нарисованный и описанный участниками сборника, вызвал яростное неприятие со стороны различных политических лидеров.

Как отмечал А.И. Солженицын, «роковые особенности русского предреволюционного образованного слоя были основательно рассмотрены в «Вехах» - и возмущенно отвергнуты всею интеллигенцией, всеми партийными направлениями от кадетов до большевиков».[137]

Против «Вех» выступили лидеры кадетской партии П.Н. Милюков, И.И. Петрункевич, проф. Н.А. Гредескул, лидер партии эсеров В.М. Чернов, лидер партии народных социалистов А.В. Пошехонов, лидер партии демократических реформ М.М. Ковалевский, идеолог прогрессизма кн. Е.Н. Трубецкой. Наконец, «Вехи» неоднократно критиковал В.И. Ленин.

Однако полемизируя с «Вехами», многие их противники парадоксальным образом выдвигали те же самые идеи. Так, Н.А. Гредескул, характеризуя интеллигентское миросозерцание, отмечал, что наиболее верным термином для его обозначения является «народничество» как такое миросозерцание, в котором на первом плане стоит идея о народе в смысле совокупности всех «труждающихся и обремененных». При этом по типу сознания оно почти религиозно.[138]

П.Н. Милюков, рассуждая о понятиях «интеллигенция» и «образованный класс», представлял их соотношение

---

[137] Солженицын А.И. Образованщина. В кн. Русская интеллигенция. – С. 125

[138] См.: Вехи. – С. 232

в виде двух концентрических кругов. Интеллигенция – небольшой внутренний круг, ей принадлежит инициатива и творчество (то есть она является главным субъектом действия). Большой круг «образованного» слоя является средой непосредственного воздействия интеллигенции (то есть пассивным объектом). При этом круг влияния интеллигенции постоянно расширяется.[139]

Развиваясь, интеллигенция приобретает целый ряд отрицательных черт: «Излишняя отвлеченность доктрины, непримиримый радикализм тактики, сектантская нетерпимость к противникам и аскетическая цензура собственных нравов... У интеллигенции сложился свой собственный патриотизм – государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами».[140]

Организационной формой этого «государства в государстве», закономерным выходом из интеллигентской «кружковщины» стала политическая партия.[141]

Развивая эту идею, Д.Н. Овсяннико-Куликовский утверждал, что русская интеллигенция в своем развитии переживает идеологический фазис.[142] Идеология же, по его мнению, вредна тем, что идеолог чересчур философ, чтобы стать политическим деятелем, и чересчур деятель жизни, чтобы быть философом. Поэтому интеллигенция представляет собой нечто вроде секты.[143]

Наконец, М.И. Туган-Барановский считал, что в основе выделения интеллигенции в особую социальную группу лежит социально-этический критерий, а сама она есть

[139] См.: Там же. - С. 292
[140] Там же. - С. 352-353
[141] Там же. - С. 369
[142] Там же. - С. 387
[143] См.: Там же. - С. 390

продукт разложения дворянства и чиновничества и выступает, с одной стороны, как их закономерное продолжение, а с другой – как их оппозиционный антипод. Поэтому интеллигенция как новая форма бюрократии радикальным образом отличается от бюрократий западной, тесно связанной с буржуазными классами.[144]

Таким образом, оппоненты «Вех» также считали, что социальная группа, именуемая интеллигенцией является народнической по своему мировоззрению; что она является субъектом действия и стремится обрести полноту власти; поэтому она является новой формой бюрократии, отличие которой от старой, царской, заключается в идеологии, привлекательной для масс, и в создании новой организационной формы в борьбе за власть – политической партии.

Подведем некоторые итоги. Наряду с теориями, рассматривавшими интеллигенцию как *реально* функционирующую социальную группу, принадлежность к которой определяется либо в соответствии с *социально-этическим*, либо с *социально-классовым* критерием, с 80-х гг. XIX в. целый ряд исследователей с различными политическими взглядами определяет интеллигенцию как новую, мифологизированную разновидность бюрократии, новый эксплуататорский класс, представляющий потенциальную опасность для развития России. При этом некоторые ученые (в частности, авторы «Вех») в своем анализе исходили из *практики*, из опыта революции 1905-1907 гг.

Согласно их точке зрения, политические группировки, стремясь к власти, выдают свои кастовые интересы за интересы народа (в этой связи Ф. Энгельс в свое время отмечал: «Всякий новый класс, который ставит себя на место

[144] См.: Там же. - С. 430, 432

класса, господствовавшего до него, для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества, то есть, выражаясь абстрактно, предать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, - уже по одному тому, что он противостоит другому классу, - с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества»).[145]

При этом, хотя они используют радикальную антигосударственную идеологию, по способам организации во многом копируют царский бюрократический аппарат.

Возникает политическая бюрократия, которая, несмотря на лозунг разрыва с прошлым, становится преемницей старой власти. Ее признаки: некомпетентность, следование только собственным кастовым целям или букве параграфа партийного устава, отсутствие правового сознания и подмена его «интересами передового класса», возведение идеологии в разряд религии, подмена реальных национальных интересов иллюзорными моделями и схемами.

Однако эти концепции-предупреждения не сыграли никакой роли в формировании политической ситуации в России. А.И. Солженицин отмечал, что «пророческая глубина «Вех» не нашла… сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий».[146]

В итоге к власти в результате революции пришел новый политический субъект действия. В соответствии с этим изменилось и содержание мифа об интеллигенции.

[145] Маркс К., Энгельс Ф. Указ. Соч. – Т. 3. – С. 46
[146] Солженицын А.И. Указ. соч. – С. 125

§3. Особенности функционирования мифа об интеллигенции в Советской России

Советское государство, в отличие от исторической модели русского самодержавия, возникло как инновационная форма *партийного* правления. Бюрократический аппарат, доставшийся в наследство от царского режима, подвергся радикальным преобразованиям, поскольку В.И. Ленин, считая старую бюрократию одним из врагов советской власти, добивался не замены отдельных звеньев или персоналий, но полного его слома и разрушения. Это было проведено в кратчайшие сроки, и спустя несколько лет после Октябрьской революции В.И. Ленин заявлял: «Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, что не одно государство в мире не сделало. Тот аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который оставался таковым даже в самых свободных буржуазных республиках – мы его уничтожили до основания».[147]

Новый государственный аппарат должен был быть приспособлен к нуждам советского государства, функционирующего, по замыслам его создателей, как единая фабрика: «Социализм порожден крупной машинной индустрией, и если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи».[148]

[147] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.38. - С.169
[148] Там же. – Т.36. –С.121.

Для этого был необходим качественно новый строй компетентных управляющих: «Умение управлять с неба не свалится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению… для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт…».[149]

Фактически В.И. Ленин подразумевал создание веберовского «идеального типа» бюрократа. Однако практика функционирования аппарата управления Советской России показала, что, во-первых, бюрократизм отнюдь не уничтожен до конца, и, во-вторых, у формирующегося бюрократического слоя проявляется ряд негативных черт. Это с возрастающей тревогой отмечал В.И. Ленин: «Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, - это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением как человек добросовестный».[150] Бюрократия, по его мнению, проникает и в партийные учреждения, поскольку «верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же».[151]

Внутри самой партии начала выстраиваться иерархическая лестница. Уже в 1923 г. 46 левых большевиков отправили в Политбюро секретный меморандум, в котором шла речь о «постоянно усиливающемся и теперь едва скрываемом расколе партии между секретарской

[149] Там же. – Т.40. – С.222, 252 - 253.
[150] Там же. – Т.45. – С.15.
[151] Там же. – Т.42. – С.32.

иерархией и «простым людом», между профессиональными партийными работниками, назначенными сверху, и остальной массой партийцев, не участвующей в общественной жизни».[152]

Л.Д. Троцкий тогда же констатировал: «Партия живет на два этапа: в верхнем решают, в нижнем только узнают о решениях».[153]

Таким образом, в стране вновь формируется бюрократический слой, стремительно обретающий полноту власти, и воспроизводящий многие черты царской бюрократии. По мнению С.Л. Франка, «тип старого русского администратора… внутренне почти совпадает с типом «честного» большевистского комиссара».[154]

Тем самым подтвердилась высказанная в свое время П.Н. Ткачевым и подтвержденная на опыте революции 1905 г. авторами «Вех» идея о преемственности бюрократии в России.

Эту мысль в настоящее время разделяет большинство ученых, занимающихся изучением феномена бюрократии. В частности, Р. Апресян полагает, что бюрократия воспроизводит себя при различных политических режимах. С ним солидаризуется В.А. Блюмкин. По его мнению, XX век продемонстрировал способность бюрократии к самовоспроизведению и расширению ее инвариантности по отношению к общественному строю.[155]

[152] Цит.по: Такер Р. Сталин: путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. – М., 1991. – С.272.
[153] Троцкий Л.Д. Новый курс. – М., 1923. – С.12.
[154] Франк С.Л. По ту сторону "правого" и "левого". Статьи по социальной философии // Новый мир. – 1990. - № 4. – С.221.
[155] См.: Апресян Р.Г. Этос властвующей бюрократии.// Бюрократия и общество. – М., 1991. – С.189; Блюмкин В.А. Бюрократия – социально-нравственные аспекты. – М., 1990. – С.4.

Мы присоединяемся к данной точке зрения, но вместе с тем полагаем, что инвариантность бюрократии предполагает наличие не только общих, но и специфических признаков, определяемых характером господствующего режима.

Одним из главных отличительных признаков нарождающегося бюрократического строя было то, что его ядро еще до завоевания власти составляли профессиональные революционеры-идеологи. Как отмечал писатель В. Полонский, «революция оказалась превосходно оснащенной интеллигентскими силами... превосходные теоретики, исключительные организаторы, писатели с великолепным стилем,... выдающиеся ораторы – они были тем «головным отрядом», «главным штабом», с помощью которого Октябрьская революция пришла к победе».[156]

Л.Д. Троцкий назвал новый правящий слой, происходивший из революционной интеллигенции, «политической бюрократией».[157] Впоследствии этот термин воспроизвел и всесторонне обосновал М. Джилас. По его мнению, свои объективно слабые позиции в экономической и других сферах политическая бюрократия компенсировала субъективными факторами особого порядка – единством сознания и железной дисциплиной.[158] Как писал Н.И. Бухарин, «суровая дисциплина большевизма,... крайняя однородность взглядов, централизованность всех рядов были всегда характернейшими признаками нашей партии..., делали из нашей партии... своеобразный революционной орден».[159]

[156] Полонский Вяч. На литературные темы. – М., 1968. – С.117 – 118.
[157] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. – Т.2. – С.233.
[158] См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М., 1992. – С.199.
[159] Бухарин Н.И. Железная когорта революции.// Бухарин Н.И. Избр пр. – М., 1988. – С.116.

В принципе соглашаясь с таким определением нового правящего слоя, мы вместе с тем полагаем, что *политической* бюрократия была только на первом этапе становления советского государства.

По определению М. Вебера, "политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распространение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает".[160]

Согласно К. Мангейму, политика возникает там, где начинается *деятельность*, то есть там, где отсутствует рационализация, а решения принимаются в ситуации, не регулируемой предписаниями.[161]

В большевистской партии изначально присутствовали три элемента: революционная динамика авангарда, централизованная организация и марксистская доктрина. Кроме того, до Октябрьской революции партии приходилось действовать в условиях, далеких от любого рода регламентации. Ситуация первых лет становления советского государства также требовала решений, далеких от стереотипов. Однако постепенно, к концу 20-х гг., главным элементом стала централизованная организация, то есть бюрократический аппарат, функционирующий по определенными правилам и установленным стандартам. Это отмечал один из лидеров российской социал-демократии А.Н. Потресов. Говоря о различиях между ранним большевизмом эпохи

[160] Вебер М. Политика как призвание и профессия.// Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С.646.
[161] См.: Мангейм К. Идеология и утопия.// Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С.99-100.

революционного романтизма и поздним, бюрократическим, он писал: «Когда же революционная волна окончательно спала..., первоначальный большевизм весьма быстро закончил свое развитие, превратив рабочие и крестьянские Советы в намалеванные декорации и консолидировавшись в независимую по существу от народа бюрократию, бюрократическую пирамиду, заостренную олигархическим шпилем».[162]

По мнению С.А. Королева, к концу 20-х гг. в СССР практически исчезает *политика* как форма взаимодействия между социальными группами. Главным инструментом управления становится *идеология*, и, соответственно, главным (формально нигде не провозглашенным и неутвержденным, но реально функционирующим) принципом новой бюрократии стал *идеологический монизм*.[163]

Поэтому, по нашему мнению, с конца 20-х гг. бюрократия становится скорее идеологической, чем политической.

Все это не могло не сказаться на теоретическом обосновании концепции социальной структуры в СССР. Классы могли быть только дружественными, создавая, по выражению И.В. Сталина, «особую форму классового союза», направленного на скорейшее уничтожение классов и классового общества. Старая интеллигенция, по этой схеме, должна быть деидеологизирована и превратиться

[162] Потресов А.Н. Дорога через абсурд // Новое время. – 1992. - № 36. – С.57.

[163] См.: Королев С.А. Искус корпоративности и мутации системы: советская бюрократия в структуре политической власти.// Бюрократия и общество. – С.127.

в прослойку специалистов, не имеющую особого классового интереса.[164]

Таким образом, вновь, как в эпоху Петра I, государство формировало социальную структуру в зависимости от своих целей.

К тем же, кто представлял хотя бы потенциальную опасность для режима и мог противостоять его идеологии, применялись конкретные превентивные меры.

В 1922 году Ф.Э. Дзержинский получил следующую директиву В.И. Ленина: «Продолжить неуклонную высылку активной антисоветской интеллигенции...», под которой В.И. Ленин подразумевал совокупность *профессиональных* групп: «1. Беллетристы; 2. Публицисты и политики; 3. Экономисты (здесь необходимы подгруппы): а) финансисты; б) топливники; в) транспортники; г) торговля; д) кооперация и т.д.; 4. Техники (здесь тоже подгруппы): а) инженеры; б) агрономы; в) врачи; г) генштабисты и т.д.; 5. Профессора и преподаватели и т.д. и т.д.».[165]

Таким образом, новый режим не нуждался в мифе об интеллигенции как лучшей части общества. Тем не менее отказаться о него было невозможно. Как отмечал профессор М.А. Рейснер, «может быть, было бы правильнее совершенно отбросить этот термин и заменить его другим, более точным и, следовательно, научным. Но нам не хочется терять этого слова, которое обладает одним большим

[164] См.: Сталин И.В. На хлебном фронте.// Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – Изд.11. – М., 1945.- С.193.

[165] Цит.по: Дмитриевский В.Н. Художественная интеллигенция и власть: роль, маски, репутация. – В кн.: Русская интеллигенция. – С.307.

преимуществом: оно получило теперь право гражданства среди широких кругов общества и притом не только у нас, но и за границей».[166]

Поэтому данный термин не только не вышел из употребления, но стал *энкратическим* (то есть находящимся под опекой властей). Однако его значение было максимально редуцировано до рамок «специалиста», то есть чисто профессиональной прослойки, не играющей самостоятельной политической роли в обществе и являющейся *объектом* воздействия со стороны правящего класса.

Обоснованию такого понимания интеллигенции был посвящен целый ряд теоретических работ, а также научный дискуссий, проходивших в первой половине 20-х гг.

Уже в 1919 году В. Керженцев писал, что жесткие уроки социальной революции и суровый период пролетарской диктатуры показали вздорность претензий интеллигенции на роль руководителей мировой истории – она не выдержала экзамена ни на свое хваленое народолюбие, ни на свое умение работать. Поэтому перед советской властью встает задача формирования из рядов пролетариата новой интеллигенции, задача которой – быть верной служанкой партии.[167]

В 1922 г. М.А. Рейснер в концептуальном труде «Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы» обосновал новое видение интеллигенции. Отметив недостаточную теоретическую проработку аспектов данной

[166] Рейснер М.А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. Кн.1. –Январь-март 1922. – С.93.
[167] См.: Керженцев В. Ещё об интеллигенции.// Интеллигенция и советская власть. – М., 1919. – С.61-63.

проблемы, он предложил более точное понимание интеллигенции как «техников социальной организации».[168]

По его мнению, существует слишком широкое и слишком узкое толкование данного понятия. Узкое толкование ограничивает значение этого слова понятием какого-то абстрактного идеального героя и подвижника духа. Когда же «под именем интеллигента разумеют вообще *просвещенного человека* или даже более – человека, который предается так называемой *духовной деятельности*, то этим обозначают известное качество индивидуальности, но менее всего социальную категорию».[169]

М.А. Рейснер считал, что оба эти толкования внеисторичны, поскольку интеллигенция рождается вместе с классовым обществом как технический аппарат его организации, то есть как профессионалы, техники-специалисты, добывающие средства к существованию путем эксплуатации и продажи своих способностей, знаний и опыта. При этом сразу же возникает тенденция к превращению интеллигенции в особую касту, монополизировавшую образование и функции управления. Поэтому, полагает М.А. Рейснер, противопоставление интеллигенции и бюрократии лишено всякого смысла, поскольку последняя есть лишь одна из разновидностей первой.[170]

Становясь бюрократией, интеллигенция в обществе с еще до конца не сформировавшейся классовой структурой превращается в псевдокласс и образует корпоративную

[168] См.: Рейснер М.А. Указ.соч. – С.93.
[169] Там же. – С.94.
[170] Там же. – С.94-95.

группу, преследующую собственные интересы, мистифицируя общество путем создания мифов о себе самой.

М.А. Рейснер предлагал следующее определение такой группы: «Интеллигенция – это профессиональная группа специалистов и техников духовной или интеллектуальной работы, которая осуществляет эту свою деятельность в целях получения материального обеспечения и, пользуясь слабым распространением культуры среди населения, обслуживает кастовое общество путем доставления ему необходимых идеологических и культурных ценностей».[171]

Такого рода интеллигенция была неотъемлемой составной частью социальной структуры царской России. Выступая на проходившем 6 апреля 1924 г. в Москве диспуте «Будущее интеллигенции», М.А. Рейснер указывал на необходимость воспитания новой интеллигенции – подлинных «красных спецов». Он считал, что «в ВУЗах должна быть продолжена та чистка в среде старой интеллигенции, которая началась только в 1923 году, отставши на целых 5 лет от Октября. Интеллигенция как совокупность просвещенных элементов населения, конечно, будет расти и размножаться, но интеллигенция как каста должна быть уничтожена. Весь пролетариат должен стать своей собственной интеллигенцией».

Доклад М.А. Рейснера обосновывал официальную установку власти, выразившуюся в заключительных словах диспута: «Интеллигенция» - это иллюзия, которая очень дорого обошлась стране и революции, с которой давно пора покончить».[172]

[171] Там же. – С.99-100.
[172] Цит.по: Степанов Ю.С. Указ.соч. – С.33.

По сути дела, речь шла о демифологизации данного понятия путем отнесения интеллигенции в разряд чисто профессиональной категории. Это не означало полного исчезновения мифа об интеллигенции (поскольку понятие, как уже говорилось выше, оставалось в употреблении и санкционировалось властями), но предполагало определенную его *редукцию*, а затем встраивание в новую схему социальной структуры Советской России: два класса – пролетариат и крестьянство, и интеллигенция – профессиональная деидеологизированная прослойка.

Такая точка зрения нашла выражение во всех последующих работах по проблемам интеллигенции. Так, Ю П. Мещеряков в сборнике «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией» категорично утверждал: «Интеллигент может и должен быть только хорошим и добросовестным спецом».[173]

Теоретические диспуты по проблемам интеллигенции завершились после выхода в 1925 году обобщающей и фактически нормативной работы С.Я. Вольфсона «Интеллигенция как социально-экономическая категория». В начале работы автор отмечает, что до последнего времени существовало 5 основных точек зрения на интеллигенцию и дает подробный анализ каждой из них.

Согласно *первой* концепции, интеллигенции как самостоятельной социальной группы не существует. Интеллигенты, то есть люди, обладающие высокой умственной квалификацией, не образуют *классовой* категории. Они

[173] Мещеряков П. Мечты сменовеховства и их судьба.// На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. – Сб.статей. – М., 1923. – С.102.

также не могут быть отнесен ни к одному из существующих классов.

Группа образованных людей стоит *вне* классов, *над* классами. Ее можно определить только с помощью субъективно-этического критерия. Она внеклассова, надклассова, сверхклассова.[174]

Вторая точка зрения определяет интеллигенцию как часть различных классов и сословий в обществе: «Нет интеллигенции как таковой, а есть интеллигенция дворянская, буржуазная, пролетарская и т.д. это все... умственно-квалифицированные верхушки класса, обыкновенно являющиеся его идеологами и организаторами».[175]

Эта точка зрения была популярна и распространена в первые годы после революции. Так, А.Б. Залкинд отмечал: «Интеллигенции как организованной группы, спаянной однородностью социального состава и экономически-идеологических интересов в природе не существует. Интеллигенция – наиболее сознательная часть того или иного общественного класса... Интеллигенций столько, сколько в данном обществе основных социальных делений и каждая из этих интеллигенций имеет свою специфическую физиономию, в полном соответствии с истинным существом того класса, который она наиболее сознательно олицетворяет и защищает».[176]

[174] См.: Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // Красная новь. – Кн.VI. – 1925. – Июль – август. – С.121.
[175] Там же. – С.122.
[176] Залкинд А.Г. Очерки культуры революционного времени. – М., 1922. – С.129.

Сторонники *третьей* концепции считали, что интеллигенция по своему месту в классовой структуре относится к *одному* из классов, являясь его составной частью. А.В. Луначарский, в частности, полагал, что она относится к мелкой буржуазии.[177]

Четвертая концепция, по мнению С.Я. Вольфсона, была конкретизированной разновидностью третьей. Ее придерживались Н.Я. Махайский, К. Каутский, А.С. Изгоев и позднее Н.И. Бухарин. Они трактовали интеллигенцию как особый класс капиталистического общества последней эпохи. А.С. Изгоев писал: «Интеллигенция есть особый господский класс, всё увеличивающийся количественно, и всё усиливающийся качественно, всё более подчиняющий своему воздействию и влиянию все сферы общественной жизни». По его мнению, можно говорить о грядущем мировом господстве интеллигенции.[178]

Наконец, *пятая* точка зрения утверждает, что интеллигенция есть особый социальный слой классового общества, не являющийся, однако, вполне конституированным классом и долженствующий поэтому рассматриваться как междуклассовая группировка.

Этой точки зрения придерживался и сам С.Я. Вольфсон. Он отмечал, что для изучения интеллигенции и ее выделения в особую категорию необходим объективно-экономический признак.

Он подвергает критическому анализу все рассмотренные выше концепции и делает следующее заключение:

[177] См.: Луначарский А.В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. – М., 1924. – С.36.
[178] Цит. по.: Вольфсон С.Я. Указ. Соч. – С.123

«Нельзя интеллигенцию распылять между отдельными общественными классами, превращая в умственно-квалифицированную, идеологическую верхушку каждого данного класса. Она также не может быть вкраплена в какой-нибудь из существующих классов. Интеллигенция существует как единая социальная группировка. Эта группировка не характеризуется классовой самостоятельностью, она межклассова». Тенденцией ее развития в СССР становится слияние с пролетариатом.[179]

С.Я. Вольфсон дает свое определение интеллигенции: «Интеллигенция представляет собой междуклассовую, промежуточную – меж пролетариатом и мелкой буржуазией – группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии».[180]

В Советском Союзе тенденция ее слияния с пролетариатом привела, по мнению автора, к тому, что «интеллигенция после долгих шатаний и колебаний, влилась в ряды рабочего класса».[181]

Фактически в данной работе анализ подменен идеологическими установками, а точка зрения на интеллигенцию как новый правящий класс вообще не прокомментирована.

Таким образом, со второй половины 20-х гг. в СССР устанавливается единственная одобренная властью нормативная точка зрения на интеллигенцию как чисто профессиональную междуклассовую прослойку, не имеющую

[179] Вольфсон С.Я. Указ.соч. – С.152.
[180] Там же. – С.124.
[181] Там же. – С.161.

собственных политических интересов и обслуживающую правящие классы – рабочих и крестьян.

Властью отвергался даже намек на политическую самостоятельность этого слоя. В частности, когда М. Горький совместно с И. Павловым в конце 1933 года предложил И.В. Сталину идею создания второй партии (безусловно, полностью лояльной), состоящей из представителей интеллигенции, это предложение было отвергнуто без обсуждения.[182]

Чуть позднее государственная точка зрения на интеллигенцию была изложена И.В. Сталиным в докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 года.

Прежде всего докладчик несколько раз подчеркнул, что в результате ликвидации эксплуататорских классов и успехов социалистического строительства в СССР, создано общество, состоящее из двух дружественных друг другу классов – рабочих и крестьян.[183]

Кроме них, существует также интеллигенция – инженерно-технические работники, работники культурного фронта, служащие вообще. Ее состав за годы советской власти радикально изменился. На 80-90 % советскую интеллигенцию составляют выходцы из рабочего класса и крестьянства.

[182] См.: Такер Р. Сталин у власти. 1928 – 1941. История и личность. – М., 1997. – С.217.
[183] См.: Сталин И.В. О проекте конституции СССР. Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.// Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.510, 516, 523, 525-526.

Характер ее деятельности также стал качественно иным: теперь ее основная задача – служить народу.[184]

Вместе с тем, касаясь вопроса о поправках к проекту Конституции, он счел теоретически и политически ошибочным предложение о внесении изменений в статью 1, где к словам «государство рабочих и крестьян» предлагалось добавить «и трудовой интеллигенции».

Мотивация И.В. Сталина выглядела следующим образом: «Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян... стало быть, 1-ая статья проекта Конституции правильно отражает классовый состав нашего общества». Интеллигенция же «никогда не была и не может быть классом, - она была и остается прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества. В старое время интеллигенция рекрутировала своих членов среди дворян, буржуазии, отчасти среди крестьян и лишь в самой незначительной степени среди рабочих. В наше советское время интеллигенция рекрутирует своих членов главным образом среди рабочих и крестьян. Но как бы она не рекрутировалась и какой бы характер она не носила, интеллигенция все же является прослойкой, а не классом».[185]

Следовательно, согласно государственной точке зрения, интеллигенция являлась чисто профессиональной социальной прослойкой, не имеющей собственных политических интересов и обслуживающей классы рабочих и крестьян.

[184] См.: Там же. – С.512.
[185] Там же. – С.526.

Эта точка зрения с различной степенью убедительности была растиражированна во всех немногочисленных теоретических исследованиях тех лет. В частности, если В. Ведерников, Ем. Ярославский, Б. Волин, С. Кафтанов в своих работах фактически ограничились констатацией того, что интеллигенция – это государственные служащие,[186] то мнение «всесоюзного старосты» М.И. Калинина было более аргументировано.

Указав, что термин этот достался в наследство от старого режима, он справедливо отметил: «Определение численности интеллигенции и водораздела, отделяющего ее от других слоев населения, очень трудная задача», осложненная к тому же «неопределенностью термина «интеллигенция» и большой вольностью его употребления».[187]

Тем не менее это не является препятствием для ее изучения: «Марксисты стремились определить не точные границы, отделяющие интеллигенцию от остального населения, а ее социально-экономическую роль и место в классовой структуре общества».[188]

Согласно М.И. Калинину, в советском обществе интеллигенция является прослойкой, роль которой – «служить народу, то есть рабочему классу и крестьянству».[189]

Позднее А.И. Солженицын отмечал, что именно в конце 30-х гг. «по государственному расчету и покорным

[186] См.: Ведерников В. Что такое интеллигенция?; Ярославский Ем. О старой и новой интеллигенции; Волин Б. Интеллигенция советского народа; Кафтанов С. О советской интеллигенции. – В кн.: Об интеллигенции. – Сб. статей. Чкаловск, 1939. – С.3, 27, 63.
[187] Калинин М.И. Об интеллигенции.// Об интеллигенции. – С.22.
[188] Там же.
[189] Там же. – С.23.

общественным сознанием» понятие «интеллигенция» было отождествлено с категорией «служащие» и растворено в ней.[190]

Однако межклассовое положение интеллигенции никоим образом, по мнению И.В. Сталина, не ущемляло ее прав. Из глав 10-й и 11-й проекта Конституции явствует, что рабочие, крестьяне и интеллигенция совершенно равноправны во всех сферах хозяйствования, политической (подчеркнуто нами – С.О.), общественной и культурной жизни страны.[191]

Термин «политическая жизнь» вошел туда отнюдь не случайно. И.В. Сталин считал, что интеллигенту мало быть просто добросовестным спецом – надо быть спецом, преданным советской власти и полностью разделяющим коммунистическую идеологию. Поэтому в отчетном докладе на XVIII съезде партии И.В. Сталин, касаясь политики партии в вопросе формирования мировоззрения молодых специалистов, отмечал, что нет необходимости, чтобы медик был ботаником и наоборот: «Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, - это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, ... и не видящего ничего дальше своей

[190] См.: Солженицин А.И. Образованщина.// Русская интеллигенция. – С.131.
[191] См.: Сталин И.В. Указ.соч. - С.526.

специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, - он должен быть вместе с тем политиком–общественником, ... знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной».[192]

По мнению И.В. Сталина, такая категория людей уже появилась в СССР: «В итоге мы имеем теперь многочисленную, новую, народную социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику».[193]

Говоря о дальнейшем развитии этого социального слоя, Е.М. Ярославский заявлял: «Товарищ Сталин не раз говорил о том, что нужно превратить в интеллигентных работников всю массу трудящихся. Мы идем к этому неуклонно: социалистическая революция открыла величайшие возможности для всего народа и в перспективе *весь советский народ будет состоять из интеллигентных людей, овладевших современной наукой и культурой*».[194]

Таким образом, за короткий период (с 1917 по 1939 гг.) миф об интеллигенции вначале подвергся редукции, из «лучшей части общества» превратившись просто в «добросовестных спецов». Затем этим термином вновь стали обозначать передовую часть общества – новое

[192] Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б).// Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.598 – 599.
[193] Там же. - С.608.
[194] Ярославский Ем. О старой и новой интеллигенции.// Об интеллигенции. – С.38.

поколение людей, кроме своей специальности овладевших теорией марксизма-ленинизма и всецело преданных ей.

Тем самым вновь возродился народнический миф об интеллигенции как «лучшей части общества», однако на этот раз он был вписан в единственную и нормативную идеологию социальной структуры. Это означало, что впервые в истории человечества в СССР возникла и стала успешно функционировать *абсолютная мифология* – та, которая, по словам А.Ф. Лосева, «ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречает препятствий для своего существования и развития. Такая мифология существует как единственно возможная картина мира, и ни один принцип ее не подвергается никакому ущербу». По его мнению, абсолютная мифология должна быть «нормой, образцом, пределом и целью стремления для всякой иной мифологии».[195]

Иными словами, абсолютная мифология, подвергаясь попытке разрушения или переосмысления, только достраивается и укрепляется, не теряя своих признаков. При этом абсолютный миф не противостоит какой-либо другой мифологии, но поглощает ее, причем поглощенный миф становится более жизнеспособным, нежели оставаясь в обособленном состоянии.

Развитие абсолютной мифологии стало завершающим этапом формирования правящего слоя идеологической бюрократии, о которой Н.А. Бердяев писал: «Это новая

[195] Лосев А.Ф. Диалектика мифа.// Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С.172 – 173.

советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс».[196]

Югославский ученый А. Силига, после ряда лет работы в СССР, в книге, опубликованной в Париже в 1938 году, утверждал, что в Советском Союзе правит совершенно новый класс – «бюрократия коммунистов».[197]

После этого, вплоть до середины 60-х гг., абсолютная мифология функционировала в неизменном состоянии. Официальные определения интеллигенции выглядели следующим образом: "**Интеллигенция**...- обществ. прослойка, в к-рую входят лица, профессионально занимающиеся умст. трудом... Впервые термин "И" был введен в обиход русским писателем П. Боборыкиным (70-е г. XIX в.)".[198] Стабильность абсолютной мифологии обеспечивалась еще и тем, что были прекращены все исследования, касающиеся политической мифологии. Так, в первой половине 30-х г., А.Ф. Лосеву «компетентными органами» было предложено ограничить свое интерес рамками античной мифологии, не касаясь политики и современности.[199]

Миф об интеллигенции, став частью абсолютной мифологии, пережил и коммунистический режим, хотя, по нашему мнению, в настоящее время пока не обрел нового

[196] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 105.

[197] См.: Масленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – С.31.

[198] Советская историческая энциклопедия. – Т.6. – М., 1965. – С.111.

[199] См.: Ерофеев В.В. Последний русский философ.//Волга. – 1989. – Саратов. – №10. – С.164

субъекта его использования. Тем не менее, традиционная парадигма социально-классового и социально-этического критериев, то есть официальная точка зрения, практически не изменилась: "**интеллигенция...** - обществ. слой людей, профессионально занимающихся умственным, прем. сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. Понятию "И" придают нередко и моральный смысл, считая её носителем высокой нравственности. Термин "И" появился в России во 2-й пол. 19 в..."[200]

Рядом ученых делаются попытки вписать этот миф в теорию элит. Так, например, авторы исследования "Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества" считают интеллигенцию интеллектуальной элитой, отчужденной от существующей общественной системы и с болью осознающей свою ответственность за судьбу и будущее народа.[201]

Это означает, что проблемы выявления реального политического субъекта действия актуальна и поныне. Однако, на наш взгляд, это тема уже другого исследования.

[200] Российский энциклопедический словарь: В 2-х кн. – Кн.1. – М., 2000. – С.581.

[201] См.: Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. – М., 1996. – С.28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

Социальный миф является реально существующим и успешно функционирующим в обществе феноменом. Его основная *цель* – установление новой социальной нормы, создание упорядочивающей перспективы и определенной системы ценностей.

Функции мифа:

– укрепление означенной мифом системы ценностей в меняющемся мире;

- установление образцовых моделей всех значимых видов человеческой деятельности;

- представление этих исторически изменчивых и социально ограниченных моделей как естественных и вечных.

Из функций мифа вытекают его основные *признаки*:

- миф имеет отношение к реальности;

- миф антикаузален, эмоциональное в его содержании доминирует над логическим;

- структура мифа сходна с научной и сохраняется даже при радикальном изменении содержания мифа;

- формами проявления мифа в обществе являются идеология и научная теория;

- внедрение мифа в сознание общества на этапе разрушения старой социальной нормы происходит с помощью средств массовой информации; на этапе закрепления новой социальной нормы к ним присоединяются институты образования;

- миф имеет особый полифункциональный язык. На этапе разрушения социальной нормы он внедряется в общество как противовес официальному языку правящего режима в качестве передового «новояза»; на этапе закрепления новой социальной нормы (как правило, этому способствует изменение баланса политических сил) язык мифа становится *энкратическим*, то есть находящимся под опекой сил, пришедших к власти;

- миф функционирует только в рамках определенного топографического пространства;

- миф ограничен также временными рамками и может успешно функционировать только в течение ограниченного периода времени.

Одним из наиболее укорененных в российском обществе мифов является интеллигенция. Это связано с особенностями развития российской бюрократии.

Бюрократия представляет собой самостоятельный социальный слой, возникающий на определенной стадии развития общества, проходящий ряд этапов становления и имеющий ряд признаков, функций и разновидностей. Она может играть позитивную или негативную роль в зависимости от доминирования того или иного ее типа в обществе.

Негативная роль бюрократии в обществе заключается в доминировании ее собственных интересов над общегосударственными и постоянном стремлении к обретению полноты власти. Тогда функции бюрократии превращаются в дисфункции, и, как следствие, возникает феномен «параллельной власти». В результате социального взрыва эта власть становится официальной. При этом бюрократия как

социальный слой только укрепляется, несмотря на то, что внутри нее меняются персоналии и ряд второстепенных функций.

Как правило, наиболее негативную роль играет корпоративная бюрократия, представляющая собой обособленную и фактически независимую касту. В обществе с так называемым «бюрократическим ритмом развития» (который имеет место и в России) главной тенденцией развития государственного аппарата является его трансформация именно в корпоративную бюрократию. Человек же в таком обществе с неустойчивой социальной структурой периодически попадает в кризис «коммунальной идентичности» и становится маргиналом. Стремясь вновь обрести социальный статус, он готов идентифицировать себя в качестве члена любой (пусть даже иллюзорной) общности. Это обусловливает возникновение как отдельных мифологем идентичности, так и целостной социальной мифологии, призванной вернуть индивиду утраченное чувство стабильности и комфорта.

Именно так произошло в России: своеобразие становления ее государственности обусловило возникновение социальной мифологии и в том числе появление мифа об интеллигенции.

Основной тенденцией развития российского государства было создание сильной централизованной власти и переход от сословно-представительной монархии к абсолютной.

Одним из главных условий существования и успешного функционирования такой монархии является наличие

мощного бюрократического аппарата, подчиняющего себе возможно большее число сфер в обществе.

Поэтому возникшая при сословно представительной монархии служилая бюрократия, сравнительно слабая, непрофессиональная и немногочисленная, в условиях окончательного оформления абсолютизма в эпоху Петра I превращается в особый социальный слой, обладающий значительными полномочиями. Этому способствовала политика, проводимая абсолютизмом в отношении социальной структуры. Режим формировал ее в зависимости от своих потребностей. Поэтому из трех активных, развивающихся и перспективных сословий – дворянства, духовенства и купечества – властные полномочия обрело только дворянство. Наступает второй этап развития российской бюрократии – *дворянский*. Его возникновение законодательно закреплялось вышедшей в 1722 году «Табелью о рангах».

Петр I хотел создать функционирующий *механизм* управления, но бюрократический аппарат стал приобретать черты *субъекта* управления. Он увеличивается численно, возникает и усложняется иерархия должностей, вводится постоянное денежное жалование.

Однако реально правящим классом дворянству стать не удалось по следующим причинам: во-первых, оно было малочисленно; во-вторых, в массе своей у дворянства отсутствовало специальное образование; в-третьих, оно не имело идеологии и сколько-нибудь внятной концепции развития страны; в-четвертых, дарованное им в период с 1725 по 1785 годы большое число льгот и вольностей в ущерб обязанностям превратило дворянство в пассивный и разлагающийся строй; к тому же в результате этих льгот

оно сделалось крупнейшим владельцем «крещеной собственности» (то есть крепостных крестьян) и было объективно заинтересовано в консервации существующих косных порядков. Поэтому большая часть дворянства превратилась в привилегированную, но быстро вырождающуюся абсентеистскую касту.

Меньшая часть дворянства, став чиновниками, государственными служащими высшего и среднего звеньев администрации, все же оформляется в корпоративную группу, у которой появляются собственные интересы и политические амбиции.

Она стала костяком, основой очередной разновидности российской бюрократии – чиновничьей.

Она возникает в эпоху правления Николая I. Именно тогда происходит окончательная переориентация царского режима на бюрократический аппарат как на свою основную опору. Не доверяя аристократии, Николай I стремился создать обособленную касту по-военному организованных исполнителей и превратить страну в бюрократическую империю.

Поэтому в основу работы бюрократического аппарата кладется принцип бюрократического централизма. Одновременно резко повышаются требования к общей и профессиональной подготовке чиновников. Их продвижение прямо увязывалось с уровнем образованности и профессиональной компетентности.

Кроме того, впервые в истории России правящий режим предпринял попытку создания собственной идеологии. Она была создана на основании работ историка М.П. Погодина и в конце 1834 года окончательно сформулирована товарищем министра просвещения

С.С. Уваровым в виде следующей формулы: «православие, самодержавие, народность».

Данная триада была сразу же принята бюрократией в качестве официальной. Однако внутри нее возникла иерархия: главенствующее место занимало самодержавие, являвшееся, согласно доктрине, основой стабильности государственного строя. Православие же и народность были не более чем формальными аксессуарами.

С одной стороны, идеология «русского консерватизма» формально была продолжением петровской традиции, русифицированной формы западничества. Однако, с другой стороны, в отличие от безудержного петровского реформаторства, она носила охранительный характер и создавалась для увековечения существующего строя.

Не ограничиваясь созданием охранительной идеологии, режим принял ряд законов о государственной безопасности, в соответствии с которыми право заниматься политикой, политической деятельностью принадлежало только правящей бюрократической верхушке. Все остальные граждане российской империи лишались этого права под угрозой сурового наказания.

Таким образом, к середине XIX века вся полнота власти в России сосредоточивается в руках одного социального строя – чиновничьей бюрократии, превратившейся к тому времени в корпоративную касту, преследующую свои собственные интересы в обход царя. Представительных противовесов бюрократии создать не удалось.

Это, в свою очередь, привело к перераспределению власти внутри самой бюрократии. Большая часть функций

управления перешла к репрессивному аппарату, сводившему их к чисто охранительным мерам.

Остальная часть бюрократии постепенно вырождалась, повторяя судьбу дворянства. Поэтому и она не стала реальным политическим субъектом действия. Выполнение управленческих функций свелось только к охранительной; так и не была создана долгосрочная и целостная концепция развития империи; отсутствовала идеология, принимаемая и понимаемая большинством населения страны – русский консерватизм к тому времени стал «идеологической псевдоморфозой», лишенной реального содержания и существовавшей только по инерции.

Тем не менее объективная неспособность властвовать еще не означала готовности разделить или уступить эту власть. Наоборот, режим решительно пресекал все попытки притязаний на власть. В этой связи П.Б. Струве отмечал, что «близоруко ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчудило от государства широкий круг образованных людей, ослепило его ненавистью к исторической властью, в то же время сделав эту интеллигенцию бесчувственной и слепой по отношению к противокультурным и зверским силам, дремавшим в народных массах... Систематически отказывая... интеллигенции во властном участии в деле устроения и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства».[1]

[1] Из глубины: сборник статей о русской революции. – М., 1990. – С. 237

Таким образом, ослабление витальности главной государственной силы – чиновничьей бюрократии – вызвало объективную потребность в новом историческом субъекте действия. Им стало, по выражению Г.П. Федотова, «инобытие» чиновничьей бюрократии, обозначенное термином «интеллигенция».

Становление нового исторического субъекта действия носило инновационный характер. Это выразилось в социальном составе формирующегося строя. Его основой стали разночинцы – немногочисленный городской слой маргиналов, или полностью утративших связь со своим сословием или формально принадлежащих к какому-нибудь сословию, но неудовлетворенных своим положением в нем.

В начале 40-х годов XIX века на его основе начинает формироваться «реальная социальная группа», постепенно осознающая свои экономические, политические и другие интересы и имеющая потенциальные возможности для их удовлетворения.

Как правило, такая группа состоит из «ядра», то есть концентрированного выразителя всех социальных свойств группы и ее интересов – субъекта действия, лидера, и «периферии» - людей, в той или иной степени разделяющих позиции ядра и участвующих в его деятельности с различной степенью активности.

Одной из задач ядра на этапе становления «реальной социальной группы» является конструирование позитивного образа данной группы в форме идеологии, научной теории, политического мифа и внедрение его в общественное сознание с помощью «периферии».

Идеология разночинских групп отличалась крайним для того времени радикализмом. Они не просто критиковали правительственный курс, но отрицали самые основы существующей государственной системы. Главным своим врагом разночинцы считали привилегированные классы и, прежде всего, бюрократический аппарат. Термин «бюрократия» употреблялся в разночинской среде только с негативно-уничижительным оттенком и был для них синонимом всего худшего и реакционного.

Традиционной формуле Российской Империи «православие, самодержавие, народность» разночинцы противопоставили формулу, заимствованную у Запада: атеизм, социализм, интернационализм.

Однако эти составляющие претворились в русской революционной среде специфическим образом. Социализм стал для них новым «символом веры» и воплотился в теорию и практику народничества – первое русское революционное движение, создавшее действующие политические организации.

В основе народнической идеологии лежала особая, светская разновидность религиозного сознания, проявлявшаяся в мифологизированных представлениях о крестьянстве как основной революционной силе общества, зрелой, совершенной, готовой в любой момент разрушить старый государственный порядок и осуществить самые коренные реформы.

Рассуждая о бескорыстном служении крестьянству, народники на деле считали себя его духовными наставниками. Идеализированный образ крестьянства предполагал и собственный облагороженный образ. В связи с этим

следует учитывать, что первоначальный политический опыт приобретался не в совместной партийной борьбе, а в кружках, организованных в учебных заведениях разного уровня, и в полемике на страницах газет и литературных журналов. Поэтому и модный в то время термин, избранный ими для позитивной репрезентации в обществе – «интеллигенция» - имел литературное происхождение.

Единичные случаи употребления этого понятия в абстрактно-философском значении «высшего сознания» как определенного качества личности известны уже во второй половине XVIII века.

Начиная с 40-х годов XIX века оно используется для обозначения определенной социальной группы, обладающей высокими нравственными качествами. Авторство этого термина, по нашему мнению, остается неустановленным: мы не разделяем распространенную точку зрения, согласно которой, приоритет понятия «интеллигенция» принадлежит П.Б. Боборыкину. Он был лишь одним из многих писателей, публицистов и ученых, использовавших данный термин в своих работах.

Таким образом, понятие «интеллигенция» в исторически закрепившемся значении возникает в русской художественной литературе и публицистике, отличаясь при этом лексико-семантической неопределенностью. Четкого социологического определения интеллигенции не существовало. Любое высказывание об интеллигенции сводилось к тому, что она – лучшая часть российского общества.

Поскольку народники именно себя считали наиболее передовой частью общества, они стали применять этот термин по отношению к собственному движению.

Целая группа ученых, от Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева до Л.Д. Троцкого и В. Воровского, полагала, что массовое распространение слово «интеллигенция» получило именно в разночинской среде.

При этом в его значении обязательно присутствовала аксиологическая доминанта, перевес эмоционального над логическим, что свидетельствовало об его антикаузальности, являющейся одним из признаков политического мифа.

Теоретики народничества попытались наполнить данное понятие конкретным содержанием, ввести его в определенные социологические рамки. Выделение интеллигенции в особую социальную группу происходило в соответствии с *социально-этическим* критерием. Из него исходили все видные деятели народничества, от П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского до Р.В. Иванова-Разумника, который дал классическое народническое определение интеллигенции: «Интеллигенция есть этически анти-мещанская, социологически – внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности».[2]

Таким образом, народничество, организуясь политически, дает начало *политической мифологии*, в рамках которой отдельная мифологема «интеллигенция» вписывается в теорию социальной структуры, состоящей из ряда элементов.

---

[2] Иванов-Разумник В.Р. Что такое интеллигенция// Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С. 80.

Главенствующее место в ней занимает интеллигенция. Другой элемент – «народ» - представлен в качестве основной силы истории, однако еще неспособной подняться до организованного протеста в силу отсутствия научного мировоззрения. Поэтому задачей интеллигенции является воспитание народа.

Тем самым народная масса представала в качестве объекта воздействия.

Следующие элементы социальной структуры, враждебный интеллигенции и народу – бюрократия и буржуазия. Борьба с ними составляет главную задачу интеллигенции и народа.

Однако, заложив основы политической мифологии, народники не смогли *практически* применить ее в деле завоевания власти, поскольку по сути своей были только антигосударственниками и серьезно не задумывались ни о типе будущего государства, ни о субъектах и формах государственного управления.

Логическое развитие и практическое применение политическая мифология, и в том числе миф об интеллигенции, получила в русифицированном воплощении марксизма – в теории и практике большевизма. Он был единственным политическим движением, боровшимся за власть на основе долговременной стратегии, предусматривавшей не только революционно-освободительную *борьбу* за власть, но и дальнейшую *организацию* власти после ее взятия.

Если русифицированный марксизм стал идеологией большевизма, то в своей практической и организационной деятельности большевики во многом исходили из постулатов, выдвинутых П.Н. Ткачевым.

Он считал, что в России, где еще нет ни многочисленного фабричного пролетариата, ни буржуазии, невозможна массовая революционная организация. Поэтому он выдвинул идею создания строго централизованной дисциплинированной партии, состоящей из интеллигентного, умственно и нравственно развитого революционного меньшинства.

Такая партия должна не только захватить власть, но сохранить ее для создания авторитарного диктаторского государства и сама стать государственной власть.

При этом она не может рассчитывать на поддержку народа, поскольку, по мнению П.Н. Ткачева, он консервативен, неспособен к организации и никогда не будет готов к революции.

Партия должна руководить народом и направлять его стихийную силу в нужном направлении, внушая при этом революционные идеалы. Тем самым установится «новый и разумный порядок общежития».

Таким образом, П.Н. Ткачев выдвинул два принципиально важных политических положения: идея непрерывности функционирования государственного бюрократического аппарата, несмотря на изменения политического режима; однако разновидности бюрократии при новом правлении могут носить инновационный характер и развиваться как партийный аппарат.

Большевики под руководством В.И. Ленина считали создание всероссийского аппарата управления, или точнее, общерусской централизованной организации, состоящей из профессиональных революционеров и руководимой политическими лидерами, одной из своих главных практических задач.

Отличительной чертой такого аппарата управления было наличие научной идеологии, адаптированной и привлекательной для масс.

Центральное место в идеологии большевизма занимала классовая борьба пролетариата. Это предполагало, во-первых, наличие классов; во-вторых, выделение пролетариата в особый класс; в-третьих, наличие у него «классового сознания», то есть идеологии; в-четвертых, признание его политическим субъектом действия.

Интеллигенция в этой схеме оказывалась социальной прослойкой, обслуживающей интересы того или иного класса. Ее большая часть сотрудничала с эксплуататорскими классами и поэтому считалась одним из врагов. Однако, по мнению В.И. Ленина, пролетариат, как и всякий другой класс, должен выработать свою собственную интеллигенцию, которая возглавит этот класс.

Тем самым В.И. Ленин (а за ним и его соратники по партии) объективно исходили из народнического же понимания интеллигенции как лучшей части общества, сузив его до рамок класса.

Концепция В.И. Ленина более четко, нежели народническая, социологически выстроена. Пролетариат является наиболее передовым классом; интеллигенция является передовой частью пролетариата и его руководителем; остальной народ является объектом воздействия.

Кроме того, использован иной критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу: если у народников он *социально-этический*, то у большевиков – *социально-классовый*.

Тем самым проявился еще один признак политического мифа – сохранение его оболочки (то есть наименования «интеллигенция») при радикальном изменении его содержания в зависимости от конкретных политических целей.

В реальности же партия большевиков представляла собой новый тип бюрократической организации, идущей на смену царской бюрократии – политической, основу которой составляли профессиональные революционеры, то есть маргиналы, вооруженные теорией русифицированного марксизма.

Именно в данной теории миф об интеллигенции находит свое логическое завершение, поскольку вписывается в систему мифологем (коммунизм, класс, пролетариат и т.д.) и становится частью глобального мифа социально-классовой структуры.

Кроме того, понятие «интеллигенция» используется другими политическими группировками, поэтому в период до 1917 года проявляется большая часть признаков данного мифа.

Выше мы уже рассмотрели два признака: антикаузальность и сохранение «оболочки» мифа при радикальном изменении его содержания. Антикаузальность мифа подтверждается еще по нескольким основаниям (отсутствие единой точки зрения на время возникновения интеллигенции и т.д.).

Средствами распространения мифа на этапе его возникновения служили газеты и литературно-публицистические журналы.

Формой проявления мифа в обществе, по мере его укоренения, становится идеология, а также научные теории.

Альтернативная идеология предполагает особый язык, «новояз», задачей которого является эмоциональное воздействие на общество и констатация ряда мифологем в качестве давно и реально существующих. Так произошло и с термином «интеллигенция», вошедшим в повседневное употребление в оппозиционных кругах, но официально не признаваемым режимом.

«Энкратическим» (то есть официально признаваемым властями и используемым ими) он стал задолго до Октябрьской революции.

Наконец, еще одним признаком мифа является ограниченность его функционирования рамками определенной территории.

Точка зрения на интеллигенцию как на уникальный, только в России существующий социальный феномен разделялась подавляющим большинством его исследователей. В настоящее время во всех двуязычных словарях этот термин дается с пометкой «rus» и в двояком написании.

Таким образом, в 30-40-е годы XIX века в России начинают формироваться первые политические организации, и сразу же возникает политическая мифология, составной частью которой становится миф об интеллигенции. За короткий период термин «интеллигенция» из отдельной мифологемы превращается в целостный миф, обладающий набором признаков и вписанный в систему мифологем. Он активно используется всеми без исключения политическими группировками того времени.

Однако одновременно с укоренением мифа в общественном сознании делаются попытки его демифологизации. Возникают «концепции-предупреждения».

Целый ряд ученых и общественных деятелей – народник И.И. Каблиц, «легальный марксист» А.С. Изгоев, анархист Я. Махайский, социал-демократ К. Каутский, писатель А.П. Чехов и другие, с разных точек зрения рассматривая интеллигенцию, приходили к единому выводу о том, что, по сути, она представляет собой новую разновидность бюрократии, новый эксплуататорский класс, более образованный и организованный, нежели царский государственный аппарат, но при этом значительно более опасный для народа, поскольку преследует только собственные интересы и не остановится ни перед чем для их осуществления.

Наиболее фундаментальным и концептуальным выражением таких взглядов стал сборник «Вехи», соавторы которого исходили не только из теоретических конструкций, но и из реального опыта вхождения «новой бюрократии» во власть – из опыта революции 1905-1907 годов.

Все участники сборника были солидарны в том, что субъектом революции, ее движущей силой была некая социальная группа, именуемая «интеллигенцией». Поэтому нужды русской государственности требовали тщательного исследования этого феномена. Результатом стала следующая совокупная характеристика социальной группы, именующей себя «интеллигенцией»:

- причиной ее возникновения являлась монополизация политической деятельности царской властью и недопущение элементов из средних и высших слоев населения к управлению страной;

- появившиеся аморфные политические антигосударственные течения за короткое время оформляются в замкнутую касту, исповедующую радикально-революционную идеологию;

- однако по своему мировоззрению интеллигенция в целом остается народнической; народническому перерождению подвергаются все революционные теории, включая марксизм;

- народнический характер определял ее следующие черты и признаки:

а) социально-этический критерий выделения себя в качестве основных субъектов действия;

б) прагматически-утилитарное отношение к науке и образованию;

в) отсутствие интереса к реальным национальным нуждам государства, космополитизм;

г) догматизм, слепая приверженность к параграфам партийных уставов;

д) неуважение к формальному, закрепленному в законах праву, подмена его «интересами народа».

Поэтому авторы «Вех» делают следующие выводы:

- социальная группа, именуемая интеллигенцией, несмотря на внутри- и межпартийные разногласия, представляет единый и целостный культурно-исторический феномен народничества;

- степень правосознания данной социальной группы находится на уровне полицейской государственности и является ее закономерным этапом, продолжая традиции российской власти. Таким образом, «интеллигенция» есть не что иное, как новая, закономерно возникшая разновидность

корпоративной бюрократии, идущая на смену чиновничьей и отличающаяся от нее большей степенью организованности, а также идеологией, доступной и привлекательной для масс.

Определение интеллигенции как новой формы бюрократии вызвало яростное неприятие практически всеми политическими группировками и их лидерами, от умеренных до самых радикальных. «Концепции-предупреждения» не сыграли никакой роли в формировании политической ситуации в России. В итоге к власти пришел новый субъект действия – политическая бюрократия.

Советское государство возникает как инновационная форма партийного правления. Бюрократический аппарат самодержавия подвергся радикальным преобразованиям. По замыслам руководства Советской России, и прежде всего В.И. Ленина, новый аппарат управления должен был представлять нечто вроде веберовской «идеальной модели». Однако практика его функционирования быстро показала наличие тех же негативных черт, что и у царской бюрократии.

К концу 20-х – началу 30-х годов бюрократический аппарат СССР вновь превращается в самостоятельный социальный корпоративный слой. Одним из главных инструментов его управления становится идеология. В это же время исчезает политика как форма взаимодействия между социальными группами. Бюрократия из политической превращается в идеологическую, и главным (формально нигде и никем не провозглашенным, но реально функционирующим) признаком становится *идеологический монизм*.

Соответственно при новом политическом режиме видоизменяется и политическая мифология. В очередной раз миф об интеллигенции наполняется новым содержанием. Если в первые годы советской власти еще происходят дискуссии на тему, что такое интеллигенция и где ее место в новом обществе, то к 1925 год возобладала единственная точка зрения: это понятие было редуцированно до рамок «специалиста», то есть чисто профессиональной междуклассовой прослойки, не играющей самостоятельной политической роли в обществе и являющейся объектом воздействия со стороны правящего класса.

Однако во второй половине 30-х годов официально утверждается нормативная теория социальной структуры, согласно которой в СССР существует два дружественных класса – рабочий класс и крестьянство, а также равноправная им во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни социальная прослойка – интеллигенция.

Таким образом, «интеллигент» из простого «спеца» превращается в спеца передового, преданного советской власти, разделяющего коммунистическую идеологию и активно проводящего ее в жизнь. В перспективе вся масса трудящихся, весь советский народ должен будет состоять из интеллигентных людей, овладевших современной наукой и культурой.

Следовательно, произошло новое возрождение народнического мифа об интеллигенции, на этот раз вписанного в единственную и нормативную мифологию социальной структуры. Он приобретает последний недостающий ему признак – термин «интеллигенция» становится

«энкратическим», то есть находящимся под опекой властей и официально используемым ими. Это означало, что впервые в истории человечества в СССР возникла и стала успешно функционировать *абсолютная мифология*, ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречающая препятствий для своего развития и существующая как единственно возможная картина мира.

Появление абсолютной мифологии стало завершающим этапом формирования правящего социального строя – идеологической бюрократии.

Став частью мифологии социальной структуры, миф об интеллигенции практически в неизменном виде функционировал до конца советского режима. В постсоветский период, в связи с целым рядом экономических и политических катаклизмов произошла беспрецедентная по масштабам маргинализация населения, однако нового политического субъекта действия, реально противостоящего правящему режиму, на наш взгляд, пока еще не возникло. Поэтому миф об интеллигенции в настоящее время используется только идеологами правящего режима. В широких же слоях общества данный термин употребляется в основном с негативно-уничижительным оттенком, так же, как в свое время термин «бюрократия».

Тем не менее говорить об исчерпанности мифа об интеллигенции, на наш взгляд, преждевременно. Об этом свидетельствуют попытки вписать его в теорию элит. Однако это тема уже другого исследования.

Орлов Сергей Борисович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В РОССИИ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА МИФА ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Монография

Редактор Соловьёва С.В.
Технический редактор Малыгина Ю.Н.
Подписано в печать 15.02.02. Формат 60x84 1/16
Усл. п. л. 12,56. Уч.-изд. л. 13,50
Печать – ризография, множительно-копировальный аппарат «RISO TR - 1510».

Тираж 500 экз. Заказ 2002-23
Издательство Алтайского государственного технического университета,
656099, г. Барнаул, пр. Ленина, 46

Оригинал-макет подготовлен ВЦ БТИ АлтГТУ

Отпечатано на ВЦ БТИ АлтГТУ
659305 г. Бийск, ул. Трофимова, 29.